

per Concordiam

Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы

■ **НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ**

Возвращение опасных соперников

■ **РОССИЙСКИЙ ЯДЕРНЫЙ ШАНТАЖ**

Как противостоять угрозам во время войны

■ **МОСКВА, МИНСК И УКРАИНА**

Наращивание вооружений в Беларуси

■ **СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ**

Новые методы, прежние цели

ПЛЮС

Мотивация роста ядерного арсенала Китая

Модернизация оборонных систем в ответ на угрозы сегодняшнего дня

Празднование 30-летия создания Центра им. Маршалла

**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СДЕРЖИВАНИЕ
и контроль над вооружениями**

основные статьи

7 **Рискованно, но выполнимо**

Д-р Пал Дуней, профессор в Центре им. Маршалла
Стратегическое сдерживание в ядерную эру

12 **Война в Украине**

Д-р Павел Баев, научный сотрудник и профессор
в Институте исследования мира в Осло
Влияние на российскую ядерную политику
и инструментарий

20 **Российско-белорусский альянс**

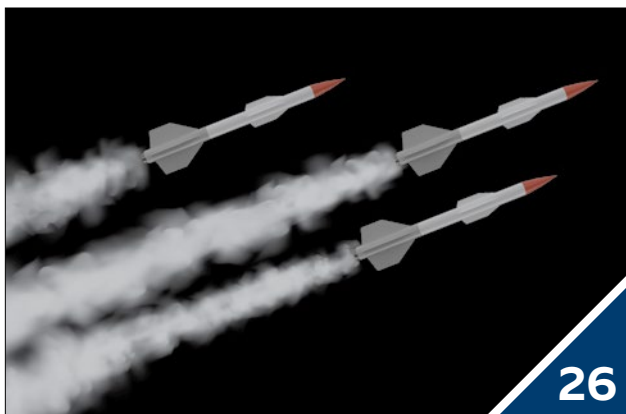
Д-р Максим Старчак, научный сотрудник Центра
международной и оборонной политики Королевского
университета в Канаде
Возможности развертывания ядерного оружия
в Беларуси

26 **Российская пропаганда и дезинформация**

Мартин Верриер, сотрудник Королевского института
объединенных служб
Основы современных российских тайных операций
заложены еще во времена холодной войны

32 **Растущие ядерные возможности Китая**

Д-р Брайан Карлсон, руководитель группы исследователей
проблем глобальной безопасности, Центр изучения
вопросов безопасности
Массированное наращивание ракетного арсенала
свидетельствует о серьезных переменах в
политике

38 **Совершенствую стратегическое сдерживание**

Генерал-майор Гленн Харрис, ВВС США,
и **майор Джон Яников**, Сухопутные войска США,
Стратегическое командование США
Стратегическое командование США
модернизирует свои возможности

46 **Современная система сдерживания**

Полковник Джеффри В. Пиклер, Сухопутные войска США
Война XXI века требует системы сдерживания
XXI века

54 **Стратегическая стабильность**

Анна Пецели, старший научный сотрудник Центра
исследований глобальной безопасности, Национальная
лаборатория Лоуренса Ливермора
Стратегическая стабильность и будущее контроля
над вооружениями

60 **Празднование важной вехи**

Д-р Катрин Бастиан и **д-р Ральф Ролофф**, профессора в
Центре им. Маршалла
Центру им. Маршалла исполняется 30 лет в
наступлении новой эры

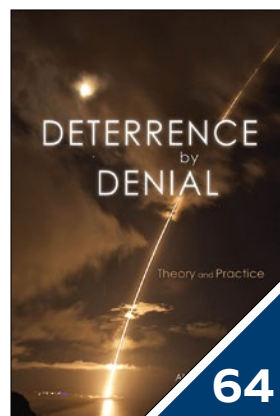
разделы

В каждом номере

- 4** ПИСЬМО ДИРЕКТОРА
- 5** АВТОРЫ
- 7** ТОЧКА ЗРЕНИЯ
- 64** РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
- 66** ОПИСАНИЕ КУРСОВ

Рецензия на книгу

Сдерживание путем недопущения: теория и практика

Редакторы: **Алекс Уилнер** и **Андреас Вегнер**

Рецензент: **Патрик Сван**, обозреватель журнала «per Concordiam»

Сдерживание путем недопущения имеет успех, когда вредоносные субъекты убедятся в том, что другая сторона не допустит, чтобы они получили ожидаемые результаты от своей агрессии.

На обложке:

Запад рассматривает варианты ответа на ядерные угрозы России и растущий ядерный арсенал Китая.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ «PER CONCORDIAM»

Следите за нами на Фейсбук и Твиттер

Фейсбук: @PerConcordiam
Твиттер: @Per_Concordiam

GEORGE C. MARSHALL
EUROPEAN CENTER FOR SECURITY STUDIES

Представляем вашему вниманию 47-й выпуск журнала «per Concordiam». Когда мы только планировали подготовить выпуск по тематике стратегического сдерживания с упором на ядерное оружие, мы не подозревали о том, насколько актуальным он станет. Мы знали, что пятый пересмотр ядерной политики США будет завершен до выпуска этого номера журнала. Однако мы не знали, что Россия, государство с самым большим в мире ядерным арсеналом, начнет полномасштабную агрессивную войну против Украины, и что мир должен будет решать, как реагировать на угрозы ядерной эскалации.

Тематика выпуска в основном сосредоточена на стратегическом сдерживании, российских ядерных силах, появлении ядерных сил Китая и потенциальных последствиях эры высокой напряженности для аспектов сотрудничества, таких как контроль над вооружениями. Опубликовавшие в этом номере свои работы эксперты по-разному связаны с Центром им. Маршалла. Некоторые участвовали в наших программах в качестве лекторов или участников серии семинаров «Стратегическая конкуренция», в то время как другие делятся своим опытом на страницах нашего журнала впервые.

Профессор Центра им. Маршалла д-р Пал Дуней концептуализирует выбранную тематику и устанавливает рамки для анализа. Д-р Павел Баев из Института исследования мира в Осло дает детальную картину становления ядерных сил России. Д-р Максим Старчак, научный сотрудник Центра международной и оборонной политики Королевского университета в Канаде, рассматривает проблему, периодически появляющуюся в повестке дня: возможность передового развертывания российских ядерных сил в Беларуси. Исследователь Королевского института объединенных служб Мартин Верриер дополняет картину историческим анализом российских тайных операций.

Руководитель группы исследователей проблем глобальной безопасности в Центре изучения вопросов безопасности д-р Брайан Карлсон анализирует растущие ядерные возможности Китая. Генерал-майор ВВС США Гленн Харрис и майор Сухопутных сил США Джон Яников рассуждают о модернизации ядерных возможностей США, делая при этом упор на аспекте сдерживания. Д-р Анна Пецели из Национальной лаборатории Лоуренса Ливермора рассматривает необходимость достижения стратегической стабильности в отношениях между наиболее сильными ядерными державами. А полковник Сухопутных сил США Джеффри Пиклер утверждает, что для сдерживания российской агрессии необходимо задействовать все составляющие общества.

Этот выпуск журнала «per Concordiam» подействует на читателя отрезвляюще, что будет абсолютно в духе нынешнего времени. Мы надеемся, что моральное сдерживание и аргументы против применения самого смертоносного оружия в мире возобладают, как это было за последние более чем 77 лет.

Искренне ваш,

Барри Сегуин
Директор

Барри Сегуин

*Директор
Европейского центра
по изучению вопросов
безопасности и.м. Дж. К.
Маршалла*

Барри Сегуин ушел в отставку из ВВС США в звании генерал-лейтенанта в октябре 2020 г. после более чем 31 года действительной службы. Его последняя должность – заместитель начальника штаба, отдел стратегических кадров, Верховное главнокомандование Объединенных вооруженных сил в Европе в Бельгии. Он поступил на действительную службу в 1989 г. как закончивший с отличием выпускник Учебного корпуса офицеров резерва после окончания Государственного университета Нью-Йорка в г. Потсдам, штат Нью-Йорк. Он служил на таких летных должностях как инспектор, пилот-инструктор, главный офицер эскадрильи по вопросам безопасности и операций, а также занимал командные должности на уровне авиаотряда, авиагруппы, эскадрильи и Воздушно-космической экспедиционной рабочей группы. Он занимал следующие командно-штабные должности: командующий 9-й Воздушно-космической экспедиционной рабочей группой в Афганистане и воздушным командованием НАТО в Кабуле, Афганистан; начальник отдела стратегии, сотрудничества и программ Африканского командования в г. Штутгарт, Германия; командующий 31-й эскадрильей истребителей на базе ВВС Авиано в Италии; и генеральный инспектор штаба боевого воздушного командования.

Д-р Павел Баев – исследователь и профессор в Институте исследования мира в Осло. Он также приглашенный старший научный сотрудник в Институте Брукинга в Вашингтоне и старший научный сотрудник во Французском институте международных отношений в Париже. Его научные интересы включают трансформацию вооруженных сил и стратегической культуры России, российскую политику безопасности в Арктике и российско-китайское сотрудничество в области безопасности.

Д-р Пал Дуней – профессор в Центре им. Маршалла, специализирующийся на вопросах европейской безопасности и НАТО, и академический консультант следующих программ Центра: «Прикладные исследования вопросов безопасности», «Семинар по вопросам восточно-европейской безопасности» и «Краткие курсы для старших руководителей». До этого он был директором Академии Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе с 2014 г. по 2016 г. и директором Международного обучающего курса по политике безопасности в Центре политики безопасности в Женеве с 1996 г. по 2004 г. и с 2007 г. по 2014 г.

Д-р Брайан Карлсон – Руководитель группы исследователей проблем глобальной безопасности в Центре изучения вопросов безопасности (ЦИВБ) в Цюрихе. У него докторская степень в области международных отношений от Школы передовых международных исследований им. Джона Хопкинса в Вашингтоне, и его докторская диссертация была на тему китайско-российских отношений в постсоветский период. Он был американским исследователем с докторской степенью в международных отношениях и вопросах безопасности в ЦИВБ, в Немецком институте по международным делам и безопасности в Берлине и в Корпорации «Рэнд» в Вашингтоне.

Генерал-майор Гленн Харрис – заместитель начальника управления глобальных операций в Стратегическом командовании США на базе ВВС Оффутт в штате Небраска, где он является руководителем операций с ядерным оружием. Он отвечает за ежедневную готовность ядерного командования и управления США и стратегических сил сдерживания. Он также несет ответственность за компонент синхронизации совместных операций и операций в рамках коалиции и управляет приданными войсками для достижения национальных целей и целей СТРАТКОМ США. Он служил на должности командира эскадрильи, заместителя командующего Инспекционного агентства ВВС и командующего 91-го ракетного крыла на базе ВВС Майнот в штате Северная Дакота.

Д-р Анна Пецели – старший научный сотрудник в Центре исследований глобальной безопасности в Национальной лаборатории Лоуренса Ливермора. Она работала в Стэнфордском университете в качестве приглашенного исследователя в Центре Европы и была стипендиатом Стэнтона по вопросам ядерной безопасности в Центре международной безопасности и сотрудничества. В Венгрии она была старшим научным сотрудником в Центре стратегических и оборонных исследований и младшим преподавателем в Университете Корвинуса в Будапеште, где она получила докторскую степень в международных отношениях. Она была приглашенным исследователем в Институте исследования мира во Франкфурте, а также стипендиатом Фулбрайта в Федерации американских ученых.

Полковник Джеффри Пиклер, Сухопутные войска США – служил на командных должностях в 82-й воздушно-десантной дивизии, 2-м рейнджерском батальоне, боевой группе 173-й воздушно-десантной бригады, 25-й пехотной дивизии, и в 4-й пехотной дивизии. У него степень магистра в области организаторской психологии и лидерства от Педагогического Колледжа Колумбийского Университета в Нью-Йорке. Он был сотрудником американской Военной академии в Вест Поинте и Канцелярии председателя объединенного комитета начальников штабов. В Центре им. Маршалла он был стипендиатом Военного училища.

Д-р Максим Старчак занимается анализом российской ядерной политики в Центре международной и оборонной политики в Королевском университете в Канаде; он также регулярно печатается в издании Фонда Джеймстауна «Eurasia Daily Monitor» и участвует в работе Центра анализа европейской политики. Он готовит доклады по российским стратегическим ядерным силам для Атлантического совета и Института исследований внешней политики. Он сотрудничал с «мозговым трестом» ПИР-Центр, Институтом исследований США и Канады и Институтом экономической политики им. Гайдара.

Мартин Верриер – научный сотрудник в Королевском институте объединенных служб в Лондоне. Он занимал должность заместителя госсекретаря Аргентины по борьбе с наркотиками в период с 2015 г. по 2019 г. Он адъюнкт-профессор Программы борьбы с терроризмом и организованной преступностью в Центре им. Маршалла, а также приглашенный старший научный сотрудник в Королевском колледже в Лондоне. У него степень бакалавра в международных отношениях от Университета Бельграно в Буэнос-Айресе, степень магистра в сфере стратегии и геополитики от Военного училища Сухопутных войск Аргентины, а также степень магистра в области разведки и международной безопасности от Королевского колледжа в Лондоне.

Майор Джон Яников, Сухопутные войска США – начальник Отдела военных операций информационной поддержки в Управлении глобальных операций Стратегического командования США на базе ВВС Оффутт в штате Небраска. Он был командиром взвода, отделения и командиром роты «Альфа», а также офицером-оперативником в 3-м батальоне психологических операций Командования специальных операций Сухопутных войск США в Форт-Брэгге в штате Северная Каролина. У него степень магистра в области обороны и стратегических исследований от Университета штата Техас в г. Эль Пасо.

Стратегическое сдерживание

Том 12, № 3, 2023

Пишущий редактор

Д-р Пал Дуней

Европейский центр по изучению вопросов безопасности им. Дж. К. Маршалла:

Руководство

Берри Сегуин
Директор

Тим Макатир
Заместитель директора (США)

Рольф Вагнер
Заместитель директора (Германия)

Центр им. Маршалла

Европейский Центр по исследованию вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла – это совместный немецко-американский центр, основанный в 1993 г. Задачей центра является поддержка диалога и понимания между европейскими, евразийскими, североамериканскими и другими государствами. Тематика его очных курсов обучения и информационно-разъяснительных мероприятий: большинство проблем безопасности в 21 веке требуют международного, межведомственного и междисциплинарного подхода и сотрудничества.

Контактная информация:

«per Concordiam» editors
Marshall Center
Gernackerstrasse 2
82467 Garmisch-Partenkirchen
Germany
editor@perconcordiam.org

«per Concordiam» является профессиональным журналом, публикуемым ежеквартально Европейским командованием США и Европейским центром по изучению вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла, посвященный вопросам обороны и безопасности в Европе и Евразии для учёных и экспертов, занимающихся проблемами обороны и безопасности. Высказанные в журнале взгляды не обязательно отражают политику или точку зрения этих организаций или других государственных ведомств Германии и США. Мнения, высказанные авторами статей, принадлежат исключительно этим авторам. Министр обороны принял решение о том, что публикация этого журнала необходима для поддержания связей общественности, как того требует от Министерства обороны США действующее законодательство.

ISSN 2166-4080 (печатные издания)
ISSN 2166-417X (интернет)

ДВОЙНОЙ ОБЪЕМ ОНЛАЙН

1) Читайте новые и старые выпуски «per Concordiam»:

<https://perconcordiam.com>

ПОДАТЬ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Отправляйте статьи и отзывы в Центр им. Маршалла по адресу: editor@perconcordiam.org

ПОДПИСАТЬСЯ

Если Вы хотите подписаться на **БЕСПЛАТНУЮ** доставку журнала «per Concordiam», пожалуйста, свяжитесь с нами по электронной почте editor@perconcordiam.org

НАЙТИ НАС ОНЛАЙН

Центр им. Маршалла: <https://www.marshallcenter.org>
Фейсбук: <https://www.facebook.com/PerConcordiam>
Твиттер: https://www.twitter.com/per_concordiam
GlobalNET портал: <https://members.marshallcenter.org>
Цифровая версия: <https://perconcordiam.com>

2) Ежегодно получайте самые свежие новости о *глобальной безопасности*:

transnational
weekly
<https://www.marshallcenter.org>

РИСКОВАННО, НО ВЫПОЛНИМО

Стратегическое сдерживание в ядерную эру

Д-р Пал Дуней, профессор в Центре им. Маршалла

Скоро пройдет восемь десятилетий с тех пор, как мы вступили в ядерную эру. Мир должен жить с ядерным оружием – мы не можем себе вообразить, как будто оно так никогда и не было изобретено, на что обратила наше внимание Маргарет Тэтчер, бывшая в то время премьер-министром Великобритании, еще в 1982 г. С тех пор прошло более 40 лет, и это заявление выдержало испытание временем. Ядерную эру нельзя повернуть вспять, она продолжает развиваться по нарастающей. Тем не менее, основной, если не единственной, рациональной причиной существования самого смертоносного в мире оружия должно быть снижение опасности новой войны.

Наличие ядерного оружия часто упоминается в качестве причины продолжительного мира, который длился в течение четырех десятилетий холодной войны. Вопрос о том, может ли какая-то одна категория вооружений обеспечивать мир, остается темой для обсуждений, но лишь немногие могут поспорить с тем, что накопление больших ядерных арсеналов способствовало сохранению длительного мира. Именно на этом убеждении и было основано то, что называли «мышлением времен холодной войны». Хотя сам термин и содержит некоторую двусмысленность, в целом все разделяют мнение, что стереотип мышления периода холодной войны предполагает не только сдерживание, но также и готовность вступить в ядерную войну. После кубинского ракетного кризиса были приложены значительные усилия для того, чтобы снизить уровень конфронтации между двумя великими ядерными державами, США и Советским Союзом. В этом контексте часто упоминается первый крупный договор в области контроля над вооружениями – Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Однако в 1960-е гг. «доктрина гибкого реагирования» стала доминировать не только в США, но и в НАТО и начала вытеснять «доктрину массированного возмездия». Эта доктрина подразумевала, что вооруженный конфликт между великими ядерными державами (и их союзниками) не

Президент США Рональд Рейган, справа, и глава Советского Союза Михаил Горбачев празднуют подписание Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности с целью сокращения мировых арсеналов ядерного оружия. 1987 г.

АССОЦИИЭЙТЕД ПРЕСС

обязательно должен перерасти в ядерную войну. Не удивительно, что «доктрина гибкого реагирования» действует и после окончания холодной войны.

Горизонтальное распространение

В истории ядерной эпохи есть один элемент, объединяющий период холодной войны с нынешним временем – это категоричное неприятие Соединенными Штатами и Советским Союзом/Россией (а также всеми пятью членами Совета Безопасности ООН) возможности роста числа государств, обладающих ядерным оружием. Развитие ядерных программ в странах, не имеющих этот вид оружия, известно как «горизонтальное распространение». Неприятие такого распространения отражено в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), подписанном в 1968 г., самом успешном в мире многостороннем соглашении в области контроля над вооружениями.

В первые два десятилетия после окончания холодной войны в отношении ядерных арсеналов была определенная озабоченность. Однако эта озабоченность относилась к совершенно иным аспектам безопасности, чем те, которые доминировали во времена холодной войны.

В достижении этого успеха ведущую роль играли США, Советский Союз и Великобритания. Конечно же, можно поспорить, что, несмотря на договор, количество де-факто ядерных держав возросло с пяти до девяти. Однако это произошло более чем за полувековой период, в то время как несколько стран отказались от своих ядерных амбиций (одно государство, Южная Африка, ликвидировало свои небольшие запасы ядерного оружия), а пять законных ядерных держав сохранили свое единство в противодействии ядерным амбициям других государств. Это значительное достижение. За последние полвека традиционные ядерные державы поддерживали тесные отношения с той или иной де-факто ядерной державой. В качестве примера можно привести связи между США и Израилем, Китаем и Северной Кореей, а также Советским Союзом/Россией и Индией. Тем не менее, многие страны мира, включая большинство из 191 страны, подписавшей ДНЯО, не поддерживают превращение неядерных стран в де-факто ядерные.

дальности (РСМД) и последующим односторонним и ответным взаимным мерам по сокращению этого вида вооружений. Вопрос «Какое количество вооружений будет достаточно?» стал актуальным как никогда. Россия и США продолжали соблюдать свои обязательства в соответствии с ДНЯО. Этот договор обязывал ядерные страны предпринимать шаги по ядерному разоружению. Понятно, что это относилось в первую очередь к ведущим ядерным державам. За 35 лет (в период с 1987 г. по 2022 г.) 80% мировых запасов ядерного оружия было уничтожено. Несомненно, это достижение, хотя это никак не влияет на наше восприятие безопасности, поскольку возможности многократного ядерного уничтожения сохраняются. Из-за сокращения российских и американских ядерных вооружений и роста арсеналов Индии, Пакистана и, в меньшей степени, Северной Кореи доля мировых запасов ядерного оружия, находящихся во владении двух сверхдержав, сократилась до примерно 92%.

В первые два десятилетия после окончания холодной войны в отношении ядерных арсеналов была определенная озабоченность. Однако эта озабоченность относилась к совершенно иным аспектам безопасности, чем те, которые доминировали во времена холодной войны. В 1990-е гг. озабоченность вызывали пять основных факторов:

1. Физический контроль за российским ядерным оружием, т.н. проблема «легкодоступных ядерных боеголовок».
2. Обладание ядерным оружием Беларусью, Казахстаном и Украиной в качестве стран-правопреемниц Советского Союза и передача оружия из этих стран в Россию.
3. Горизонтальное распространение ядерного оружия – ядерные программы Индии и Пакистана.
4. Предполагаемая ядерная программа Ирака, которая, как выяснилось позднее, была прервана.
5. Потенциальный доступ негосударственных субъектов к расщепляющемуся материалу для создания «грязных бомб».

Российские дальние бомбардировщики участвуют в параде по случаю Дня Победы в Москве. АССОЦИЭЙТЕД ПРЕСС

После окончания холодной войны в мире остался ядерный арсенал, насчитывающий примерно 65 тыс. ядерных устройств. Однако после 1987 г. этот арсенал начал сокращаться благодаря американо-советскому Договору о ликвидации ракет средней и меньшей

Новые приоритеты в сфере безопасности

Террористические нападения 9 сентября 2001 г. изменили приоритеты в области безопасности. Межгосударственные отношения безопасности между

основными ядерными державами, как минимум временно, потеряли свою значимость. Президент России Владимир Путин бросил вызов международному распределению сил – как показала его речь на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г. (когда он открыто отказался от норм в сфере безопасности, установившихся после окончания холодной войны), а также война России против Грузии в августе 2008 г. С тех пор сохраняется угроза возврата к межгосударственному противостоянию между Россией и Западом. Новый Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ 3), инициированный США и подписанный в 2010 г., а также продемонстрированный Россией интерес к «перезагрузке» отношений дал надежду на то, что новой эры враждебных отношений можно будет избежать.

Благодаря экономическому росту в период с 1999 г. по 2012 г. Россия смогла увеличить инвестиции в свой оборонный сектор. Это можно интерпретировать по-разному. При благожелательном, если не откровенно наивном толковании можно сделать вывод, что это компенсировало длительный период между концом 1980-х и началом XXI века, когда Россия не уделяла приоритетного внимания своим вооруженным силам. Менее наивный вывод заключается в том, что Россия хотела вернуться за «высокий стол» мировой политики. Об этом свидетельствовали не только усилия по военной модернизации, но также и политические заявления, в частности, непрерывные заявления Путина (начавшиеся в 2005 г.) о том, что его страна хочет быть в центре многополярного международного порядка. Если военный потенциал является наиболее важным источником силы России, то логично сделать вывод, что «восстановление» России будет основываться на консолидации ее военной мощи. И российские официальные документы не оставляют никаких сомнений относительно важности ядерного оружия. Россия рассматривает его в качестве самого надежного инструмента сдерживания. Зная о потере своего превосходства в сфере обычных вооружений, Россия все больше испытывает желание полагаться на свои ядерные силы. В документах приводятся различные варианты ситуаций, в которых может применяться ядерное оружие. Будет ли это при защите непосредственно самой России и ее союзников? Или если на нее нападет другое ядерное государство?

Моральный запрет

Позиция сдерживания всегда состоит из двух элементов: наличие возможностей и готовность использовать их. Россия, имея крупнейший в мире ядерный арсенал, конечно же имеет первое, а ее объявленная политика не оставляет сомнения насчет второго. Тем не менее, каждое ядерное государство сталкивается со следующим обстоятельством: с 9 августа 1945 г. ядерное оружие ни разу не было применено.

Прошло уже более 77 лет, а моральный запрет против применения ядерного оружия все усиливается. Все это дополняется различными международными договорами, заключенными в период с 1982 г. по 2022 г., в каждом из которых заявлялось, что ядерную войну невозможно выиграть и что ее нельзя начинать (конкретные языковые выражения этого тезиса варьировались). Хотя документы никак напрямую не влияют на мировые ядерные возможности, они все же усиливают фактор морального запрета.

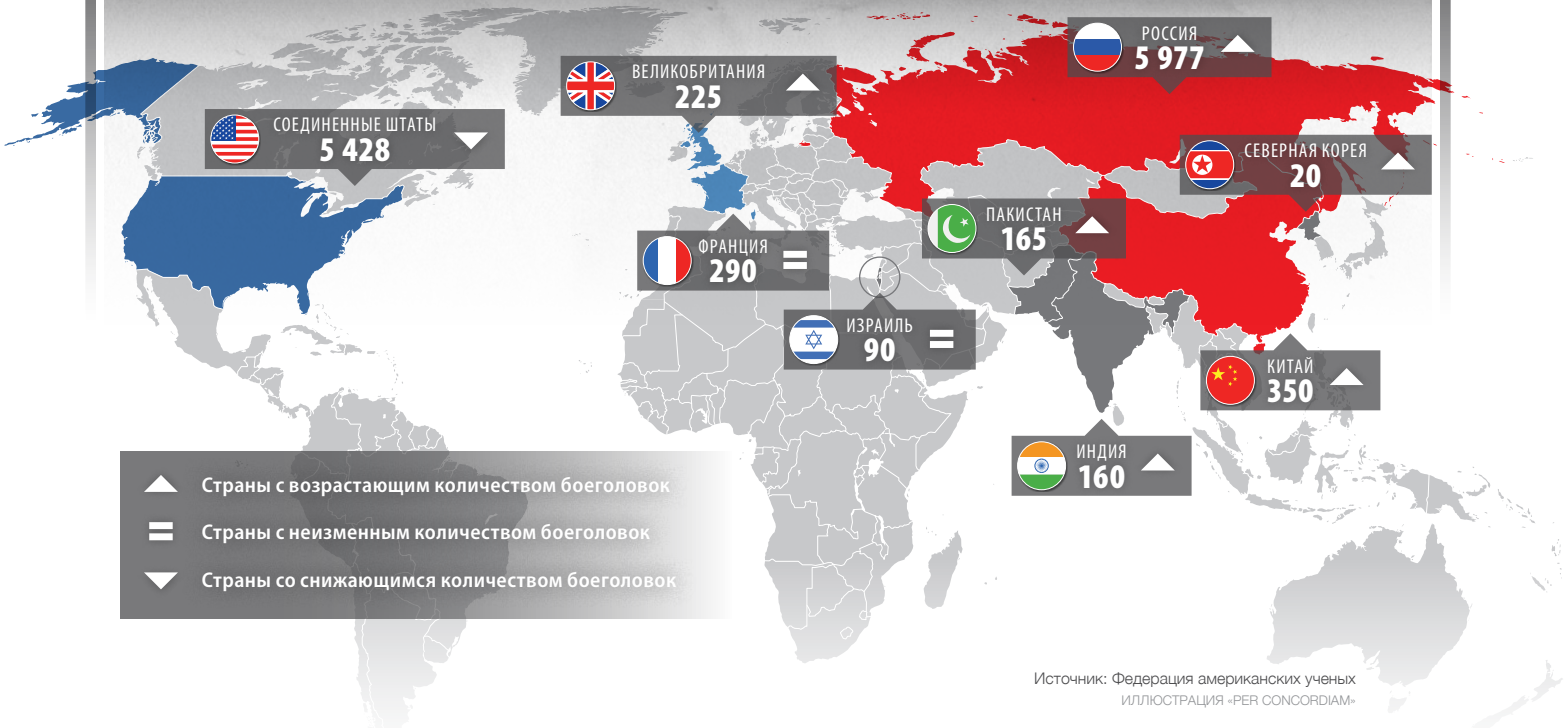

Российские законодатели проводят встречу в 2021 г., чтобы продлить новый Договор СНВ на пять лет. АССОЦИЭЙТЕД ПРЕСС

Не существует общемирового юридического запрета на ядерное оружие или на его использование. Международный суд в своем консультационном заявлении, сделанном в 1996 г., не смог прийти к заключению, что использование ядерного оружия будет незаконным, и указал: «... учитывая нынешнее состояние международного права и фактические данные, имеющиеся в его распоряжении, Суд не может прийти к категоричному заключению, будет ли законным или незаконным угроза использования ядерного оружия или его использование в экстремальных обстоятельствах самозащиты, когда на карту будет поставлено непосредственно выживание государства». Договор о запрещении ядерного оружия, который был открыт для подписания в 2017 г. и вступил в силу в 2021 г., в числе подписантов не имеет ни одного государства, обладающего ядерным оружием. В целом, ядерное сдерживание продолжает действовать. Существует стремление ограничить существование ядерных арсеналов сдерживающей функцией, однако эта цель еще не достигнута.

Вызывает озабоченность перспектива возникновения противоположной тенденции. Недавно в накаленной атмосфере агрессивной войны России против Украины была высказана озабоченность относительно

ОЦЕНКА МИРОВЫХ ЗАПАСОВ ЯДЕРНЫХ БОЕГОЛОВОК, 2022 Г.

того, что Россия пойдет на эскалацию конфликта, применив ядерное оружие. Действительно, начиная с учений «Запад-99», Россия ввела в свою военную подготовку этот сценарий, который она называет «эскалация ради деэскалации». Это означает, что если Россия не сможет доминировать в конфликте с применением обычных вооружений, то она применит нестратегическое ядерное оружие, за чем последуют переговоры, исходя из теории о том, что другая сторона (а также, скорее всего, коллективный Запад) постарается избежать ядерной эскалации. Несколько последних военных учений указывают на то, что российские военные рассматривают такой вариант. Какие уроки можно извлечь из такого российского подхода? Он указывает на то, что Россия может представить себе экстремальную ситуацию, когда этот ядерный порог перешагнуть будет просто необходимо. Москва также исходит из того, что Запад не пойдет на ядерную эскалацию и что Запад косвенно признает, что Россия способна и готова продолжать эскалацию, если столкнется с ядерным ответом.

Общественное осуждение может быть причиной того, что в свои последние учения Россия не включила сценарий ядерной эскалации или, по крайней мере, открыто об этом не заявила. Во время войны России против Украины угроза тактической ядерной эскалации широко обсуждается в западных кругах из-за военных неудач, которые потерпела Россия. Запад ясно дал понять, что не пойдет на ядерную эскалацию в ответ на ядерный удар малой мощности. Понятно,

что Запад не может раскрыть все детали возможной реакции на ядерную эскалацию со стороны России. Несмотря на эту двусмысленность, было совершенно ясно, что реакция, хотя и не ядерная, будет иметь катастрофические последствия для России.

Ядерные амбиции Китая

Хотя в США (и на Западе) ядерное сдерживание интерпретируется в основном в российском контексте, необходимо внести определенные поправки в наше мышление из-за планов Китая существенно увеличить свой ядерный потенциал к 2030 г. В своем стремлении обладать 1 тыс. ядерных боеголовок, Китай выделится среди стран с меньшими ядерными арсеналами, но будет значительно отставать от арсеналов России и США. Основной вопрос заключается в том, нужны ли будут Китаю эти арсеналы для сдерживания или для ведения войны. В ядерном сдерживании все большее внимание уделяется не количеству боеголовок, а другим факторам, таким как живучесть ядерных арсеналов (что привело к созданию компонентов наземного, морского и воздушного базирования, известных под общим названием «ядерная триада»); качество систем доставки боезарядов, включая ракеты, подводные лодки и воздушные средства; и способность противостоять развивающимся системам противоракетной обороны.

Создание передовых возможностей противоракетной обороны не делают США и другие страны, которые размещают их, неуязвимыми в случае

Ядерный стелс-бомбардировщик B-21 Raider («Рейдер») представили в декабре 2022 г. в качестве ответа Пентагона на растущие опасения по поводу Китая. АССОЦИИЭЙТЕД ПРЕСС

массированного стратегического ядерного нападения со стороны России. Тем не менее, Россия считает, что ПРО ослабляет ее способность нанести успешный ядерный удар. Реакция России на это двоякая: увеличить скорость полета ракеты (т.е. создать гиперзвуковые ракеты), что позволит пробить противоракетную оборону противника, или укрепить инфраструктуру своих ядерных вооружений. В то время как первый вариант был частично реализован, начиная с 2019 г., второй вариант находится лишь на начальной стадии и может потребовать усилий и ресурсов, которых у России, завязшей в высокоинтенсивной войне в Украине, просто нет.

Совершенно очевидно, что Россия хочет сохранить ядерное сдерживание в центре своей военной стратегии. Эта теория поддерживается объявленной Москвой политикой и словесными угрозами, сопровождаемыми видеорепортажами о гиперзвуковых ракетах «Циркон» и гиперзвуковых крылатых ракетах воздушного базирования «Кинжал». Нынешнее состояние дел отражено в несекретной версии «Обзора ядерной политики США», опубликованной в октябре 2022 г. В документе отражена следующая реальность: у США сегодня четыре ядерных соперника – Россия, Китай, Северная Корея и Иран. Каждый из них создает особую проблему, хотя их всех объединяет то, что они являются потенциальными военными противниками Запада. Понятно, что отношения с Россией описываются в жестких выражениях. Россия диверсифицирует свой ядерный арсенал и рассматривает свое ядерное оружие как «щит, прикрываясь которым она может развязать неоправданную агрессию против своих соседей». Роль ядерного арсенала США не ограничивается исключительно сдерживанием, хотя оно и остается его основной ролью. Оно обеспечивает гарантии безопасности союзникам, а также дает возможность решить стоящие перед США задачи в случае,

если сдерживание не работает. США еще раз подчеркивают приоритетность сдерживания в своей ядерной политике, когда четко указывают, что они «не будут применять ядерное оружие и угрожать его применением против неядерных держав, подписавших ДНЯО и соблюдающих свои обязательства в области нераспространения ядерного оружия». Это касается всех стран за исключением нескольких неядерных государств, которые могут столкнуться с ядерной силой США. Конечно же, это относится к Северной Корее и Ирану; первая вышла из ДНЯО, а вторая не выполняет свои обязательства по договору.

Заключение

Несмотря на скудные перспективы в области контроля над вооружениями и управления кризисами, «Обзор ядерной политики США» не производит впечатления документа, разработанного «ястребами» под воздействием событий, разворачивавшихся в момент его составления. Ясно, что США не хотят реагировать чрезмерно резко на нынешний высокий уровень напряженности в отношениях с Россией и возрастающую враждебность в отношениях с Китаем, устояв перед искушением дать своим основным ядерным оппонентам повод для эскалации напряженности. Сейчас американо-российские усилия в области контроля над вооружениями зашли в тупик. Хотя администрация президента Джо Байдена в феврале 2021 г. продлила Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) еще на пять лет, перспективы этого продления стали неясными после того, как в феврале 2023 г. Путин в одностороннем порядке приостановил действие этого договора. Это значит, что договор сможет остаться в силе только в случае фундаментальных перемен в России, включая окончание войны России против Украины, которое удовлетворит обе стороны, подписавшие договор. □

ВОЙНА В УКРАИНЕ

ИЛЛЮСТРАЦИЯ «PER CONCORDIAM»

Влияние на российскую ядерную политику и инструментарий

Д-р Павел Баев, научный сотрудник и профессор в Институте исследования мира в Осло
ФОТОГРАФИИ АССОЦИИЭЙТЕД ПРЕСС

Стремление России к статусу великой державы и ее амбиции стать ключевым центром силы в предполагаемом многополярном мире подкрепляются, формируются и стимулируются фактом наличия у страны арсенала ядерного оружия, возможно, крупнейшего в мире. Однако несмотря на то, что Москва направляет огромные объемы все более истощающихся ресурсов на модернизацию этого арсенала, она сталкивается с возрастающими трудностями в получении политических дивидендов от этих инвестиций. Действовавший долгое время принцип генеральной стратегии России относительно поддержания ядерного паритета с Соединенными Штатами по-прежнему сохраняется, однако большое количество боеголовок не приводит к повышению авторитета на международной арене или к способности Москвы оказывать влияние на мировые события. В условиях новой геополитической конфигурации, сформировавшейся в ходе войны в Украине, Россия может увидеть возросшую необходимость полагаться на свой превосходящий ядерный потенциал, поскольку остальные элементы ее силы, и особенно ее экономика, ослаблены и подорваны. Тем не менее, вероятность того, что применение ядерного оружия как инструмента поможет России одержать победу на поле боя Донбасса, чрезвычайно низка. В том, что касается сдерживания западной поддержки Украины, ядерная стратегия окажется неэффективной, если не контрпродуктивной.

Одним из наиболее эффективных путей получения выгод от обладания современными разнообразными ядерными возможностями традиционно является участие в сложных переговорах и соглашениях по контролю над вооружениями, прежде всего с США. Эта имевшая большой резонанс ядерная торговля обеспечила Советскому Союзу – а с начала 1990-х гг. также России – символическое место второго наиболее мощного государства в мире. Эта проторенная тропинка зашла в тупик в начале 2020-х гг. Прекращение действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД),

подписанного президентом США Рональдом Рейганом и Генеральным секретарем Компартии Советского Союза Михаилом Горбачевым в декабре 1987 г., ознаменовавшего окончание периода холодной войны, стало наиболее очевидным проявлением кризиса в области контроля над вооружениями, хотя Россия и склонна относить начало этого кризиса к 2002 г., когда США приняли решение выйти из Договора об ограничении систем противоракетной обороны.

Президент США Джо Байден, слева, и президент России Владимир Путин на встрече в Швейцарии в 2021 г.

Подписание в июне 2021 г. президентом США Джо Байденом и президентом России Владимиром Путиным соглашения о продлении действия Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) еще на пять лет могло бы расцениваться как начало очередного этапа ядерного разоружения. Однако этот процесс закончился, так и не начавшись. Россию не устраивало признание ее статуса равного партнера с США, поскольку оно было обусловлено обязательством следовать «стабильным и предсказуемым» политическим курсом, на чем настаивал Байден. Путин же опасался, что роль России в

глобальной политике будет постепенно снижаться. Консультации относительно стратегической стабильности сразу же зашли в знакомый тупик, ответственность за что Москва прямо возложила на США, отказываясь признать тот факт, что нарушения Россией ключевых положений старых соглашений и ее масштабная программа модернизации своего ядерного арсенала свели на нет практическую ценность этих соглашений.

Начало войны в Украине в феврале 2022 г. пустило под откос американо-российские переговоры по ядерной тематике, и даже если Путин сигнализировал о готовности возобновить диалог и объявить о том, что ядерную войну невозможно выиграть и ни в коем случае никогда нельзя ее начинать, рациональность при принятии им решений ставилась под сомнение из-за его рокового выбора напасть на Украину. Затем в феврале 2023 г. Путин приостановил участие России в СНВ-3. Совершенно очевидно, что Кремль недооценил солидарность Запада в поддержке Украины, и по мере того, как поражение России все более четко вырисовывается на горизонте, и положение Путина становится все более отчаянным, ядерный инструмент потенциально становится последним средством.

Достижения и неудачи

В начале 2010-х гг. Путин – тогда он был премьер-министром – взял курс на модернизацию российского ядерного арсенала. Эта задача стала приоритетной в 2020 г. в соответствии с государственной программой вооружений (ГПВ), одобренной в декабре 2010 г., когда российская экономика, казалось, находилась на подъеме. Примечательными и, оглядываясь назад, ошибочными были заложенные в этом плане амбиции повысить все стратегические возможности и создать богатый набор новых нестратегических систем вооружений, способных нести ядерные заряды, что неизбежно привело к рывку вперед одних систем и отставанию других, что, в свою очередь, вызвало серьезную разбалансировку структуры стратегических/тактических ядерных сил. После задержек, вызванных экономическим кризисом 2014-2017 гг., в декабре 2017 г. была одобрена ГПВ до 2027 г. Эта программа признала необходимость снижения затрат, однако вновь предписывала модернизацию целого ряда возможностей, при этом не указав рациональные приоритеты и не сделав выбор между продвижением успешных направлений и исправлением ошибок. В стратегической триаде компонент ВМФ получает приоритетное финансирование, и введение нового поколения стратегических подводных лодок класса «Борей» представляет собой наиболее дорогостоящий отдельно взятый проект в ГПВ-2020 и ГПВ-2027.

При реализации этого проекта не обошлось без задержек, вызванных в основном многочисленными неудачными испытаниями его основной системы вооружений, межконтинентальной ракеты «Булава» (SS-N-32). Однако в декабре 2021 г. пятая по счету

подводная лодка этого класса (К-552, «Князь Олег») вошла в состав Тихоокеанского флота России. Программа выполняется с задержками, и испытания новой подлодки класса «Борей» («Генералиссимус Суворов») отложены до середины 2023 г. Неизвестно, когда войдут в строй подводные лодки, в настоящее время находящиеся в стадии строительства. Сосредоточение внимания на этих усилиях привело к серьезным задержкам в реализации второго по значимости приоритета программы – атомных подводных лодок класса «Ясень» с крылатыми ракетами на борту. Семь лет прошло между спуском на воду первой подлодки этого класса (К-560 «Северодвинск») в 2014 г. и введением в строй еще двух подлодок (К-561 «Казань» и К-573 «Новосибирск»). На момент написания этой статьи четвертая подлодка (К-571 «Красноярск») все еще проходила испытания, а пятая еще была на этапе строительства.

Межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования, традиционно считающиеся самым сильным элементом ядерных сил (по критерию количества), также испытывают отставание в модернизации. Замена ракет «Тополь» (SS-25) на ракеты «Тополь-М» (SS-27 Mod 1) и «Ярс» (SS-27 Mod 2) проходит по графику, а вот планы по замене ракет SS-18 на новые тяжелые жидкотопливные ракеты «Сармат» столкнулись с техническими проблемами, и в апреле 2022 г. было проведено лишь одно испытание, несмотря на то, что в мае 2018 г. Путин объявил о том, что «Сармат» готов к боевому развертыванию. За неимением ракет «Сармат», с SS-19, которые подлежали списанию к 2020 г., интегрировали недавно созданные гиперзвуковые ракетные комплексы «Авангард» (которые Путин разрекламировал в 2018 г.). Стратегические бомбардировщики дальнего действия больше всего подходят для демонстрации силы, однако российская производственная база для этих вооружений пришла в упадок. Разработка бомбардировщиков нового поколения ПАК ДА пока отложена, а планы возобновить производство бомбардировщиков Ту-160 также столкнулись с трудностями. Единственное испытание первого нового самолета Ту-160М2 было проведено в январе 2022 г. Сейчас Россия полагается на свои устаревшие самолеты Ту-95 и Ту-22М3, у которых часто возникают технические проблемы.

Вместе с тем, значительный прогресс был достигнут в создании заметного разнообразия ракет, способных нести ядерные заряды и запускаемых с воздуха, а также надводных и подводных лодок. Аналогичный прогресс наблюдается также в создании ракетных систем класса «земля – воздух» с противоракетными и противоспутниковыми характеристиками. Крылатая ракета большой дальности «Калибр» (SS-N-27) прошла испытания в ходе боевых операций в Сирии и в настоящее время установлена на различных военно-морских платформах, включая корветы малого водоизмещения, в качестве основного средства поражения огневой

мощью целей на побережье. Сверхзвуковая баллистическая ракета воздушного базирования «Кинжал» уже размещена на истребителях МиГ-31К и бомбардировщиках Ту-22М3 в качестве основных платформ, хотя стратегическая целесообразность такого необычного сочетания представляется сомнительной, а несколько ударов по неподвижным целям в западной Украине были неэффективными. Противокорабельная гиперзвуковая крылатая ракета «Циркон» (SS-N-33) завершила длительную программу испытаний, однако серийное производство этой системы вооружений, которая потенциально – совместно с применением других гиперзвуковых технологий – может совершить переворот в современном ведении войны на море, еще не началось.

Хотя эти высокотехнологичные системы вооружений могут казаться впечатляющими, они все же требуют соответствующего усовершенствования систем командования и контроля, сбора разведанных в режиме реального времени, обнаружения цели и т.д., и при реалистичном подходе российские вооруженные силы не могут рассчитывать на то, что им удастся выполнить многие из этих требований. Особенно слабым местом являются недостаточные возможности спутниковых коммуникаций и мониторинга, и ситуация в этой сфере вряд ли улучшится, учитывая возрастающие проблемы в российской космической программе. И поэтому стратегическая система раннего оповещения и дальше будет опираться не на спутники, а на нынешние радары «Воронеж – М/ДМ/СМ» с фазированной антенной решеткой. Кроме того, для того, чтобы превратить нестратегические системы вооружений, способные нести ядерные заряды, в полезные инструменты ядерной политики, на них необходимо установить ядерные боеголовки. При этом существует совсем немного доказательств такой совместимости. Открытые данные о нестратегических ядерных боеприпасах остаются отрывочными и непроверяемыми, но при этом достоверно известно, что они все еще надежно закрыты в центральных хранилищах в соответствии с Президентскими ядерными инициативами (ПЯИ), вступившими в силу одновременно в Советском Союзе и в США в 1991 г. В период с 2017 г. по 2021 г. прошли несколько широкомасштабных учений с моделированием ядерного удара, однако в реальности российские вооруженные силы не проводили никаких учений с отработкой обращения с ядерными боеприпасами.

Возможно, наиболее серьезную обеспокоенность, связанную с российскими планами проведения модернизации ядерного арсенала, вызывает высокая вероятность несчастного случая или аварии. Как минимум три таких случая произошли в 2019 г., в том числе приведшая к жертвам стрельба, вызванная жестокой «дедовщиной» в военном подразделении, обслуживающем ядерные боезаряды. Пожар на атомной глубоководной станции АС-31 (прозванной «Лошарик») на Северном флоте унес жизни 14 офицеров, однако

катастрофу большого масштаба удалось предотвратить, перекрыв коннектор к кораблю-носителю – атомной подводной лодке «Подмосковье» (БС-64, преобразованная из класса «Дельта-4»). Огромными усилиями журналистского расследования удалось пробить стену секретности вокруг взрыва ракеты с ядерным двигателем после неудачного испытания возле Северодвинска в Архангельской области, в результате которого семь человек погибли и широко распространились панические настроения относительно возможного радиоактивного заражения. Путин заверил, что испытания будут продолжаться, «несмотря ни на что», хотя на самом деле потом не было никаких сообщений о дальнейшем развитии программы создания крылатой ракеты «Буревестник» с ядерной установкой. В 2020 г. и в 2021 г. не было сообщений о каких-либо серьезных инцидентах, что может означать введение более строгих мер безопасности, а также сворачивание более рискованных ядерных программ, вроде программы создания беспилотного подводного аппарата «Посейдон» с ядерной установкой (разрекламированного Путиным в своей речи в 2018 г.).

Усилия России по модернизации ее ядерных возможностей включают в себя довольно широкий спектр проектов, что является продолжением советской схемы создания и размещения многочисленных схожих систем вооружений, ориентируясь в первую очередь на интересы могущественного военно-промышленного комплекса, не дожидаясь конкретных запросов на вооружения от военных. Это стремление обогнать соперников в гонке вооружений на всех уровнях несовместимо с разваливающейся промышленной базой России. Находясь перед лицом серьезной экономической рецессии и будучи отрезанной от ключевых западных технологий, Россия столкнулась с болезненным выбором сокращения финансирования недавно запущенных и наполовину выполненных ядерных программ, что приведет к дестабилизации, ослабляющей военно-промышленный комплекс.

Возможности и ограничения

Масштабы усилий, направленных на усовершенствование и диверсификацию ядерного арсенала, свидетельствуют о стремлении России достичь более амбициозных целей, чем просто сдерживание, причем гораздо более скромными средствами. Что оказалось для Москвы действительно непростой проблемой, так это одновременное желание сохранить систему международных норм и правил, прежде всего в отношении нераспространения ядерного оружия, которое дает ощутимые привилегии, такие как постоянное членство в Совете Безопасности ООН. Это политическое стремление идти одновременно двумя путями – превращение ядерного оружия в более применимый инструмент политики и позиционирование страны в качестве сторонника системы контроля над вооружениями – четко просматривалось в обращении Путина

к Федеральному Собранию в 2018 г., половина которого была довольно неожиданно посвящена вопросу ядерного перевооружения. Ярко иллюстрированная презентация набора из шести новых систем вооружений произвела впечатление не только на легко возбудимую аудиторию, но также и на экспертов по планированию на Западе. В своем следующем обращении в 2019 г. Путин стремился усилить эффект, уделив этому вопросу еще больше внимания. Однако в своих обращениях к парламенту в 2020 г. и 2021 г. он больше не возвращался к этой теме, вместо этого сосредоточившись на внутренней ситуации в стране, возможно, осознав, что он больше не может идти двумя взаимосоключающими путями. Война в Украине только усугубила это безвыходное положение. Почти открытые запугивания чрезвычайно серьезными последствиями не остановили поставки НАТО оружия Украине и просто уничтожили остатки доверия к выполнению Россией своих обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Российские военные патрулируют район в Мариуполе в восточной части Украины. Июнь 2022 г.

Основными мишенями путинских угроз использовать «чудо-ракеты» являются европейские члены НАТО с антиядерными настроениями, которым в 2017 г. придала новый импульс кампания по продвижению Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО). Россия намеревалась углубить и использовать раскол между США и их европейскими союзниками, точно так же как она старалась заблокировать и дискредитировать обязательства НАТО по созданию европейской системы противоракетной обороны. Шумная кампания Москвы против этой системы обороны постепенно утихла к концу 2010-х гг. после того, как Россия разместила противоракетные системы С-400 класса «земля – воздух» от Сирии до Калининграда и испытала несколько передовых противоракетных и противоспутниковых систем вооружений, от перехватчика А-235 «Нудоль» до С-500 «Прометей» (усовершенствованный вариант комплекса С-400).

Оглядываясь назад, мы можем рассматривать старания Путина как попытку использовать в своих интересах несогласие европейских лидеров с политикой бывшего президента США Дональда Трампа, которая потерпела неудачу, когда НАТО заняла твердую коллективную позицию относительно ответственности России за нарушения Договора о РСМД и оправдала выход США из этого договора. Попытки Путина хвастаться новыми ракетами также не привели к возрождению ядерных страхов, и вместо этого всем стало ясно, что рамки Договора о РСМД больше не играют никакой роли в сдерживании гонки вооружений. Когда Байден стал работать над восстановлением сплоченности НАТО, то он обнаружил, что ключевые европейские государства были готовы пересмотреть параметры сдерживания и объемы собственных оборонных усилий. Даже государства, которые инициировали и продвигали ДЗЯО, такие как Норвегия и Швеция, приняли решение не присоединяться к этому договору, поскольку ядерная угроза со стороны России рассматривалась – за много месяцев до начала войны в Украине – как убедительный аргумент, побуждающий к новым инвестициям в сдерживание.

Еще одной ключевой целью российского наращивания ядерного потенциала является сдерживание угрозы революций. Нынешняя одержимость Кремля идеей изгнания призрака «цветных революций» вызвана естественной нестабильностью путинского авторитарного режима с его невероятным уровнем коррупции и враждебным отношением к реформам. Личная озабоченность Путина этим вопросом – подогреваемая корыстными сподвижниками из ближайшего окружения – в сочетании с предполагаемой поддержкой и манипуляциями протестными движениями со стороны Запада легли в основу идеи сдерживания такого вмешательства при помощи ядерного инструментария. Сегодня в российском стратегическом мышлении «цветные революции» определяются как новая форма войны, в которой подстрекание Запада к проявлению недовольства сочетается с высокоточными ударами американскими ракетами дальнего радиуса действия. В концептуальном плане в качестве противодействия этой «агрессии» Россия видит обладание разнообразным арсеналом ядерного оружия, который сделает подстрекательство к беспорядкам слишком рискованным, а применение ракет дальнего радиуса действия неэффективным из-за наличия систем противоракетной обороны и угрозы ответных ударов.

Риски, присущие этой стратегии, совершенно очевидны. Она не только создает возможности для различного рода инцидентов и аварий, но также требует, чтобы Россия постоянно повышала убедительность скрытой ядерной угрозы, создавая еще больший риск возникновения конфликта. Россия решительно отрицает, что существуют какие-либо стратегические разработки, напоминающие активно обсуждаемую концепцию «эскалация ради деэскалации», а Путин,

как главнокомандующий, исключает планирование первого ядерного удара, при этом делая многочисленные туманные заявления о ядерной катастрофе. Глубокие исследования (в которые Центр им. Маршалла внес вклад) новых характеристик российского стратегического мышления и его проявлений в военных приготовлениях и подготовке демонстрируют, что в ходе конвенциональной войны Россия рассматривает ядерный удар с целью обеспечения победы (или, как минимум, приемлемого результата) как возможный и оправданный вариант. Вопрос о том, прибегнет ли Кремль к такому варианту только в случае ведения войны (в нынешней ситуации, чтобы избежать поражения в войне с Украиной), но также и в случае внутренних волнений, угрожающих сместить правящий режим (которые режим рассматривает как враждебные действия, направляемые из-за границы), не является тренировочным размышлением о чем-то немислимом. Постоянное повторение российскими элитами утомительного тезиса «Нет Путину – Нет России» указывает на то, что на этот вопрос нельзя ответить отрицательно.

Это содержащее многозначительные намеки стратегическое послание адресовано не только западным противникам, но также и Китаю, критически важному, но непростому стратегическому партнеру России. Некоторые из кремлевских аналитиков считают, что постоянное укрепление связей в сфере безопасности с середины 2014 г. привело к образованию стратегического альянса, хотя официально и не провозглашенного, в то время как другие эксперты указывают на угрозы безопасности, исходящие из Китая, и на ограниченную чисто формальную поддержку Пекином «спецоперации» Москвы в Украине. Очевидное неравенство сил в этом крайне ценном партнерстве, а также углубляющаяся зависимость России от экономических связей с Китаем представляют для Кремля источник серьезной озабоченности. Для того, чтобы уравновесить соотношение сил Россия должна прибегнуть к своему модернизированному стратегическому ядерному арсеналу, который гораздо больше китайского. В этой связи первое совместное патрулирование двумя российскими и двумя китайскими стратегическими бомбардировщиками над Японским морем в июле 2019 г. имело мало практического значения (хотя и привело к серьезному военному инциденту с участием Южной Кореи) и было задумано как демонстрация большей досягаемости российской авиации дальнего действия по сравнению с возможностями Китая. В мае 2022 г. было проведено совместное патрулирование с участием четырех китайских (Н-6К) и двух российских (Ту-95МС) стратегических бомбардировщиков над Японским морем в ответ на проведение саммита Четырехстороннего диалога по безопасности (Австралия, Индия, Япония и США) в Токио.

Сделанное Путиным в октябре 2019 г. заявление о

том, что Россия оказывает помощь Китаю в создании современной системы раннего оповещения, имело большее значение для геостратегического позиционирования Москвы, чем для реального укрепления стратегических связей. Чего Кремль действительно может добиться, так это участия Пекина в переговорах о контроле над вооружениями в новом трехстороннем формате, на чем настаивала администрация Трампа в качестве условия продления действия СНВ-3. Байден отказался от этого требования на российско-американском саммите в Женеве в мае 2021 г., однако его неуклонный курс (который не ослабила война в Украине) на противостояние возрастающей агрессивности Китая предполагает, что любой новый режим контроля за стратегическими вооружениями – заменяющий СНВ-3, приостановленный Путиным и прекращающий действие в феврале 2026 г. – должен включать Китай. В Москве очень мало информации относительно руководящих принципов и параметров быстро осуществляемой китайской программы модернизации ядерного арсенала. Однако есть довольно четкое понимание того, что Китай не заинтересован в изменении этих принципов в соответствии с любыми ограничениями, о которых могут договориться Россия и США, или в предоставлении этих параметров для внешнего мониторинга. В Москве также сложилось стойкое впечатление, что Китай очень хотел бы видеть дополнительные дипломатические усилия России, направленные на сохранение оставшихся структур контроля над вооружениями и отсутствие откровенных нарушений Россией старых обязательств. И если есть один голос, способный отговорить Путина от рассмотрения возможности ядерной эскалации в его нынешнем зашедшем в тупик и грозящем катастрофой вторжении в Украину, то этот голос принадлежит президенту Китая Си Цзиньпину.

Регион, в котором российское наращивание ядерного арсенала имеет наибольшее значение для безопасности – и где Китай может продвигать свои интересы – это Арктика. Кольский полуостров с его необычайной концентрацией ядерных подводных лодок, боеголовок и радиоактивных отходов в настоящее время является самым «нуклеаризованным» районом мира, а высшее командование России в течение десятилетий проводит там комплексную программу милитаризации, нацеленную на защиту этих объектов. Этот постоянный процесс милитаризации подрывает усилия по продвижению международного сотрудничества в районе Крайнего Севера и мешает интересам Китая, которые сосредоточены на экономической и торговой экспансии, что определяет его политику избегания конфликтов в этом районе мира. Российских соседей в этом северном регионе чрезвычайно беспокоят существующие ядерные риски, но и Китай также прекрасно знает, что испытания крылатых ракет с ядерным двигателем и подводных дронов, разрекламированных Путиным, могут

проводиться только на северных полигонах (таких как Новая Земля) и сопровождаются высокой вероятностью радиоактивного заражения. Некоторые политические аналитики в США смешивают российские и китайские амбиции и военные приготовления на Крайнем Севере и утверждают, что война в Украине сблизила этих двух стратегических партнеров. Китай, однако, категорически возражает против милитаризации Арктики, заставляя Россию с большей осторожностью реализовывать свои ядерные планы в регионе. Подземные испытания тактических ядерных зарядов могут быть частью планов России по усилению угрозы эскалации в Украине и поставят под угрозу или вообще уничтожат Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний от 1996 г. (который не ратифицировали ни Китай, ни США). Возможно, Китаю удастся отговорить Москву от проведения таких испытаний.

Украинские военные обстреливают российские позиции из поставленных США гаубиц M777 в донецкой области на востоке Украины. Июнь 2022 г.

В целом, попытки Москвы использовать ядерное оружие в качестве инструмента политики в лучшем случае можно назвать непоследовательными. Развал ключевых структур в сфере контроля над вооружениями – в значительной мере вызванный этими экспериментами с размахиванием ядерными инструментами – это серьезный откат назад для политики сохранения международного статуса России. Этой политике был нанесен серьезный ущерб решением Путина начать войну против Украины, однако его круг преданных приспешников отрицал и продолжает отрицать последствия этого решения. В ситуации быстро меняющейся глобальной геополитической интерактивности, в которой Россия видит себя в невыгодном положении из-за своей угасающей экономической силы, загнанный в угол авторитарный режим, беспокоящийся о внутренней стабильности, может увидеть возросшую необходимость полагаться на свои усовершенствованные, но в недостаточной мере используемые ядерные средства.

Определяемые войной перспективы и последствия

В начале 2022 г. позиция России на международной арене казалась прочной и авторитетной; многие западные лидеры стремились к сотрудничеству с Путиным с целью снизить нарастающую напряженность вокруг Украины. И все же эта демонстрация уважения не была достаточно убедительной для Кремля, которого беспокоила возможность роста недовольства внутри страны, вызванного серьезными просчетами в борьбе с пандемией COVID-19. В Кремле считали, что после пандемии истинный статус крупнейших держав в предполагаемом многополярном мире будет определяться их экономическим возрождением и динамизмом, способностью к инновациям и эффективностью их систем здравоохранения – и по всем этим пунктам Россия заметно отставала. Размеры ее ядерного арсенала были параметром, утрачивающим свою важность, и постоянные усилия Путина, направленные на повышение значимости этого арсенала, включали подписание 2 июня 2020 г. указа, определяющего российскую политику ядерного сдерживания, что было первым документом такого рода. Однако эти усилия дали незначительный результат. Ожидаемый упадок России в сочетании с ошибочными представлениями и просчетами, которых было слишком много, чтобы упоминать их здесь, и сформировали решение напасть на Украину.

Война затронула и деформировала большую часть системы геополитического и геоэкономического взаимодействия. И в то же время она не подорвала основы стратегической ядерной стабильности. Вопреки оценкам многих экспертов, характер войны сместился с первоначальных быстро протекающих операций к старомодным позиционным сражениям, где доминирует артиллерия, а не удары с воздуха, в то время как многочисленные гибридные элементы, включая ожидаемые многими кибератаки, почти незаметны. Война также все больше и больше сосредотачивается на восточных и южных регионах Украины. Способность России к горизонтальной эскалации сдерживается необходимостью концентрировать все имеющиеся военные ресурсы на полях сражения в Донбассе и Херсоне, а также высоким уровнем потерь. Похоже, ядерному оружию просто нет места в этом конвенциональном противостоянии высокой интенсивности; и тем не менее, в этой войне определенно есть сложное и эволюционирующее ядерное измерение.

Перспективы ядерной эскалации серьезно влияют на механизм принятия решений в рамках НАТО и, в более широком плане, в рамках западной коалиции, которую Путин стремился расколоть многозначительными намеками на возможные катастрофические последствия. Ясно, что он просчитался в оценке решимости коллективного Запада не дать России добиться успеха в ее жесткой демонстрации силы, и этот просчет приносит все больше негативных

последствий для России по мере того, как США и ключевые европейские государства пересматривают свои оценки и предоставляют Украине более мощные системы вооружений. Цель западного альянса, который оказался гораздо более сплоченным, чем ожидал Кремль, переместилась с помощи Украине в сопротивлении широкомасштабному военному нападению к предоставлению ей возможностей вернуть оккупированные территории. Это изменение цели альянса заставляет Россию внести изменения и в собственное планирование войны – с достижения почти полной победы к недопущению целой серии отступлений. Поскольку возможность поражения требует практического осмысления, Генеральный штаб должен подготовить набор контрмер, в котором нельзя исключить ядерные инструменты.

Внезапный ядерный удар, даже если он будет по единственной цели и малой мощности, может быть самой крайней из всех предпринятых мер, если режим Путина придет к выводу, что провал его «специальной операции» угрожает самому существованию режима. Однако, одна лишь угроза такого удара может показаться эффективным средством оказания давления на европейские государства. Для того, чтобы представить эту угрозу более реальной, Путин может решить отменить ПЯИ, одобренные Горбачевым в 1991 г., позволив перемещение нестратегических ядерных боеголовок из мест централизованного хранения на базы в Крыму и в Калининграде. Кремль может предположить, что США не захотят отказаться от своей части ПЯИ, в то время как российские военные смогут приступить к обучению работе с ядерными боеприпасами, например, с мобильными пусковыми установками для баллистических и крылатых ракет «Искандер-М».

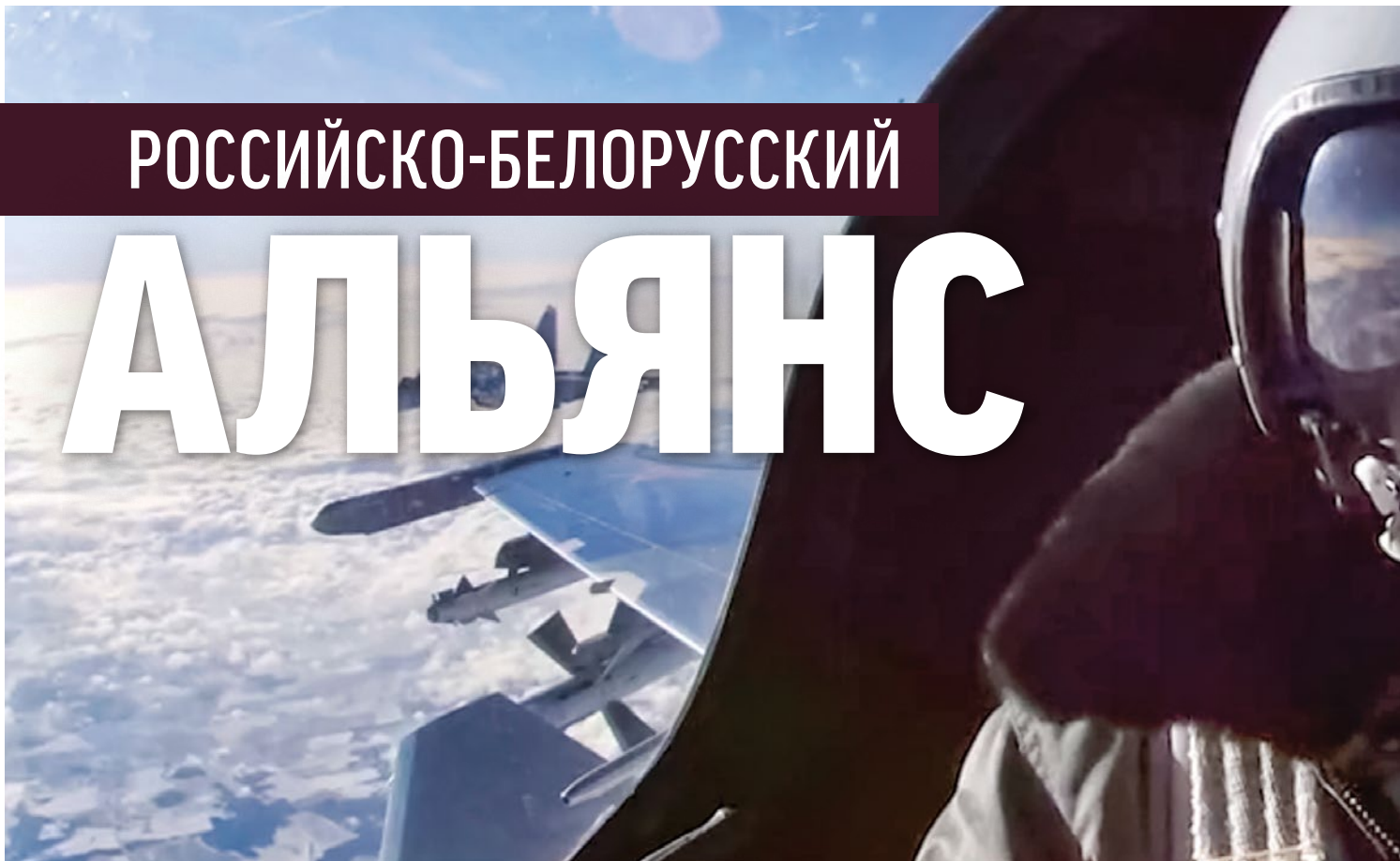
Одним из способов повысить озабоченность европейцев может стать конвенциональный ракетный удар по атомной электростанции в Украине, например, в г. Нетешин в Западной Украине. Можно будет обвинить украинские силы (как это Россия уже сделала в августе 2022 г.) в нанесении артиллерийских обстрелов слишком близко к реакторам в Энергодаре, городе, захваченном российскими войсками в марте 2022 г. Одновременно с этим Москва может попробовать продемонстрировать готовность к переговорам с США по вопросам стратегической стабильности, утверждая, что боевые действия в Украине не имеют никакого отношения к вопросам контроля над стратегическими вооружениями, регулируемых договором СНВ-3, и что новые системы вооружений делают эти переговоры необходимыми. Целью такого подхода было укрепить позиции России на Конференции по рассмотрению действия ДНЯО, проходившей в Нью-Йорке в августе 2022 г. После двухлетнего перерыва, вызванного пандемией COVID-19, Россия стремится позиционировать себя в качестве ответственного обладателя ядерным арсеналом и надежного сторонника режима ДНЯО. В равной степени Россия стремится сместить

международное внимание с войны в Украине на ядерные программы Ирана и Северной Кореи, которые действительно вызвали оживленные дискуссии на конференции. Она возложит вину за срыв Совместного всеобъемлющего плана действий, согласованного в 2015 г., исключительно на США, однако будет саботировать все попытки пересмотра этого документа, при этом не становясь открыто на сторону Ирана.

Россия может попытаться еще больше ослабить глобальные ядерные нормы, выйдя из Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, который она подписала в сентябре 1996 г. и ратифицировала в июне 2000 г., назвав в качестве причины отказ США от ратификации договора (после подписания в сентябре 1996 г.) и предполагаемую подготовку к проведению испытания. В действительности же, Россия сама готовит полигон на Новой Земле к проведению испытаний. У Москвы есть достаточно причин ожидать возросшую озабоченность со стороны Норвегии или Швеции и Финляндии, которые почти никак не смогут защититься от этой «гибридной» угрозы, несмотря на свое членство в НАТО.

В целом, ядерная политика России будет неизбежно деградировать и становиться все более безответственной под влиянием войны в Украине, которую она не в состоянии выиграть. Даже перед началом этого катастрофического вторжения Москва искала пути получить максимальные политические дивиденды от своих колоссальных инвестиций в модернизацию ядерного арсенала. Предотвращение использования Россией ядерного оружия требует приоритетного внимания от коллективного Запада и особенно от НАТО, и любое использование Москвой этих инструментов в качестве политических угроз должно наталкиваться на контрмеры, а не на простое игнорирование очередной попытки блефовать. США и их ключевые европейские союзники должны донести до Кремля коллективное послание, в котором убедительно будет заявлено о намерении использовать все необходимые средства для прекращения его агрессии.

Россия столкнулась с гораздо более прочным единством НАТО и солидарности Запада, чем она ожидала, и теперь, похоже, она возлагает надежду расколоть поддерживающую Украину коалицию возлагается только на ограниченное применение различных ядерных средств. У стран-членов НАТО различная степень подверженности исходящим из России ядерным угрозам, и у граждан этих стран различная степень чувствительности к ядерным рискам и противостояния им. Сохранение и консолидация единства альянса в сдерживании российского ядерного шантажа и, вполне возможно, принятия ответных мер на пересечение Россией «ядерного порога» является трудной, чрезвычайно сложной и крайне насущной задачей. □

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИЙ

АЛЪЯНС

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В БЕЛАРУСИ

Максим Старчак, научный сотрудник Центра международной и оборонной политики Королевского университета в Канаде

ФОТОГРАФИИ АССОЦИЭЙТЕД ПРЕСС

17 декабря 2021 г. Россия опубликовала проекты соглашений о гарантиях безопасности и предъявила ультиматум Соединенным Штатам и НАТО: отказ от рассмотрения предложений России по безопасности может вызвать ряд ответных мер военно-технического характера. По словам президента России Владимира Путина, генеральный штаб вооруженных сил России разработал несколько ответных мер. Первой из них является военное вторжение в Украину. Поскольку Москва считает ядерное оружие основой своей военной мощи, еще одной из ответных мер может стать размещение ядерного оружия в Беларуси для противодействия

НАТО. Такая возможность стала более вероятной, когда 25 марта 2023 г. после официального запроса белорусского президента Александра Лукашенко Путин объявил, что Россия разместит ядерное оружие в Беларуси, не указав при этом конкретные сроки. В условиях возможного возрастания ядерной эскалации в Европе важно более пристально взглянуть на угрозы, исходящие от нового военного потенциала Москвы в Беларуси.

УКРЕПЛЕНИЕ ВОЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Беларусь играет важнейшую роль в стратегическом военном планировании России. Она представляет собой буферную зону против НАТО, оперативное пространство и сухопутный мост к Калининграду в случае конфликта. Именно поэтому военный контроль над Беларусью имеет большое значение для Москвы. В 1999 г. в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) была создана региональная группировка войск Беларуси и России. В нее входят все вооруженные силы Беларуси и 20-я гвардейская армия Западного военного округа России. До недавнего времени российские военные выполняли в Беларуси временные задачи и участвовали в учениях, а затем возвращались на базы в России. Однако ухудшение отношений между НАТО и Россией побудило Москву подготовиться к развертыванию российских войск в Беларуси. В 2018 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров и Владимир Макей, занимавший в то

Министерство обороны России утверждает, что на этой фотографии пилот российского истребителя Су-30СМ пролетает над Беларусью во время совместных учений в феврале 2022 г.

время пост министра иностранных дел Беларуси, выразили обеспокоенность военной деятельностью НАТО и намерением Вашингтона выйти из Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД). Позднее в том же году Путин утвердил проект новой военной доктрины Союзного государства Беларуси и России.

Однако давление Москвы, стремящейся к более глубокой интеграции двух стран, заставило Минск отложить подписание доктрины. В августе 2020 г. после массовых демонстраций белорусов, недовольных результатами президентских выборов, и осуждения международным сообществом жесткого подавления протестов правительством, его нерешительность постепенно исчезла. Российские стратегические бомбардировщики Ту-160 начали патрулировать западные границы Беларуси, а дальние бомбардировщики Ту-22М3 совершили имитацию бомбовых ударов. Это усилило опасения по поводу безопасности в Европе. В ноябре 2021 г. Министерство обороны Беларуси сообщило, что российские стратегические бомбардировщики будут совершать регулярные полеты вдоль белорусских границ. Как считается, этот шаг является реакцией на военную активность соседних стран.

Лукашенко уже утвердил новый план использования региональной группировки войск. План четко определил боевой состав и арсенал вооружений группировки, варианты развертывания и использования соединений и частей. По всей видимости, Москва и Минск также наметили варианты применения ядерного оружия для

отражения предполагаемых военных угроз НАТО. Александр Вольфович, секретарь Совета государственной безопасности Беларуси и бывший начальник Генерального штаба вооруженных сил, отметил, что региональная группировка войск теперь рассматривается как механизм стратегического сдерживания, а также как сила для отражения крупномасштабной агрессии против Союзного государства. Станислав Зась, генеральный секретарь Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), также называет российско-белорусские военные учения и учения ОДКБ в Беларуси стратегическими мерами сдерживания. Эти заявления указывают на то, что ракетные комплексы «Искандер» 20-й гвардейской армии, при необходимости, могут быть оснащены ядерными зарядами.

Также в 2021 г. министерства обороны двух стран утвердили пятилетний договор о стратегическом партнерстве. Он состоит из более чем 160 мероприятий по военно-технической и военно-экономической интеграции Беларуси и России. Были подписаны соглашения о создании трех совместных военных учебных центров и расширении использования российских военных объектов в Беларуси (радиотехнический центр в Ганцевичах и 43-й центр связи в Вилейке).

Поддержка Москвой режима Лукашенко во время массовых демонстраций 2020 г. усилила ее военное присутствие в Беларуси. Кроме того, поправки к Конституции Беларуси, предложенные Лукашенко и

одобренные в феврале 2022 г., означают, что Беларусь больше не является нейтральным и безъядерным государством. В политическом и военном отношении страна переходит под контроль России. К июлю 2022 г. Лукашенко открыто признал, что вместе с Россией была создана единая армия.

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Новая военная доктрина Союзного государства, принятая в ноябре 2021 г., гласит: «Российская Федерация и Беларусь рассматривают любые насильственные действия, направленные против одного из участников, как посягательство на Союзное государство и будут принимать ответные меры с использованием всех имеющихся в их распоряжении сил и средств». Фактически, можно сказать, что Россия теперь обязуется обеспечивать безопасность Беларуси любыми средствами, в том числе с помощью ядерного оружия. Таким образом, частично повторяются обязательства по коллективной безопасности в рамках ОДКБ.

Согласно новой доктрине, Союзное государство самими серьезными угрозами считает: размещение военных формирований НАТО в соседних государствах; отказ отдельных государств от участия в международных договорах по контролю над вооружениями; развертывание элементов стратегической противоракетной обороны; реализация концепции глобального удара; размещение оружия в космосе; развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия. Эти угрозы скопированы из военной доктрины России. Однако в доктрине России говорится, что Россия будет противодействовать этим угрозам путем поддержания ядерного сдерживания на достаточном уровне. В военной доктрине Союзного государства об этом нет ни слова. Вместо этого, Союзное государство обязуется создать и развивать региональную группировку войск и совершенствовать совместное использование объектов военной и транспортной инфраструктуры. Это подтверждается военной доктриной Беларуси, в которой применение силы определяется ее международными договорами с Россией и решается региональной группировкой войск. Другими словами, как и какими средствами региональная группировка войск реагирует на угрозы, решает исключительно Москва.

Одно из главных различий между старой и новой редакцией военной доктрины Союзного государства заключается в том, что вместо единого развития национальных вооруженных сил в новой доктрине акцент делается на развитии региональной группировки и ее совместном применении. В свое время существовала возможность создания Объединенного командования региональной группировки. Также когда-то был пункт о сохранении национального командования войсками, но он исчез. Учитывая, что в региональную группировку входят все вооруженные силы Беларуси, новая доктрина дает Москве возможность объединить вооруженные силы Беларуси с вооруженными силами России. Практика оперативного управления белорусскими войсками уже

отработана российским командованием на различных совместных российско-белорусских учениях. Что касается ядерного оружия, то в новой военной доктрине Союзного государства ничего не говорится о причинах его применения. Решение об этом принимает только Москва. В то же время, ядерное оружие стало важным фактором сдерживания даже обычных военных конфликтов.

ТАКТИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Роль ядерного оружия как средства предотвращения крупномасштабной агрессии была выявлена в ходе российско-белорусских военных учений. В 1990-е гг. на фоне резкого сокращения обычных вооруженных сил зависимость России от ядерных сил стала более очевидной. В целом считалось, что обычные вооруженные силы России имеют ограниченную боевую полезность в случае крупномасштабной агрессии против России или одного из ее союзников. Это было обусловлено как сокращением численности вооруженных сил, так и технологическим устареванием. Тактическое ядерное оружие, предназначенное для нанесения ограниченных ударов во время боя, стало оперативным оружием. Более того, российский МИД рассматривал переброску тактического ядерного оружия в Беларусь и Калининград, а также на корабли ВМС в Балтийском море как ответную меру на расширение НАТО. Хотя этого не произошло, учения «Запад-1999» имитировали нападение западных сил на Беларусь и первое применение ядерного оружия для деэскалации подобного конфликта. В ходе учений бомбардировщики нанесли удары крылатыми ракетами по оперативным целям, чтобы положить конец местному конфликту, прежде чем он приведет к более масштабным и смертоносным стратегическим ядерным ударам. Было подтверждено, что российское ядерное оружие защитит Беларусь, если это будет необходимо. Два года спустя применение ядерного оружия для предотвращения крупномасштабной агрессии стало частью военной доктрины Союзного государства.

Интерес России к использованию тактического ядерного оружия для отражения агрессии против Беларуси стал очевиден во время совместных военных учений «Союзная безопасность-2004». В рамках учений виртуальные удары тактическим ядерным оружием были частью плана отражения внезапного наступления превосходящих сил противника, что свидетельствует о возможности применения этого оружия против войск противника. Создание ракетного комплекса «Искандер» стало еще одним свидетельством растущего интереса России к тактическому ядерному оружию. Система способна доставлять ядерную боеголовку и считается заменой российской ракетной системы «Ока», снятой с вооружения в ходе реализации договора о РСМД. В 2006 г. Лукашенко подтвердил, что тактическое ядерное оружие может быть использовано в случае агрессии против Беларуси. В течение нескольких лет стратегические российско-белорусские военные учения, такие как «Запад-2009», «Запад-2017» и «Запад-2021»,

подтверждали возможность применения такого оружия в конфликте.

До недавнего времени ядерное оружие считалось частью военной теории России. Теперь, с ростом военной зависимости Беларуси от России и с развертыванием платформ «Искандер» и Су-24, все совместные и национальные учения между странами будут включать ядерный компонент. Тем самым, с ростом ядерной угрозы усилится давление на Запад.

БАЗИРОВАНИЕ РОССИЙСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В БЕЛАРУСИ

Размещение Россией ядерных боеголовок в Беларуси и создание базы для их хранения станет механизмом для постоянного присутствия российских вооруженных сил в Беларуси. Россия давно хотела иметь военную базу в Беларуси, так как это улучшит ее передовые позиции и послужит рычагом давления на руководство Беларуси.

В апреле 2013 г. министр обороны России Сергей Шойгу впервые заявил о возможности открытия российской авиабазы в Беларуси. По словам Шойгу, причиной послужила «необходимость противостоять новому спектру вызовов и угроз». Соглашение о создании авиабазы планировалось подписать в 2015 г. В проекте соглашения указывалось, что России будет разрешено размещать в Беларуси все виды вооружений (включая оружие массового уничтожения) в любое время и в любых количествах под полной юрисдикцией России. Однако аннексия Россией Крыма в феврале 2014 г. вызвала у Лукашенко беспокойство за собственную власть, и он прекратил дальнейшую интеграцию. Кроме того, Беларусь не считалась главной мишенью потенциальных врагов. Лукашенко, вероятно, понимал, что присутствие в стране самолетов и ракетных систем, способных нести ядерное оружие, немедленно превратит Беларусь в мишень.

Например, когда в марте 2021 г. в результате подписания программы стратегического партнерства возобновились переговоры о возможном размещении российской военной базы, Лукашенко выступил против этого. В августе того же года он заявил, что российская военная база никогда не будет расположена в Беларуси, так как ее можно будет легко атаковать с территории Польши и Литвы. Несколько месяцев спустя министр обороны Беларуси Виктор Хренин заявил, что в российских военных базах нет необходимости, поскольку две страны разработали разнообразные механизмы военного взаимодействия в рамках региональной группировки войск.

Очевидно, Лукашенко понимает, что Россия контролирует военную инфраструктуру Беларуси. Вторжение в Украину показало, что Москва может выбрать любой аэродром и базу в Беларуси, закрепиться там и использовать их в своих целях. Это означает, что размещение ядерного оружия в Беларуси больше не зависит от Лукашенко. Россия может создать в Беларуси базу хранения ядерных боеголовок под защитой и контролем российских военных.

На фотографии Министерства обороны РФ пусковые установки ракетных комплексов «Искандер» выведены на боевые позиции во время учений в России в январе 2022 г.

ПОЗИЦИЯ РОССИИ

Идея размещения ядерного оружия в Беларуси впервые была озвучена в 2007 г. Тогда Россия рассматривала возможность ответных действий на развертывание американских систем противоракетной обороны в Восточной Европе. Генерал-полковник Леонид Ивашов, бывший начальник главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны России, предложил разместить в Беларуси тактическое ядерное оружие, мотивируя это тем, что его размещение не превратит Минск в ядерную державу и, следовательно, не нарушит международных обязательств. В конце 2007 г. появились заявления со стороны Минска и Москвы о предстоящей поставке системы «Искандер» в Беларусь. Генерал-лейтенант Николай Родионов, бывший командующий корпусом противоракетной обороны Советского Союза, заявил, что возможное размещение российских ядерных ракет в Беларуси является адекватной ответной мерой. «Помимо чисто военного фактора, это окажет психологическое воздействие на отношение населения Европы к планируемому строительству объектов ПРО США на территории этих стран», – заявил он.

Еще в 2007 г. Александр Суриков, занимавший в то время пост посла России в Беларуси, также заявил, что Россия может разместить объекты, имеющие отношение к ядерному оружию в Беларуси. Это мнение неоднократно высказывается и сегодня. Дмитрий Песков, пресс-секретарь Путина, заявил, что в случае возможного размещения странами НАТО ядерного оружия в Восточной Европе последует соответствующий ответ. После заявления Лукашенко в ноябре 2021 г. о том, что он может принять ядерное оружие в Беларуси, Лавров отметил, что Запад должен рассматривать это заявление «как очень серьезное предупреждение, которое прежде всего вызвано безрассудной политикой, проводимой Западом».

Другими словами, Москва рассматривает возможность размещения ядерного оружия в Беларуси и ожидает, что такая угроза окажет воздействие на Запад. В конце декабря 2021 г. МИД России заявил, что одобрит размещение ядерного оружия в Беларуси, если переговоры между Россией и США окажутся безуспешными. После того, как переговоры не состоялись, и Россия вступила в активную конфронтацию с Западом, размещение определенных видов оружия в Беларуси стало предерженным фактом.

ЯДЕРНАЯ РИТОРИКА БЕЛАРУСИ

На конференции «За будущее без терроризма» в Минске в 2019 г. Лукашенко заявил, что Беларусь является полноправным участником Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). «Мы из него не выходили и не собираемся производить и размещать такие ракеты, если они не угрожают нашей безопасности. Пока такой необходимости нет. Надеюсь, что и не будет», – заявил он. Однако Лукашенко считает, что ситуация изменилась.

После осуждения международным сообществом жестокого подавления Лукашенко массовых демонстраций против президентских выборов 2020 г. в Беларуси он решил, что существует угроза безопасности страны, и что НАТО систематически наращивает наступательную военную инфраструктуру вдоль границ его страны. Когда в ноябре 2021 г. Лукашенко узнал о возможной переброске американского ядерного оружия из Германии в Польшу, он заявил информационному агентству Россия Сегодня (РТ), что предложит Путину вернуть ядерное оружие в Беларусь.

Несколько месяцев спустя Лукашенко предупредил, что на угрозы в адрес Беларуси он будет отвечать не только ядерным, но и «сверхъядерным» оружием в Беларуси. После вторжения России в Украину и после того как стало известно, что польские лидеры заявили о своей готовности разместить у себя американское ядерное оружие, Лукашенко обратился к Путину в апреле с требованием предоставить информацию о том, что Запад планирует напасть на Россию через Украину и Беларусь. В июне 2022 г. он выразил обеспокоенность по поводу самолетов США и НАТО, способных нести ядерные боеголовки.

Выступая перед Национальным собранием 31 марта 2023 г., Лукашенко заявил, что будет сохранять и обеспечивать суверенитет и независимость любыми возможными способами, в том числе с помощью ядерного арсенала. Однако это была попытка убедить белорусское население в том, что он будет контролировать ситуацию. Хотя очевидно, что это больше не соответствует действительности. Кроме того, за последние 16 месяцев Лукашенко дважды заявлял, что стратегические ракетные комплексы советского периода «Тополь» были восстановлены и полностью готовы к эксплуатации. Это хвастовство – попытка повысить свой авторитет в глазах Запада и показать Путину, что он верный партнер и что он готов повысить роль своей страны в конфликте

России с Западом. На самом деле большинство ядерных объектов в Беларуси уничтожены, и размещение межконтинентальных баллистических ракет (МБР) в Беларуси не будет иметь никакой военной ценности. Стратегические ракеты, находящиеся в России, имеют необходимую дальность, и их размещение в Беларуси экономически нецелесообразно.

ОТВЕТ РОССИИ

В июне 2022 г. Путин повысил ставки в своем противостоянии с Западом, приняв решение о дооснащении белорусских самолетов ядерным оружием и передаче Беларуси ракетной системы «Искандер», способной запускать баллистические и крылатые ракеты, как обычные, так и ядерные. Спустя несколько месяцев Лукашенко подтвердил, что Россия передала Беларуси систему «Искандер», и что самолеты Су-24 были переоборудованы, а белорусские экипажи проходят обучение. Беларусь также получила не указанное количество российских зенитных ракетных систем С-400. Наряду с истребителями Су-30СМ и радаром «Противник-ГЕ» это свидетельствует о том, что Москва создает в Беларуси безопасную зону для своего оружия, часть которого может быть ядерным.

Москва отклонила предыдущие просьбы Лукашенко о поставках ракетных комплексов «Искандер». Решение России о поставке «Искандеров», возможно, было ответной мерой на поставку США высокомобильных артиллерийских ракетных комплексов в Украину. Это также может служить предупреждением для Запада о том, что не стоит снабжать Украину ядерными боеголовками. Судя по заявлениям Путина и начальника управления ракетных войск и артиллерии белорусского Генштаба полковника Руслана Чехова, похоже, что Россия пошла на беспрецедентный шаг, передав Беларуси не экспортную, а российскую версию системы «Искандер». Если это действительно так, то Россия нарушает режим контроля за ракетными технологиями (согласованный 35 странами, включая Россию), который запрещает экспорт ракет с дальностью действия более 300 км. Однако Россия попытается обойти этот запрет, заявив, что комплекс остается в собственности России и находится под контролем российских военных.

Минску не под силу самостоятельно купить ракетные комплексы, а значит, Москва ожидает получить взамен что-то, например, постоянное присутствие российских военных в Беларуси на базе хранения ядерного оружия. В ноябре 2019 г. Зась, занимавший в то время пост государственного секретаря Совета безопасности Беларуси, заявил, что Россия предложила разместить в Беларуси базу ВВС в обмен на помощь в приобретении 12 истребителей Су-30СМ. Во время телефонных разговоров в феврале 2022 г. Лукашенко и Путин заверили президента Франции Эммануэля Макрона, что не собираются размещать в Беларуси ядерное оружие. Однако к марту 2023 г. для Путина ситуация изменилась. Его война против Украины потерпела неудачу. При этом

поддержка Украины со стороны Запада не ослабевает.

Это послужило поводом для заявления Путина о том, что ядерное оружие будет перевезено в Беларусь вместе с ракетным комплексом «Искандер», а 10 белорусских самолетов будут переоборудованы для оснащения ядерным оружием. Кроме того, было объявлено, что скоро будет завершено строительство хранилищ для тактического ядерного оружия. Понимая, что ядерное оружие является чувствительной темой для США и Европы, Путин расценивает это как важную карту в конфликте с Западом. Путин надеется, что США признают угрозу, исходящую от ядерного оружия в Беларуси, и согласятся на условия Москвы в Украине. При этом, Путин ничего не говорит о том, когда ядерное оружие будет доставлено в Беларусь и как долго оно там будет находиться. Таким образом, Путин хочет сохранить постоянное давление на Запад. В то же время у Путина будет возможность отказаться от поставок, если война закончится на его условиях.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Министерство иностранных дел России заявляет, что в данном случае речь идет не о передаче ядерного оружия. Министерство обороны России утверждает, что сохранит контроль над хранением, перемещением, безопасностью и сохранностью ядерных боеголовок в Беларуси. Таким образом, по мнению Москвы, Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) не будет нарушен. По состоянию на апрель 2023 г., никаких сведений о возможном перемещении ядерных боеголовок из России в Беларусь не поступало. Однако появление в Беларуси носителей ядерного оружия, таких как Су-24 и «Искандеры», неизбежно вызовет вопросы о типе боеголовок на их ракетах. Тактическое ядерное оружие не ограничено ни одним международным договором.

«Искандер» – это система двойного назначения, способная нести ядерные и обычные боеголовки. Оба этих вида вооружений имеют общие технические и эксплуатационные характеристики. Их размещение в Беларуси опасно тем, что нет надежного способа предотвратить установку ядерных боеголовок на неядерные ракеты и нет надежного способа отличить ядерную боеголовку от неядерной в период после запуска и до поражения цели. Таким образом, Россия стирает различия между обычным и ядерным оружием, чтобы затруднить противнику расчеты ответных действий. При этом, хотя Москва и не разворачивает ядерные боеголовки, она создает уровень угрозы, близкий к тому, который был бы в случае их реального развертывания.

Усиление двусмысленности несет в себе риск непреднамеренной эскалации конфликта из-за возможного непонимания целей противника и потенциальных последствий ударов, нанесенных системами двойного назначения. Кроме того, вооруженное нападение на Беларусь, как члена Союзного государства, будет рассматриваться как нападение на Россию. Это наверняка снизит порог применения ядерного оружия Россией. Судя по всему, Путин не доверяет Лукашенко. Именно

Президент Беларуси Александр Лукашенко (слева) встречается с президентом России Владимиром Путиным в Санкт-Петербурге, в России. Июль 2022 г.

поэтому он, скорее всего, отложит размещение ядерных боеголовок в Беларуси. Вместе с тем, Беларусь попала в полную зависимость от России. Россия может достроить базу хранения, доставить ядерные боеголовки и обслуживать их, тем самым увеличивая риск ядерного конфликта. Независимо от типа боеголовки, российские носители с ядерными боеголовками будут находиться ближе к территории НАТО, и значительное количество европейских территорий попадет в зону потенциального удара с коротким подлетным временем.

Для обеспечения выживаемости потенциальных целей «Искандера» в Европе потребуются меры противодействия. Вероятно, НАТО придется рассмотреть возможность нанесения упреждающего удара, если будет выявлена подготовка к запуску. Однако даже удар обычным оружием может нести в себе опасность ядерной эскалации. Тактическое ядерное оружие может быть случайно атаковано, поскольку оно находится на тех же базах, что и силы и оружие общего назначения, а его носители являются средствами доставки двойного назначения. Хотя тактическое ядерное оружие может служить сдерживающим фактором в конфликте, оно также представляет собой большой риск во время кризиса.

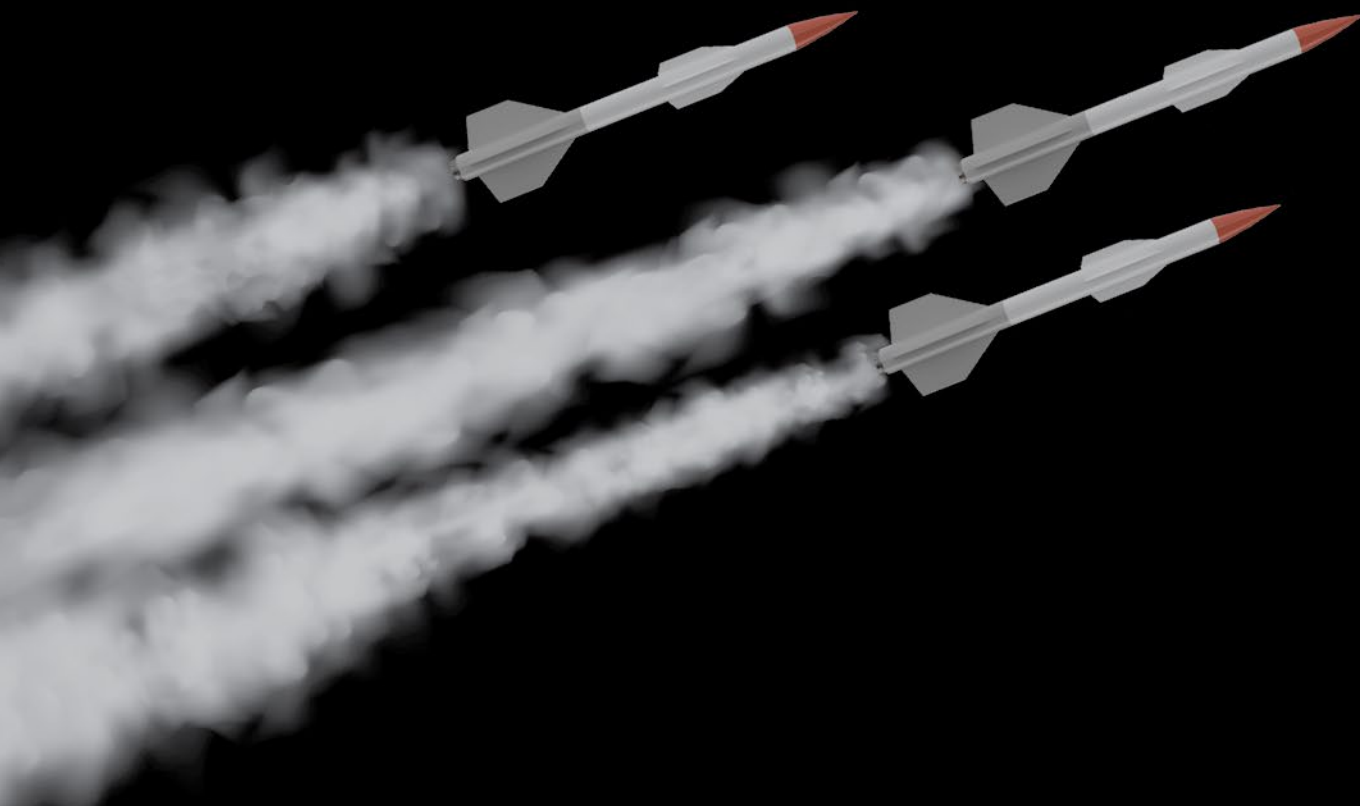
С военной точки зрения, для России размещение ядерного оружия в Беларуси не имеет большого значения. Например, целями для тактического ядерного оружия могут быть пусковые шахты ракет и радарные системы в Польше и Румынии. Но эти цели также могут быть поражены крылатыми ракетами, выпущенными с подводных лодок и самолетов российского базирования. Кроме того, оружие может быть развернуто в Калининграде и других западных регионах России. Поэтому возможность размещения ядерного оружия в Беларуси – это, прежде всего, политический вопрос. Угроза размещения ядерного оружия в Беларуси и дальше будет использоваться Москвой в качестве шантажа для достижения своих целей в регионе. □

Российская пропаганда и дезинформация

Основы современных российских тайных операций
заложены еще во времена холодной войны

ИЛЛЮСТРАЦИЯ «PER CONCORDIAM»

Мартин Верриер, сотрудник Королевского института объединенных служб

Приимерно в V веке до нашей эры Сун Цзу написал трактат «Искусство войны», в котором призывает военных командиров избегать прямой конфронтации, напоминая читателям, что наиболее эффективная кампания – та, которая выигрывается косвенными методами, чтобы сломить волю противника к борьбе еще до начала сражения. Во многом и сегодня этот принцип остается основной целью тайной деятельности, пропаганды и информационных операций.

В феврале 2021 г. Твиттер опубликовал отчет о 373 учетных записях, которые, как считается, являются частью согласованных усилий Ирана, Армении и России по проведению информационных операций. Концепции информационных операций варьируются, однако большинство определений этой деятельности указывают на то, что эти операции нацелены на снижение уровня

сплоченности противника и его желания сражаться. В публикациях Объединенного комитета начальников штабов США информационные операции определяются как использование «связанных с информацией

возможностей в сочетании с другими видами операций для оказания влияния, подрыва, подкупа или узурпации процесса принятия решений противниками и потенциальными противниками при одновременной защите своих возможностей». Это определение представляет информаци-

онные операции в качестве двусторонней стратегии – наступательной и оборонительной.

Сегодняшние информационные операции России преследуют те же цели. Как считают Т.С. Аллен и А. Дж. Мур, авторы книги «Победа без жертв: российские информационные операции», Россия, осознавая свою неспособность выйти на один уровень с США в обычном

«Таким образом, борьба и победа во всех сражениях не являются верхом мастерства; высочайшее мастерство состоит в том, чтобы сломить сопротивление противника без сражения.»

– Сун Цзу

Российские танковые экипажи проводят репетицию к военному параду в Москве по случаю годовщины окончания Второй мировой войны. Парады являются частью информационных операций, нацеленных на внутреннюю аудиторию. АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

военном плане, сделала ставку на значительный опыт в использовании информационной войны в качестве асимметричного метода, чтобы уравновесить оборонительное и наступательное превосходство Запада в военных ресурсах. В отличие от Америки, где информационные операции в основном поддерживают традиционные военные и разведывательные операции, Россия понимает информационные операции как чрезвычайно важный компонент в проецировании государственной власти. Она стремится задействовать военные, дипломатические и экономические усилия в достижении целей информационных операций. Для России информационные операции также имеют ценность и как оборонительное оружие. В хорошо известной статье начальник генерального штаба вооруженных сил России Валерий Герасимов указывает, что именно западные державы прибегают к информационным операциям для воздействия на интересы России. В действительности же, как отмечает профессор Колледжа общественной политики в Технологическом институте штата Джорджия Ханс Кляйн, Восток и Запад обвиняют друг друга в проведении информационных операций с целью ослабления позиций друг друга. Это противостояние уходит корнями в период холодной войны.

Скрытая пропаганда в период холодной войны

Во времена холодной войны как США, так и Советский Союз использовали пропаганду в качестве инструмента

информационных операций, чтобы подорвать и ослабить волю своих противников к ведению борьбы. К 1970-м гг. вещание Би-Би-Си для Восточного блока слушали почти 50% советских людей, несмотря на старания советских властей заглушить эти передачи. Запад также эффективно использовал пропаганду для распространения информации о преимуществах капитализма. Например, западные фильмы использовались для пропагандирования всех выгод капитализма и демократии и демонизировали коммунистическую форму правления. В 1950-е гг. ЦРУ купила права на экранизацию книги Джорджа Оруэлла «Скотный двор» с целью использования в качестве инструмента пропаганды в странах Восточного блока. Усилия Запада по подрыву коммунистических правительств на Востоке были эффективными и ослабили Советский Союз в период холодной войны.

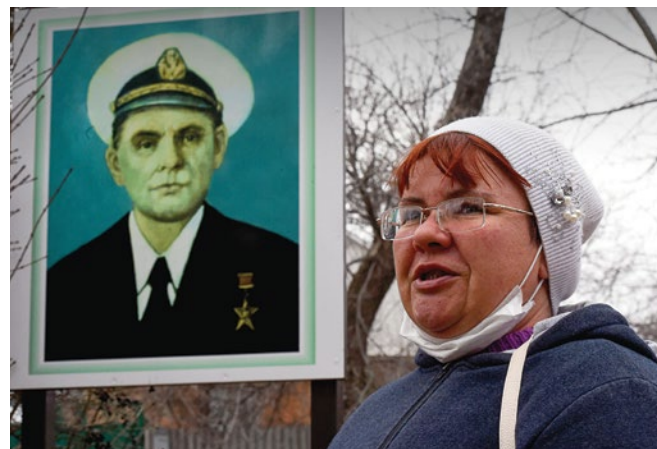
По мнению Кристофера Эндрю, профессора истории из Великобритании, и Василия Митрохина, бывшего советского разведчика, перебежавшего в Великобританию, советские информационные операции в период холодной войны преследовали три основные цели: развал НАТО, продвижение коммунистической идеологии и подрывную деятельность в неприсоединившихся странах. Основным инструментом для выполнения этих операций было контролируемое КГБ Общество культурных связей с зарубежными странами. Некоторые тактические приемы включали операции «под чужим флагом», такие как нападения на папу римского Иоанна Павла II,

которое, по словам Тараса Кузю, профессора политологии в Национальном университете «Киево-Могилянская академия», специально было намеренно приписано турецкому националисту, который, как потом оказалось, был связан с разведывательными службами Восточного блока. В числе других тактических приемов была поддержка сепаратистских и националистических движений посредством финансирования информационных операций, а также широкое использование кампаний дезинформации, в том числе обвинения ЦРУ в распространении СПИДа. В период холодной войны значительная часть информационных операций была также ориентирована на обработку местного населения в Советском Союзе и странах-сателлитах. Основными целями этой стратегии были консолидация общественной поддержки, повышение жизнестойкости в случае войны и организация сопротивления информационным операциям Запада. Так считают исследователи Центра анализа европейской политики Ирина Бороган и Андрей Солдатов. Такие информационные операции можно отнести к защитным мерам.

Советский Союз также превращал информационные операции в наступательные действия, в основном посредством т.н. активных мер, которые включали в себя как открытые, так и тайные операции с целью оказания влияния на общественное мнение. Одним из основных инструментов этой стратегии было создание и использование подставных организаций, которые способствовали продвижению советской политики. Всемирный совет мира, созданный в 1949 г. для продвижения идеи мира на планете, фактически контролировался Компартией СССР и управлялся советскими чиновниками. По данным Госдепартамента США, Советская власть использовала эту организацию для культивирования взглядов, направленных против либерального западного экономического порядка, для оказания помощи «освободительным» движениям левого толка и для использования в своих интересах страха перед ядерным оружием в странах НАТО.

Другие активные меры включали подделку официальных документов и отчетов. Например, Советский Союз использовал подлинные официальные американские документы для составления фальшивых планов войны, чтобы создать напряженность между двумя странами. Агенты влияния были еще одним инструментом проведения информационных операций. Эти агенты привлекали своих сторонников, которые даже не знали, что их используют для распространения дезинформации. Проведенная Всемирным советом мира кампания, включавшая демонстрации против американского оружия с повышенным уровнем радиации, была примером использования Советским Союзом агентов влияния. И наконец, Советский Союз использовал традиционные активные меры, такие как распространение ложной информации и фейковых новостей через обычные средства массовой информации. Хотя эти кампании были направлены на использование местных новостных ресурсов, советские агенты также выбирали своей мишенью и иностранную

прессу, подавая ей заранее приготовленный фальшивый материал. Например, агентство новостей ТАСС осуществляло надзор за глобальным распространением советской пропаганды. У него было внушительное представительство за рубежом – в 126 странах работали более 400 сотрудников и корреспондентов. Многие из них были связаны с советскими органами государственной безопасности, в том числе со службой внешней разведки.

Россиянка, живущая на границе с Украиной, беседует с журналистом. Февраль 2022 г. Правительственная пропаганда представляет вторжение в Украину как оправданную и ограниченную операцию. AFP/GETTY IMAGES

Информационные операции в путинской России

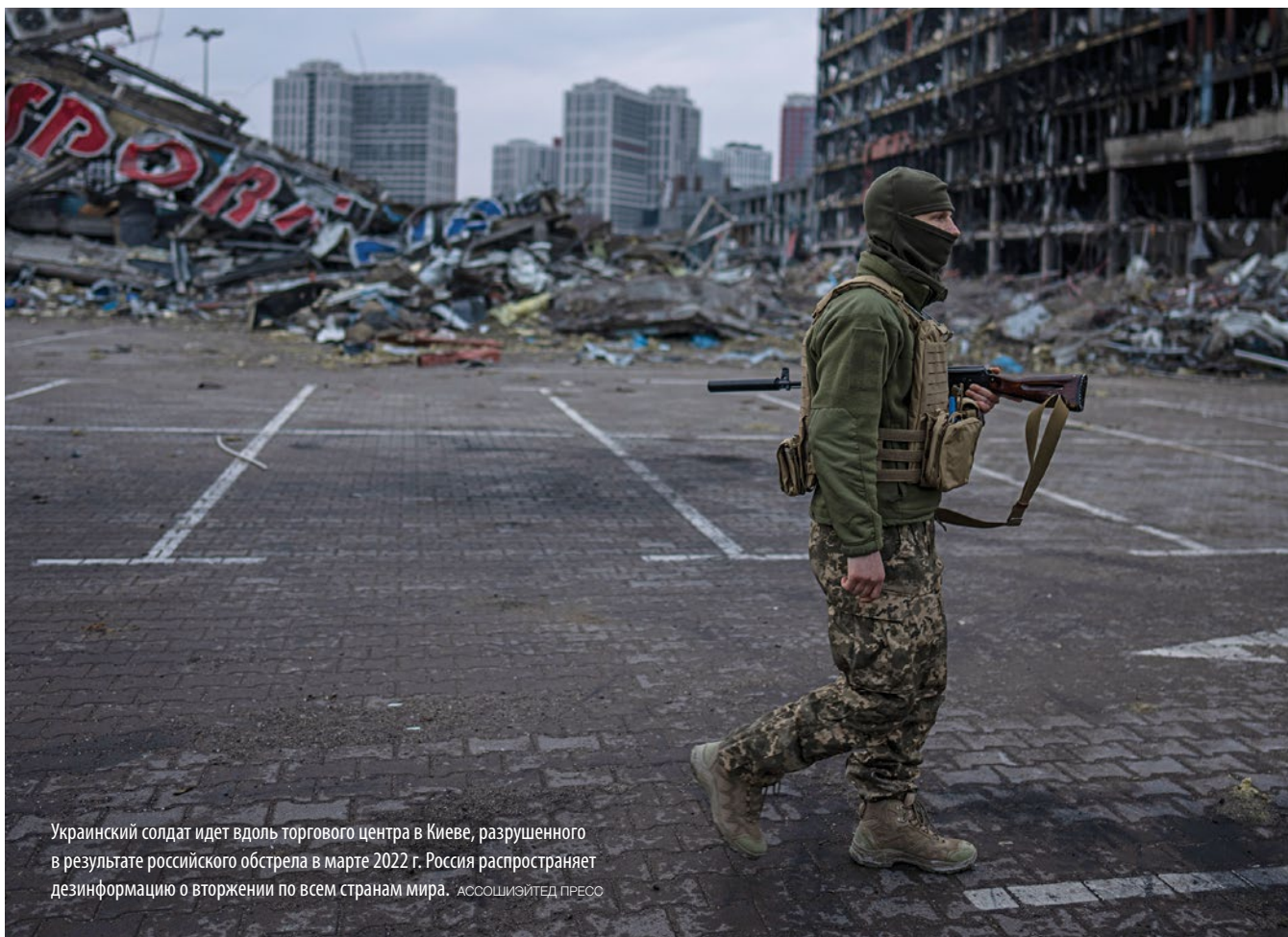
Крах и распад Советского Союза привели к политическому хаосу в России. И все же разведывательные службы, особенно КГБ (сейчас известный как ФСБ) сумел сохранить довольно сильное влияние на российские политические структуры. До того, как стать российским президентом, в 1999 г. Владимир Путин был избран премьер-министром. Он бывший офицер КГБ и какое-то время был руководителем ФСБ. Его личный опыт периода холодной войны очень сильно влияет на формирование современных информационных операций России. По мнению журналиста Криса Боулби, мировоззрение Путина сформировалось под воздействием таких событий как падение Берлинской стены, распада Советского Союза и последовавшего за ним вакуума власти, которые ему пришлось пережить, когда он был офицером КГБ в Восточной Германии в 1989 г. Развал Советского Союза, который, по мнению многих российских ученых, произошел благодаря информационным операциям Запада, возможно, укрепил его мнение относительно той важной роли, которую подобные операции могли бы играть в будущем. В частности, крах Советского Союза продемонстрировал, насколько уязвимой может стать страна, когда ее руководство разваливается. Этот тезис напрямую связан с новым способом проведения информационных операций в России. Хотя они по-прежнему занимают центральное место во внешнеполитической деятельности России, сегодняшние информационные операции

нацелены на достижение кинетического эффекта в дополнение к традиционному субъективному влиянию на социальную сплоченность противника. Захват Россией Крыма в 2014 г. дает нам парадигматические примеры четырех четких характеристик современных российских информационных операций, которые отличаются от операций времен холодной войны в плане не только достижения стратегических целей, но и обеспечения тактических побед.

Во-первых, Россия все больше контролирует СМИ для распространения и пропаганды своих идей путем развития новостных платформ, которые выполняют функции агентов российского влияния. Например, телеканал «Россия сегодня» (Russia Today – RT) вещает в более чем 100 странах и отмечается участием в российских информационных кампаниях. Недавний доклад Канцелярии начальника управления национальной разведки США сообщил читателям о том, что новостные каналы RT играли чрезвычайно важную роль в российской стратегии вмешательства в национальные выборы в США в 2016 г. Согласно докладу, RT смешивала правдивую информацию, украденную информацию и фейковую или фальшивую информацию, распространяя свои сообщения через социальные сети с целью подорвать веру общественности в демократические процессы.

Во-вторых, современные информационные операции проводятся с целью управления российской диаспорой в бывших советских республиках. Россия использует информационные операции для создания фальшивых нарративов об агрессии против общин российской диаспоры для оправдания последующих военных действий. Эти операции нацелены не только на оправдание таких нарративов для внутренней аудитории, но также и для легитимизации их в глазах мирового сообщества. Для оправдания своей интервенции в Грузии (2008 г.) и Украине (2014 г.) Россия начала проводить информационные операции еще за несколько лет до введения войск в эти страны.

В-третьих, социальные сети придали российским информационным операциям совершенно новый смысл. Социальные платформы, такие как Фейсбук и Твиттер, используют для пропаганды нарративов, вызывающих к эмоциям, глубоко укоренившихся в общественной психологии россиян. Использование эмоциональных историй усиливает и без того действенное восприятие славного российского прошлого и образ России как жертвы агрессии со стороны ее противников. Например, сотрудник Колледжа изучения международных отношений им. Джексона Крис Коллисон указывает, что в ходе кампании по захвату Крыма российские

Украинский солдат идет вдоль торгового центра в Киеве, разрушенного в результате российского обстрела в марте 2022 г. Россия распространяет дезинформацию о вторжении по всем странам мира. АССОЦИИЭЙТЕД ПРЕСС

СМИ распространили фантастическое утверждение том, что украинские солдаты распяли на кресте ребенка из семьи, которая поддерживала российский вторжение. Как указывает исследователь из французского Института международных отношений Джулиен Носетти, Россия задействовала подобную стратегию в Сирии, когда обвинила сирийские оппозиционные силы в применении отравляющего газа.

И наконец, Россия использует информационные кампании в качестве инструментов в операциях гибридной войны. Однозначного определения гибридной войны не существует. Норвежский институт международных отношений определяет ее как «синхронизированное использование многочисленных инструментов власти, приспособленных под конкретные уязвимые места по всему спектру общественных функций для достижения синергетического эффекта». Россия успешно провела информационные операции, которые вызвали переполох в армии противника, нарушив цепочку командования. В Крыму использование Россией информационных операций в сочетании с полугосударственными войсками, спецназом и активной ролью российской диаспоры привело к тому, что местные украинские вооруженные силы оказались практически бесполезными. Местные украинские военные столкнулись с войсками без опознавательных знаков и с военно-гражданскими демонстрациями, получали беспорядочную информацию из СМИ, а помехи в каналах коммуникаций не давали им возможности связаться с другими подразделениями. В результате местные воинские подразделения не оказали вооруженного сопротивления. Был убит всего лишь один украинский солдат. Россия одержала почти безукоризненную победу, в соответствии с определением Сун Цзу.

Современные российские и советские операции времен холодной войны

Россия использует информационные операции, чтобы асимметричным способом уравновесить возможности с Западом, продвигать свои интересы за рубежом и консолидировать политические силы внутри страны. Она показала миру, как можно выиграть конфликт при минимальном применении насилия, сломив руководство противника и создав «массированный туман войны». Россия также доказала, насколько эффективными являются информационные операции для углубления существующих расколов в обществе и как это может повлиять на демократию и даже на принцип верховенства закона. Кроме того, Россия показала, насколько важную роль играют социальные сети в продвижении тщательно продуманных посланий, и как традиционные СМИ могут использоваться для распространения дезинформации и ложной информации. Россия показала, что информационные операции могут давать больше ощутимых результатов, чем в прошлом, и могут использоваться кинетическим способом, принося немедленные тактические результаты.

Современные российские информационные операции уходят глубоко корнями в практику советских времен. Как и в советский период, российское правительство все еще считает себя жертвой информационных операций Запада, направленных на подрыв его сферы влияния. Автор многочисленных работ и лекций по вопросам безопасности России Марк Галеотти утверждает, что российские власти рассматривают стремление США к прозрачности, демократизации и борьбе с коррупцией как инструменты подрывной деятельности, что может быть связано с политическим сближением Украины, Грузии и балканских государств с Западом. И это не единственная связь с прошлым. «Россия сегодня» имеет связь с ТАСС и АПН, которые распространяют по всему миру тщательно подготовленную советскую информацию. Социальные сети, отличающиеся высокой скоростью, произвели революцию в распространении дезинформации. Однако цели при этом не изменились, оставаясь схожими с целями агентов влияния времен холодной войны. Более того, нынешняя тенденция использования информационных операций для оказания влияния на российскую диаспору за границей тесно связана с оборонительным противостоянием западным информационным операциям в Восточном блоке в период холодной войны.

Сотрудники RT готовятся к визиту президента России Владимира Путина в московскую студию. RT был признан агентом влияния российского правительства. АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

Одним из факторов применения Россией современных информационных операций является то, что они могут быть использованы на тактическом уровне, охватывая военные действия и достигая кинетической мощи, которая может ослабить вооруженные силы противника. Однако эта уникальная характеристика была разработана в результате явления, которое можно отнести к временам холодной войны: неспособность России на равных противостоять Западу в области обычных вооруженных сил. Для Путина принцип Сун Цзу «победа без боя» оказался не вариантом, а необходимостью. Тем не менее, он не исключает использование кинетических средств. □

РАСТУЩИЕ ЯДЕРНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КИТАЯ

ИЛЛЮСТРАЦИЯ «PER CONCORDIAM»

МАССИРОВАННОЕ НАРАЩИВАНИЕ РАКЕТНОГО АРСЕНАЛА СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О СЕРЬЕЗНЫХ ПЕРЕМЕНАХ В ПОЛИТИКЕ

Д-р **Брайан Карлсон**, руководитель группы исследователей проблем глобальной безопасности, Центр изучения вопросов безопасности

Растущие ядерные возможности Китая вызывают озабоченность у США, их союзников и партнеров по всему миру. Все больше и больше появляется доказательств широкомасштабного наращивания ядерного арсенала, хотя правительство Китая это отрицает. Похоже, что мотивацией для такого наращивания является желание китайских лидеров сохранить надежность своего ядерного сдерживания и заявить о своем месте в современном мире. В 2021 г. на спутниковых снимках было изображено строительство примерно 300 ракетных шахт в западной и северо-центральной частях Китая, в которых со временем могут быть установлены межконтинентальные баллистические ракеты (МБР). Эти снимки служат еще одним доказательством в поддержку недавних предположений США о том, что Китай планирует значительное увеличение своего ядерного арсенала. В «Обзоре ядерной политики США за 2018 г.» утверждалось, что модернизация ядерного арсенала Китая и отсутствие прозрачности породили вопросы относительно будущих намерений этой страны. Опубликованный в 2020 г. доклад Министерства обороны США прогнозирует, что за это десятилетие Китай как минимум удвоит запасы своих ядерных боеголовок, которые авторы доклада на момент его публикации оценивали в немногим более 200. В августе 2021 г. адмирал Чарльз Ричард, командующий Стратегическим командованием США, отвечающим за американские ядерные силы, заявил, что Китай наращивает обычные и ядерные силы в таких масштабах, что «захватывает дух», и что это наращивание представляет собой «стратегический прорыв». В 2021 г. доклад Пентагона о военной мощи Китая содержал предположение, что при нынешних темпах роста ядерного арсенала Китая к 2027 г. у Пекина может уже быть 700 готовых к запуску боеголовок, а к 2030 г. их будет уже 1 тыс.

Такое наращивание вооружений может означать принципиальный отход от той политики, которой Китай придерживался последние несколько десятилетий. Вслед за проведением первого успешного ядерного испытания в 1964 г. Китай принял доктрину минимального ядерного сдерживания. Эта доктрина предполагала отказ от участия в гонке вооружений с другими великими державами, объявление о политике отказа от применения ядерного оружия первым и поддержание ядерных сил

на минимальном уровне, необходимом для надежного ядерного сдерживания Китаем потенциальных противников. Взяв такой курс, Китай стремился защитить себя от ядерных угроз и шантажа, при этом избегая отвлечения ресурсов, крайне необходимых для экономического развития. Китай придерживался доктрины минимального сдерживания несколько десятилетий после 1964 г., хотя потом с 1980-х гг. он начал постепенную модернизацию своего ядерного арсенала.

НАРАЩИВАНИЕ ВООРУЖЕНИЙ МОЖЕТ ОЗНАЧАТЬ ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ОТХОД ОТ ТОЙ ПОЛИТИКИ, КОТОРОЙ КИТАЙ ПРИДЕРЖИВАЛСЯ ПОСЛЕДНИЕ НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТИЛЕТИЙ.

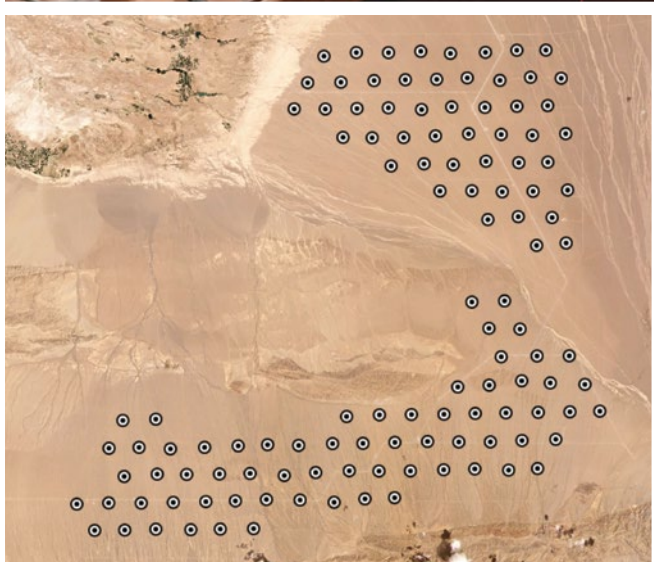
К началу 2000-х гг. у Китая, скорее всего, было лишь несколько десятков ядерных боеголовок, способных поразить территорию США, и все они находились в пусковых шахтах, что делало их уязвимыми. С тех пор Китай добился значительных успехов в модернизации своих ядерных сил. Он разместил МБР на тягачах, оснастил некоторые из своих стратегических ракет боеголовками индивидуального наведения и ввел в строй первые в ВМФ подводные лодки, способные нести баллистические ракеты. Китай также увеличил размер своего ядерного арсенала, хотя до последнего времени он, похоже, все еще сохранял «небольшие и эффективные» ядерные силы вместо того, чтобы гнаться за численным паритетом с США и Россией. Многие годы Китай беспокоило обстоятельство, что американские системы противоракетной обороны, высокоточное конвенциональное оружие и модернизация ядерного арсенала смогут подорвать надежность его собственного ядерного сдерживания. До недавнего времени, однако, китайские руководители считали, что страна не стоит перед лицом непосредственной внешней угрозы, и что это беспокойство можно снизить путем реализации собственной программы постепенной модернизации ядерного оружия.

АССОЦИИЭЙТЕД ПРЕСС

Генеральный директор китайского Управления по контролю над вооружениями Фу Конг, в центре, во время пресс-конференции в январе 2022 г. отрицает, что его правительство быстрыми темпами наращивает свой ядерный арсенал.

На этом спутниковом снимке изображены строящиеся шахты для межконтинентальных баллистических ракет в г. Юмен в китайской провинции Гансу.

PLANET LABS PBC

Эта ситуация, похоже, в последние годы изменилась. В «Обзоре американской ядерной политики за 2018 г.» задается вопрос о намерениях Китая в отношении своего ядерного арсенала, несмотря на то что официальная доктрина Китая не поменялась. Самый последний официальный аналитический доклад Китая по вопросам обороны, опубликованный в 2019 г., подтверждает политику страны относительно неприменения ядерного оружия первым. Кроме того, в документе закреплено, что Китай воздерживается от участия в гонке ядерных вооружений с другими странами и поддерживает ядерные возможности на минимальном уровне, необходимом для обеспечения национальной безопасности. В документе указывается, что цель ядерного арсенала страны состоит в сдерживании других стран от применения или угрозы применения ядерного оружия против Китая.

Тем не менее, декларативной политике Китая, похоже, не достаёт прозрачности относительно его реальных намерений. Несмотря на то, что имеется все больше и больше доказательств того, что Китай проводит

наращивание ядерного арсенала в беспрецедентных масштабах, правительство Китая хранит молчание по этому вопросу. Официальные китайские СМИ выразили несогласие с сообщениями на Западе о строительстве ракетных шахт, даже предположив, что на спутниковых снимках изображены ветряные мельницы. Многие китайские эксперты в ядерной области, по-видимому, находятся в неведении относительно строительства шахт и наращивании ядерного арсенала Китая. Впервые сообщения о строительстве шахт появились летом 2021 г., когда эксперты Центра исследований проблем нераспространения им. Джеймса Мартина в г. Монтерей в Калифорнии, который сотрудничает с Институтом международных исследований Миддлбери-колледжа, получили сделанные коммерческим спутником изображения 119 почти идентичных строительных объектов в пустынном районе возле г. Юмен в провинции Гансу в центральной части Китая. По сообщениям издания «The Washington Post», строительные объекты имели много общих характеристик с уже построенными в Китае пусковыми шахтами для МБР с ядерными боеголовками. Эксперт по ядерному арсеналу Китая из института Мидлбури Джеффри Льюис, который входил в состав группы специалистов, анализировавших изображения, считает, что Китай, возможно, в некоторых из шахт разместит МБР DF-41. Эти ракеты могут нести большое количество боеголовок и имеют

дальность полета до 15 тыс. км, что позволяет им достичь континентальную часть США.

Тем не менее, эксперты не могут точно сказать, сколько ракет в конечном итоге будет помещено в шахты. В прошлом Китай использовал ложные шахты-приманки, и такими могут оказаться и некоторые из новых шахт для того, чтобы создать неопределенность относительно того, где на самом деле находятся погруженные в шахты МБР, которые могут оказаться уязвимыми для контрнападения американских сил. Дополнительные спутниковые изображения показали строительство аналогичных шахт возле г. Хами в западной провинции Синдзянь и поблизости г. Ордос во Внутренней Монголии общим количеством в 300 шахт. Согласно большинству оценок, в настоящее время ядерные запасы Китая составляют, скорее всего, от 250 до 350 боеголовок. Таким образом, размещение ракет DF-41 с разделяющимися головными частями в любом значительном количестве новых построенных шахт будет

означать заметное увеличение размера ядерного арсенала Китая.

Озабоченность американского правительства относительно возможного наращивания ядерных запасов Китаем росла еще в период, предшествовавший появлению спутниковых изображений строительства пусковых шахт. В мае 2019 г. генерал-полковник Роберт Эшли-младший, в то время бывший директором Агентства военной разведки США, спрогнозировал значительный рост ядерных арсеналов России и Китая, при котором Китай увеличит свои запасы как минимум в два раза. США пытаются вовлечь Китай в переговоры о контроле над ядерными вооружениями, однако Китай пока отвергает эту идею. В ответ китайские руководители говорят, что сначала США и Россия должны сократить свои ядерные арсеналы до уровня, сопоставимых с арсеналом Китая.

В течение последнего года президентства Дональда Трампа американская администрация безуспешно добивалась помощи России в привлечении Китая к участию в новом договоре о контроле над вооружениями. Выкладывая перед Россией свои аргументы, администрация США поделилась беспрецедентным объемом секретной информации относительно ядерного

Тягачи с баллистическими ракетами DF-41 проезжают мимо Дома народных собраний в Пекине на параде в честь основания коммунистического строя в Китае.

АССОЦИЭЙТЕД ПРЕСС

арсенала Китая, включая прогнозы его быстрого роста. Однако Россия отказалась оказывать давление на Китай, которого она считает своим стратегическим партнером. Администрация президента Байдена старается вовлечь Китай в диалог по ядерным вопросам. У Китая, однако, почти нет стимулов присоединиться к международным переговорам по контролю над вооружениями. В отличие от России, которая рассматривала международный механизм контроля над вооружениями в качестве средства поддержания ядерного паритета с США, Китай видит в контроле над вооружениями ловушку, которая закрепит его отставание в ядерной сфере и сделает невозможным его рост.

Россия также присоединилась к Китаю в призыве к США воздержаться от размещения ракет средней дальности наземного базирования в Азии после прекращения действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД), из которого США вышли, обвинив Россию в несоблюдении его условий. Китай, который не был участником договора РСМД, поддерживает большие запасы ракет средней и меньшей дальности, большинство из которых в настоящее время оснащены неядерными боеголовками.

Доклад Пентагона за 2021 г., анализирующий военную мощь Китая, описывает его усилия по созданию ядерной триады. По оценке авторов доклада, эти усилия вполне могли увенчаться успехом. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) делает большие инвестиции в развитие и количественное увеличение ядерного оружия наземного, морского и воздушного базирования и поддерживающей инфраструктуры. В докладе указывается, что Стратегические ракетные силы НОАК (РСНОАК), отвечающие за ядерные и неядерные ракеты наземного базирования, наращивает свои стратегические возможности сдерживания.

РСНОАК совершенствуют свои ракетные силы, способные нести ядерные заряды, создавая новые МБР с разделяющимися головными частями. В докладе Пентагона упоминается строительство ракетных шахт и возможное намерение Китая использовать их для размещения твердотопливных МБР, таких как DF-41. Также увеличиваются запасы китайских баллистических ракет средней дальности (БРСД) DF-26, перемещаемых тягачами по дорогам; у этих ракет такой радиус действия, который для США и России запрещен Договором РСМД. Эти ракеты, которые могут избежать обнаружения при помощи спутников, способны наносить точные ядерные удары по наземным целям и неядерные удары по военноморским целям. В 2020 г. Китай разместил баллистические ракеты среднего радиуса действия DF-17, на которые можно устанавливать гиперзвуковые планирующие аппараты (ГПА) DF-ZF, что превратило их в первую в Китае действующую систему гиперзвуковых вооружений.

Военно-морской флот НОАК (ВМФНОАК) продолжает модернизировать свои вооружения на подводных лодках. ВМФНОАК построил шесть подлодок, способных нести баллистические ракеты, (ПЛБР) класса Джин и

типа 094, которые представляют собой первые китайские силы надежного ядерного сдерживания морского базирования. Каждая из этих подводных лодок класса Джин может нести до 12 запускаемых с подводных лодок баллистических ракет (БРПЛ) JL-2. Ожидается, что китайские ПЛБР следующего поколения типа 096 будут оснащены БРПЛ также нового типа. По оценкам Пентагона, строительство ПЛБР типа 096, которые будут находиться на боевом дежурстве одновременно с подлодками типа 094, может начаться уже в начале этого десятилетия. К 2030 г. у Китая уже может быть восемь ПЛБР. Помимо совершенствования своих наземных и морских ядерных возможностей, Китай также работает и над воздушным компонентом своей ядерной триады. В октябре 2019 г. военно-воздушные силы НОАК (ВВСНОАК) публично представили H-6N в качестве своего первого бомбардировщика, способного нести ядерные заряды и имеющего функцию дозаправки в воздухе. H-6N может нести баллистические ракеты воздушного базирования (БРВБ), которые могут быть оснащены ядерными зарядами. Китай также разрабатывает бомбардировщик с характеристиками «стелс», который сможет выполнять задания не только с обычными боеприпасами, но и с ядерными.

Похоже, что мотивация Китая в этом наращивании ядерных arsenалов отражает особую озабоченность по поводу возможностей страны осуществлять ядерное сдерживание, а также более широкое желание обеспечить Китаю достаточную военную мощь, которая бы вызывала уважение к нему в период растущей конкуренции между мировыми великими державами. Эксперт в институте Мидлбури Джеффри Льюис считает, что одна из основных целей строительства в Китае ракетных шахт для возможного размещения в них ракет DF-41 является поддержание убедительности ядерного сдерживания. Китай хочет гарантировать, что после первого ядерного удара со стороны США его ядерные силы смогут выжить в достаточных количествах, чтобы нанести ответный удар, который сможет преодолеть американские системы противоракетной обороны.

Китайские эксперты в ядерной области также называют реализуемую сейчас в США программу модернизации ядерных сил в качестве причины для расширения ядерного арсенала Китая. Американская программа модернизации нацелена на усовершенствование ядерных вооружений и систем их доставки в течение следующих двух десятилетий. Некоторые американские системы доставки, в том числе МБР «Минитмен», находятся на боевом дежурстве уже не одно десятилетие. Тем не менее, китайские эксперты в ядерной сфере утверждают, что модернизация американских ядерных сил в сочетании с развитием систем противоракетной обороны и высокоточного конвенционального оружия ослабляют надежность китайского механизма ядерного сдерживания. Льюис полагает, что за обеспокоенностью Китая стоят противоракетная оборона США и инвестиции в новые системы, в числе которых крылатые ракеты воздушного базирования и, как минимум, два новых вида боеголовок.

Старший научный сотрудник в Программе Карнеги «Ядерная политика» Тонг Жао убежден, что руководство Китая считает, что западные страны чувствуют угрозу из-за роста Китая и поэтому стремятся демонизировать и сдержать его. США определили стратегическую конкуренцию с Китаем как один из самых серьезных вызовов своей национальной безопасности в ближайшие годы, и отмечается рост напряженности между Китаем и Западом в таких вопросах как права человека, демократические ценности, верховенство закона и международные нормы. По мнению Жао, руководство Китая пришло к выводу, что его единственный выход – это консолидировать военную силу страны, чтобы заставить западные страны считаться с мощью Китая. Увеличение ядерного арсенала Китая, похоже, является важной частью этих усилий. Президент Китая Си Цзиньпин, который консолидировал свою собственную власть до такой степени, что она стала похожа на правление страной одним человеком, делает заявления в поддержку этой цели. Вскоре после прихода к власти в 2012 г. он особо отметил важность Второго артиллерийского корпуса, как в то время называли ракетные войска НОАК. Позднее Китай поднял статус этих подразделений до отдельного рода войск и переименовал их в Ракетные силы. В марте 2021 г. Си Цзиньпин дал НОАК распоряжение «ускорить создание возможностей передового стратегического сдерживания».

Как и Советский Союз во время холодной войны, Китай сейчас может считать, что создание мощных ядерных сил является единственным способом достижения политического равенства с США. С этой точки зрения, только сильная китайская армия, имеющая мощные стратегические ядерные силы, может заставить США и другие западные страны отказаться от их враждебности в отношении Китая. В качестве повода для беспокойства Жао указывает на отсутствие серьезного диалога по этим вопросам между США и Китаем, что может привести к дестабилизирующей гонке ядерных вооружений и в конце концов к опасной конфронтации наподобие кубинского кризиса.

Китайская подводная лодка 094 класса Джин, способная нести ядерные ракеты, совершает маневр возле провинции Шаньдун в восточной части Китая. GETTY IMAGES

И здесь возникает очень важный вопрос – в чем же конечная цель наращивания Китаем своих ядерных арсеналов? Заместитель помощника министра обороны США по вопросам Китая Майкл Чейс в 2019 г. написал, что китайская ядерная политика может пойти несколькими путями. Во-первых, Китай может сосредоточиться исключительно или почти исключительно на создании возможностей гарантированного возмездия. Идя по этому пути, Китай, скорее всего, будет придерживаться стратегии, закрепленной в его официальных документах, включая принцип неприменения ядерного оружия первым, и, возможно, разместит 300-400 ядерных боеголовок в течение следующих 10-15 лет. Во-вторых, Китай может склониться к варианту «гарантированное возмездие плюс». Если Китай выберет этот путь, то он будет стремиться получить возможности гарантированного возмездия плюс несколько дополнительных гибких вариантов, хотя бы на региональном уровне. Китай может принять политику обусловленного отказа от применения ядерного оружия первым, что понизит ядерный порог, для того чтобы попытаться сдержать нападения с применением неядерных средств против стратегических целей. Такой путь может предполагать размещение 500-800 ядерных боеголовок в течение следующих 10-15 лет, но, скорее всего, без размещения тактического ядерного оружия. В-третьих, Китай может стремиться к ядерному паритету с США и Россией. Идя по этому пути, Китай откажется от обязательств неприменения ядерного оружия первым и создаст боевые возможности. Он разместит 1 тыс. или более ядерных боеголовок и может также разместить тактическое оружие. Недавние свидетельства заставляют предположить, что Китай идет, как минимум, по второму пути, но при этом нельзя исключить вероятность, что со временем он выберет третий путь. □

— СОВЕРШЕНСТВУЯ —

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СДЕРЖИВАНИЕ

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ КОМАНДОВАНИЕ США МОДЕРНИЗИРУЕТ СВОИ ВОЗМОЖНОСТИ

Генерал-майор Гленн Харрис, ВВС США, и майор Джон Яников, Сухопутные войска США, Стратегическое командование США

Вооруженные силы Соединенных Штатов Америки не зря считают ядерное сдерживание единственной и самой важной миссией. Чарльз Ричард, адмирал ВМФ США и бывший командующий Стратегического командования США (СТРАТКОМ США) – командования, отвечающего за сдерживание стратегических нападений противника и нанесение решительного ответного удара в случае неудачного сдерживания, дает следующие пояснения: «Каждый оперативный план в Министерстве обороны (МО) и все другие имеющиеся у нас возможности базируются на предположении, что стратегическое сдерживание сработает. А если стратегическое сдерживание, и в особенности, ядерное сдерживание, не сработает, то ни один из наших остальных планов и никакие другие возможности не будут функционировать так, как задумано».

Для обеспечения надежности ядерного сдерживания как основы национальной безопасности США, оно должно пройти серьезную модернизацию традиционных систем триады – наземных, морских и воздушных платформ, способных осуществлять запуски ядерного оружия. Кроме того, эволюционный путь от конвенционального оперативного подхода к сдерживанию и к более прочной концепции «интегрированного сдерживания» – в которой возможности ядерной триады взаимодействуют и сочетаются с другими стратегическими возможностями в киберпространстве, космосе, противоракетной обороне и даже гражданской академической сфере – поможет США поддерживать надежные ядерные возможности в обозримом будущем и обеспечить стабильность во всем мире.

Межконтинентальная баллистическая ракета «Минитмен-3» без боеголовки взлетает с базы Ванденберг в Калифорнии в ходе испытательного пуска в 2020 г.
ВВС США

Ядерное сдерживание является результатом общего понимания противниками того, что у каждого из них есть готовые и надежные возможности нанести ответный ядерный удар. Ключевым традиционным компонентом поддержания ядерного сдерживания является рациональное размещение боеспособных систем вооружения. Сегодня ядерная триада США состоит из 14 подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАБР), имеющих на борту баллистические ракеты, запускаемые с подводных лодок (БРПЛ), 400 межконтинентальных баллистических ракет (МБР) наземного базирования и более 60 тяжелых бомбардировщиков, способных нести

ядерные заряды. В сумме все компоненты американской триады должны гарантировать, что никакой потенциальный агрессор не сможет рассчитывать на то, что при определенных обстоятельствах он сможет осуществить стратегическое нападение и устранить возможности США для ответного удара и нанесения неприемлемого ущерба. Для этого каждый из трех компонентов триады обладает уникальными и взаимодополняющими характеристиками, что делает стратегические силы США быстро реагирующими, жизнестойкими и гибкими.

Подводная лодка класса Огайо с баллистическими ракетами на борту проводит испытательный пуск ракеты «Трайидент-2-Д5» без боеголовки у побережья Калифорнии. 2018 г. ВМФ США

Межконтинентальная баллистическая ракета (МБР) «Minuteman III» («Минитмен-3») представляет собой наиболее быстро реагирующий компонент ядерной триады. С 1959 г. ракеты «Минитмен» остаются в режиме круглосуточной боеготовности, обеспечивая готовый к быстрому ответному удару компонент американской стратегической программы сдерживания. Американские МБР распределены между 400 укрепленными подземными шахтами – а еще 50 шахт находятся в «разогретом» режиме – приданными многочисленным военным базам, что делает их трудными мишенями для любого потенциального противника. Тот факт, что американские МБР находятся в укрепленных шахтах и рассредоточены по территории страны, требует от потенциального противника нанесения массированного удара по территории США, чтобы иметь шанс обезвредить все американские МБР. Нереалистичность такого сценария повышает уровень сдерживания.

Ракеты «Минитмен-3» для обновления используют рутинный подход под названием «убери и замени», который позволяет достичь постоянного стопроцентного уровня боеготовности с момента

размещения первых ракет. Различные системы защищенных коммуникаций обеспечивают президенту США и министру обороны в высшей степени надежный и практически моментальный прямой контакт с каждым экипажем ракеты-носителя. Ответственные за запуск группы в центрах управления поддерживают постоянную связь с удаленными площадками запуска ракет. В случае потери возможности управления между центром управления запуском и удаленным местом запуска ракеты, самолеты со специально сконфигурированным воздушным центром управления E-6B автоматически примут на себя контроль и управление конкретной отдельной ракетой/ракетами. Имеющие все полномочия воздушные ракетные боевые группы будут выполнять законные приказы президента, обеспечивая выживаемость МБР наземного компонента триады.

Тем не менее, наилучшие шансы на выживание все же у морского компонента ядерной триады, в котором стратегические атомные подводные лодки с баллистическими ракетами (ПЛАБР) класса Огайо служат в качестве необнаруживаемых пусковых платформ. Они специально предназначены для скрытого длительного патрулирования и точных ударов ядерными боеголовками. В среднем подводные лодки находятся в море около 80 дней, а следующие примерно 35 дней проводят в порту на обслуживании. Каждая подводная лодка имеет два экипажа, «синий» и «золотой», которые по очереди выходят в море на патрулирование. Это делает подводную лодку максимально доступной для выполнения стратегических задач, снижает количество подводных лодок, необходимых для соблюдения стратегических требований, и позволяет поддерживать на должном уровне обучение, готовность и боевой дух экипажей. Каждая ПЛАБР имеет на борту до 20 баллистических ракет (БРПЛ) с разделяющимися головными частями индивидуального наведения. Американские ПЛАБР имеют на борту ракеты «Trident II D5» («Трайидент-2-Д5») с радиусом 7 тыс. км, что позволяет США держать под угрозой укрепленные и ценные объекты любого противника. ПЛАБР также в высшей степени мобильны и могут передвигаться в различные точки запуска ракет, чтобы избежать пролета над ними авиации противника, предоставляя дополнительные гарантии союзникам и возросшую оперативную гибкость.

Бомбардировщики представляют собой наиболее гибкий компонент американской ядерной триады. Каждая платформа, состоящая из самолетов B-52H Stratofortresses и B-2A Spirit, обеспечивает возможность нанесения ядерного удара в течение короткого периода времени в любой точке земного шара, при этом избегая передовых средств обороны большинства противников. У американских бомбардировщиков почти неограниченная дальность полета

с учетом их дозаправки в воздухе, а сочетание с дальностью полета крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) дает им возможность поражать высокий процент целей. Они могут нанести удар по любой потенциальной цели на планете со своих баз в США или перейти на передовое базирование в мирное время, а также во время кризиса или конфликта, что является недвусмысленным напоминанием потенциальным противникам об обязательствах США быстро встать на защиту безопасности их союзников и партнеров.

В зависимости от поставленной задачи, оба типа бомбардировщиков могут нести как ядерные, так и конвенциональные заряды. Бомбардировщик В-52 в состоянии сбрасывать или запускать очень широкий круг зарядов, имеющихся на вооружении у США, включая гравитационные бомбы, кластерные бомбы, высокоточные управляемые ракеты, а также совместные боеприпасы прямого нападения. В-2 обеспечивает непревзойденную проникающую гибкость. Его характеристики «стелс», делающие его почти незаметным, дают ему уникальную возможность проникать сквозь самую изощренную оборону противника и представлять угрозу для его наилучшим образом защищенных целей. Вооружения могут быть установлены на эти самолеты и сняты с них в кратчайшие сроки, что дает руководителям страны возможность отменить нанесение удара уже после взлета самолета, обеспечивая большую гибкость, чем МБР или БРПЛ.

В совокупности эти ядерные силы являются непосредственным фундаментом национальной безопасности США. Обязательства американского правительства по модернизации ядерной триады служат дополнительным подтверждением этого тезиса. Хотя каждая система вооружений проходит регулярные положенные обновления для того, чтобы соответствовать требованиям изменяющихся технологий и эволюционирующих боевых задач, все три компонента подлежат модернизации (иногда это называют рекапитализацией), чтобы обеспечить сохранение их сдерживающего потенциала. Это означает, что существующие платформы будут заменены на совершенно новые системы вооружений или полностью реконструированы и оснащены новейшими технологиями. По оценкам Министерства обороны США, на модернизацию ядерных сил в течение следующих 20 лет будет затрачено, в самой верхней точке этих затрат, примерно 3,7% бюджета министерства. Программы рекапитализации уже реализуются и демонстрируют многообещающие результаты.

Предыдущие и проходящие сейчас обновления ракеты «Минитмен-3» позволили расширить варианты наведения их на цель, одновременно с этим повышая их точность и выживаемость. Однако после проведения анализа имеющихся

альтернативных вариантов, руководство ВВС США установило, что стоимость дальнейшего продления срока службы «Минитмен 3» будет такой же, как и стоимость замены их на новые МБР. Кроме того, новые МБР будут лучше соответствовать требованиям в будущем, снижая стоимость поддержания этой системы вооружений на протяжении ее срока службы. Поэтому Министерство обороны объявило о том, что новая программа стратегического сдерживания наземными силами под названием «Sentinel» («Часовой») станет будущим программы МБР.

Программа «Часовой» будет иметь модулярную архитектуру, способную инкорпорировать новые технологии для того, чтобы приспособиться к быстро меняющимся угрозам. Эта особенность программы позволит сэкономить средства и поможет программе функционировать даже в 2070-х гг. Программа «Часовой» не только заменит ракеты «Минитмен 3», но также модернизирует пусковые объекты, усовершенствует систему командования и управления и повысит уровень надежности и безопасности. Программа начнет этот процесс модернизации в 2029 г.

Бомбардировщик В-2 Spirit, базирующийся на американской базе ВВС Уайтмен в штате Миссури, приземляется на базе Фейрфорд Королевских ВВС Великобритании.

СЕРЖАНТ-ТЕХНИК МИГЕЛЬ ЛАРА III / ВВС США

Морской компонент американской ядерной триады также готовится к получению усовершенствованных и новых систем вооружений. Прослужив дольше чем любой другой класс американских ПЛАБР, 14 подлодок класса Огайо будут заменены на как минимум 12 новых ПЛАБР класса Колумбия в ближайшие годы. Этот шаг усовершенствует такие характеристики как навигация, маневренность, система командования и управления и безшумность движения подлодки. Подводные лодки класса Колумбия, скорее всего, будут самыми скрытными на сегодняшний день. У них будет ядерный

реактор, который не будет нуждаться в дозаправке на середине срока службы, что будет снижать операционные расходы и при этом соответствовать всем требованиям для выполнения заданий.

Вместо того, чтобы создавать новые БРПЛ, американские подводные лодки класса Колумбия и британские лодки класса Дредноут будут использовать нынешние БРПЛ «Трайидент-2-Д5». Такое объединение усилий экономит обеим странам сотни миллионов долларов и при этом обеспечивает более высокий уровень взаимодействия между союзниками. Подводные лодки класса Колумбия будут иметь на борту 16 ракет «Трайидент-2-Д5», и предполагается, что они будут на боевом дежурстве до 2080-х гг. Срок службы БРПЛ «Трайидент-2-Д5» завершится в 2040-х гг.

Изображенная художником американская подводная лодка с баллистическими ракетами на борту класса Колумбия, которая придет на смену подводным лодкам класса Огайо. ИЛЛЮСТРАЦИЯ ВМС США

Воздушный компонент ядерной триады производит замену одного из своих самолетов и модернизацию другого. Бомбардировщик В-52, первоначально принятый на вооружение в 1961 г., претерпел ряд усовершенствований, продлевающих срок его службы, и планируется, что он все еще будет на вооружении после 2040 г. Бомбардировщик В-2 сначала пройдет модернизацию в середине 2020-х гг., а затем постепенно будет заменен на самый новый стратегический бомбардировщик В-21 Рейдер, который был впервые продемонстрирован американскими ВВС в декабре 2022 г. В-21 – это малозаметный для противника бомбардировщик следующего поколения с большой дальностью полета, высокой степенью выживаемости и способный нести одновременно как обычные, так и ядерные боезаряды. При планируемом минимуме в 100 самолетов, бомбардировщики В-21 присоединятся к ядерной триаде в качестве заметного (если только

не будут выполнять задания в режиме «стелс»!) и гибкого варианта ядерного сдерживания.

Кроме того, чтобы усилить воздушный компонент триады, КРВБ АГМ-86В, которые впервые были размещены в 1982 г. для противодействия советским угрозам, будут заменены на крылатые ракеты дальнего радиуса действия с характеристиками малозаметности. По сравнению с предыдущим поколением КРВБ, у этих ракет будут повышенные возможности, точность удара, дальность полета и надежность, что увеличит вероятность успешного выполнения заданий и снизит риск для экипажа.

Успех всех частей ядерной триады не будет определяться одной лишь модернизацией систем вооружений. Не менее важна модернизация защищенной системы ядерного командования, управления и коммуникаций (НСЗ). НСЗ является частью механизма, гарантирующего немедленную доступность ядерного оружия для санкционированного применения, но исключающего его применение по ошибке. Система НСЗ выполняет пять исключительно важных функций: обнаружение, предупреждение и характеристика нападения; адаптивное ядерное планирование; конференц-связь для принятия решений; получение приказа президента; обеспечение возможности управления вооруженными силами. Система имеет сенсоры наземного и космического базирования, отслеживающие угрозы в любой точке планеты, и архитектуру коммуникаций, связывающую принимающих в стране решения лиц с ядерными силами при любых условиях.

Чтобы соответствовать новым возможностям, достигнутым в результате модернизации американской ядерной триады, нынешняя система командования и управления НСЗ в настоящее время обновляется до уровня НСЗ Next. Адмирал Ричард поясняет, что НСЗ Next – это не какой-то статичный результат, а постоянно реализуемая с течением времени инициатива осуществления усовершенствований всех аспектов этой сложной сети. Она состоит из более чем 200 индивидуальных платформ, от радиоточек и терминалов, встроенных в почти 60 различных систем, до спутников, посылающих ядерным подводным лодкам зашифрованные стратегические сообщения. В нее входит воздушный командный пункт Е-6В, или самолет Domsday с Национальным воздушным оперативным центром Е-4В на борту (известный под названием «Судный день»), который возьмет на себя управление в случае нейтрализации наземных систем. Адмирал Ричард называет это «очень сложной системой систем».

Модернизация одного ключевого узла системы уже завершена. В 2019 г. СТРАТКОМ США открыл свой пункт командования и управления на базе ВВС Оффут в штате Небраска. Выполняя роль «сердца» ядерного командования страны, этот пункт был первым шагом в модернизации всего ядерного

комплекса и будет поддерживать модернизацию всех остальных стратегических объектов, включая ядерную триаду и НСЗ. Эта система вооружений стоимостью 1,4 млрд. долл., расположенная на площади 85 тыс. 100 м² с обслуживающим персоналом свыше 3 тыс. человек и имеющая почти 1 тыс. 50 км кабелей информационных систем – что больше чем расстояние от Лондона до Праги – поддерживает долгосрочную способность и надежность стратегических сил сдерживания нашего государства. Это «живая и дышащая» система вооружений, способная меняться и совершенствоваться по мере эволюции угроз и возможностей и позволяющая США приспосабливаться и оставаться гибкой сейчас и в обозримом будущем.

Хотя многие детали обновленной системы НСЗ Next засекречены, эта модернизация так же важна, как и модернизация любого из трех компонентов триады. Помимо того, что этой системе уже много лет (некоторые платформы первоначальной системы НСЗ были разработаны в 1980-х гг. до появления интернета), Китай и Россия создали возможности, которые потенциально могут представлять угрозу для нынешней американской системы НСЗ.

Учитывая высокий уровень оборонных затрат Китая и России на модернизацию собственных конвенциональных и ядерных сил, инвестиции в модернизацию наших систем стратегических вооружений преследуют цель сохранения равновесия с этими двумя державами. Ядерное оружие становится все более важным аспектом военной стратегии Китая и фундаментальным аспектом стратегии России. По мнению адмирала Ричарда, Китай сейчас находится на середине «ядерного прорыва», предполагающего увеличить вдвое (если не втрое) количество ядерных боеголовок к 2030 г., одновременно с этим проводя коренные усовершенствования возможностей и потенциала своей системы противоракетной обороны. Министерство обороны России заявляет, что за последние годы было модернизировано 90% ядерных стратегических сил страны.

У России и Китая имеются собственные ядерные триады, однако адмирал Ричард предостерегает от простого сравнения размеров ядерных запасов. «Ядерные запасы государства являются довольно грубым способом измерения его общих возможностей. Мы должны учитывать систему доставки, точность нанесения удара, дальность, степень готовности, подготовку, концепцию действий и многие другие факторы, чтобы полностью понять, на что способно государство. Да ... у нас сейчас больше ядерного оружия, чем у Китая. Однако две трети того, что мы имеем, для меня, с оперативной точки зрения, недоступно из-за ограничений, налагаемых договором. И мне нужно сдерживать одновременно Россию и других, включая таких изгоев, как

Северная Корея, теми средствами, которые у меня есть». По этой причине любое сравнение с биполярным периодом холодной войны, когда у США был ядерный паритет только с одним соперником, будет неуместным. Сегодняшняя стратегическая обстановка характеризуется двумя ядерными соперниками США, стремящимися изменить мировой порядок, и одним государством, США (вместе с нашими союзниками), стремящимся защитить этот мировой порядок. По мнению адмирала Ричарда, у Китая и России имеются возможности в одностороннем порядке осуществлять эскалацию конфликта до любого уровня враждебных действий, в любой среде, в любом географическом районе и в любое время.

Изображенный художником бомбардировщик B-21 Рейдер в ангаре на базе ВВС Эллсворт в американском штате Южная Дакота, которая, как предполагается, станет одной из баз, где будут размещены новые бомбардировщики с технологией «стелс». NORTHROP GRUMMAN

Учитывая, что у нас нет возможности сдерживать какую-то одну ядерную угрозу или рассматривать каждого из двух соперников в отдельности, необходимо рассматривать сдерживание как нечто большее, чем модернизацию систем триады и НСЗ. Более того, конкурирующие страны продолжают развивать повышенные возможности, выходящие за пределы традиционных сфер и границ. Более передовой и расширенный взгляд на сдерживание охватывает все сферы, включая интегрированную противоракетную оборону (IMD), космос и киберпространство, а также понимание того, насколько партнерские отношения с союзниками или с интеллектуальными и промышленными ресурсами в США необходимы для поддержания этих возможностей в будущем. Такой интегрированный подход к сдерживанию обеспечивает внутреннюю гибкость, необходимую для планирования и реализации адаптированных стратегий для всех противников.

ФУНДАМЕНТАЛЬНО МЕНЯЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СДЕРЖИВАНИИ, МЫ СМОЖЕМ ЛУЧШЕ ПОНЯТЬ, КАКИМ ОБРАЗОМ ОНО ВСЕ ЕЩЕ ПРИМЕНИМО В СЕГОДНЯШНЕЙ ОБСТАНОВКЕ, И КАК ОНО ПОМОЖЕТ ПРИ ВЫРАБОТКЕ СТРАТЕГИЙ, КОГДА НАСТУПИТ ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ ПЛАНОВ ОБЩЕЙ И ВСЕСТОРОННЕЙ ОБОРОНЫ.

Интегрирование противоракетной обороны во все аспекты триады, NC3 Next и национальной ядерной политики расширяет возможности и выбор вариантов и, мы надеемся, не допустит перерастание любого конфликта в ядерный. IMD – это чрезвычайно важная непрерывная миссия как в мирное время, так и в условиях кризисной ситуации или конфликта, помогающая защитить территорию, население и военные силы от нападений с воздуха и ракетных ударов. В настоящее время на территории США расположены три системы противоракетной обороны на уровне театра военных действий для перехвата выпущенных по США баллистических ракет малой, средней и промежуточной дальности. Это наземные системы Patriot Advanced Capability (PAC-3) и Terminal High Altitude Area Defense (THAAD), а также системы морского базирования Aegis, хотя система Aegis Ashore может быть также и наземного базирования. Все три системы сбивают ракету на ее заключительном этапе полета – после того, как боеголовка опять войдет в атмосферу – используя различные радарные и спутниковые системы для обнаружения, классификации и отслеживания угрозы.

Когда правильно выбранная система IMD размещена в правильно выбранном месте, то раскрывается целый спектр возможностей, при этом лишая потенциального противника выгод от использования ракетного нападения для достижения своих целей. Для этого противоракетная оборона создает более надежное сдерживание, сокращая у противника количество возможных вариантов действий. Кроме того, прочная и надежная программа противоракетной обороны (ПРО) США оборачивается большими затратами для соперников, заставляя их тратить больше ресурсов на собственные ракетные арсеналы.

Китай и Россия уже работают над передовыми платформами, такими как российская система двойного назначения «Циркон» и китайские гиперзвуковые планирующие аппараты, что бросает вызов нашей нынешней радарной архитектуре наземного базирования. Для того, чтобы предотвратить возможность возрастающего дисбаланса в отношениях со своими основными соперниками прежде,

чем наши мощности подвергнутся сокращению, США необходима система предупреждения, соответствующая XXI столетию. Уже имеются исследовательско-конструкторские разработки по проектам «Перехватчик следующего поколения», гиперзвуковые планирующие перехватчики, высокоэнергетичные лазерные установки и другие технологии направленной энергии для того, чтобы усилить уже существующие системы ПРО уровня театра военных действий и противостоять будущим ракетным угрозам.

Для достижения стратегического интегрированного сдерживания, к системам предупреждения о подлете модернизированных ракет всех видов необходимо добавить глобальное планирование. Системы наших противников не предполагают соблюдение географических или оперативных границ. В дополнение к системе предупреждения, отслеживания и нейтрализации, соответствующей XXI столетию, США также будет необходим альтернативный сценарий действий в тех случаях, когда элемент предупреждения будет отсутствовать. Возможность командовать и управлять силами ракетной обороны лежит в основе их полезности для механизма сдерживания. NC3 Next и система Совместного командования и контроля для всех сфер (JADC2) являются ключевыми составляющими при интеграции противоракетной обороны и делают ее более эффективной при выполнении функции сдерживания. JADC2 обеспечит средства для более быстрой передачи информации всем компонентам Объединенных сил, гарантируя наличие наилучших сенсоров и систем запуска для противодействия угрозам ядерным и обычным силам. Интеграция командования и управления с системами противоракетной обороны может помочь США сдерживать применение противниками оружия, такого как ядерные заряды малой мощности, без необходимости соответствовать каждой системе противника своей аналогичной системой.

Триада, система командования и управления, а также IMD связаны вместе в качестве ключевых элементов сдерживания. В современной обстановке, когда одна среда переплетается с другой, процесс интеграции охватывает космос, киберпространство

и «серые зоны» (конкурентное взаимодействие государств и негосударственных субъектов, попадающее в особую категорию между традиционными понятиями войны и мира). В нашем сложном мире американские военные не в состоянии справиться с этой задачей в одиночку и должны будут объединиться с академическим и промышленным сообществом для ответов на вызовы в сфере сдерживания, с которыми мы сталкиваемся сегодня, и с которыми будем сталкиваться завтра. И хотя сегодняшние ядерные угрозы отличаются от угроз в прошлом, выгоды от инвестирования в интеллектуальные возможности все еще имеют большой смысл. Американский «мозговой трест» Корпорация «Рэнд» был создан исключительно для изучения проблем холодной войны с двумя основными участниками и для анализа деталей теории сдерживания. Некоторые великие умы той эпохи, такие как Томас Шеллинг и Герман Кан, смогли выйти за пределы традиционных знаний и представлений о функциях военных и правительства в том, что касается применения ядерного оружия, и создать первоначальные теории сдерживания, которые после этого служили миру еще многие десятилетия.

СТРАТКОМ США переосмысливает теорию оперативного сдерживания, чтобы включить в нее комплексную интегрированную философию сдерживания. Фундаментально меняя представление о сдерживании, мы сможем лучше понять, каким образом оно все еще применимо в сегодняшней обстановке, и как оно поможет при выработке стратегий, когда наступит этап реализации планов общей и всесторонней обороны. Интегрированная философия сдерживания своим основным приоритетом делает вовлечение союзников и партнеров США во все аспекты коллективного сдерживания.

Взаимодействие союзников и партнеров сохраняет свободу действий, расширяет знания и круг имеющихся вариантов и делает возможным создание эффективной совместной обороны. Стремление укрепить важные стратегические отношения с партнерами являются частью военных учений, таких как «Nimble Titan» («Энергичный титан»). Более 20 стран и три международных организации принимают участие в этих учениях, которые сосредоточены на многонациональной интеграции, нацеленной на повышение уровня взаимодействия и совместимости оборонных концепций. Такое сотрудничество укрепляет уверенность у США и их союзников в том, что включение этих интегрированных систем сдерживания поможет им противостоять стратегическому нападению противника. Прочная интегрированная программа ядерного сдерживания вместе с союзниками также отвечает целям США в области нераспространения ядерного оружия, поскольку она снижает у союзников желание иметь собственное ядерное оружие.

Многосторонние учения также помогают удерживать Россию, Китай и других от мысли, что они могут получить выгоды от использования ядерного оружия или угрозы его применения против США, их союзников и партнеров. В этом случае, даже при масштабах и интенсивности перемен в стратегической обстановке, интегрированное сдерживание поможет сохранить на планете стабильность и мир. При каждой модернизации и усовершенствовании систем, входящих в состав интегрированного сдерживания США и их союзников, нынешние и потенциальные «ядерные конкуренты» должны все больше рассматривать эти инвестиции как слишком серьезную проблему и вместо этого сделать выбор в пользу присоединения к США в деле снижения перспектив ядерного конфликта или просчета.

Успешный испытательный запуск перехватчика THAAD.

АГЕНТСТВО ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ США

По мере того, как угрозы со стороны противников продолжают нарастать, важность сдерживания сохраняется. Однако подход США и их союзников к ядерному сдерживанию поменялся. Теперь он адаптируется и эволюционирует в зависимости от динамики конкретной обстановки. Сегодня стратегическое сдерживание требует интеграции возможностей всех сфер, всей военной машины США и за ее пределами. Выход за пределы ядерной триады, модернизация систем NC3 и инвестиции в развитие других возможностей, таких как IMD, будут расширять круг вариантов действий и потенциал сдерживания.

Сдерживание сохраняет мир с момента создания ядерного оружия, оно выдержало испытание временем. Оно продолжает лежать в основе всех военных операций и дипломатических усилий США по всему миру. Опорой и основой национальной безопасности США в обозримом будущем будет именно механизм интегрированного сдерживания. □

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА СДЕРЖИВАНИЯ

Война XXI века требует системы сдерживания XXI века

Полковник Джеффри В. Пиклер, Сухопутные войска США

Австралия закупит американские атомные ударные подводные лодки, чтобы оказать помощь в противодействии агрессии Китая в Индо-тихоокеанском регионе.

ФОТОГРАФИЯ, СДЕЛАННАЯ ВМС США, ПРЕДОСТАВЛЕНА АГЕНТСТВУ АССОЦИИЙТЕД ПРЕСС

Введение

После Второй мировой войны Соединенные Штаты и Советский Союз начали соперничать за власть и влияние во всем мире. Пока Советский Союз укреплял контроль над оккупированной им территорией, а США оказывали поддержку экономическим и политическим реформам в Западной Европе, возник другой тип войны. Если раньше в войнах участвовали сотни дивизий, которые вели бои на полях сражений протяженностью в тысячи километров, то сейчас мир поддерживается наличием не только крупных военных формирований, но и ядерного оружия. Риск обострения конфликта, превосходящего по масштабам и размаху все ранее происходившие события, привел к холодной войне, при которой обе страны соперничали между собой ниже грани традиционного конфликта. Чтобы не допустить

перерастания холодной войны в «горячую», США стали проводить политику сдерживания.

Министерство обороны США определяет сдерживание как «предотвращение действий в силу существования достоверной угрозы неприемлемого противодействия и/или убежденности в том, что затраты на осуществление действий перевешивают предполагаемые выгоды». Эффективное сдерживание требует наличия потенциала, воли и способности к коммуникации для противостояния действиям противника путем угрозы недопущения или наказания. Обычные и ядерные средства сдерживания станут центральным компонентом безопасности США в течение последующих 50 лет, так как на пути к достижению своих стратегических целей США стремятся к предотвращению полномасштабной войны.

Большинство аналитиков сходятся во мнении, что благодаря сдерживанию удалось предотвратить глобальную войну между сверхдержавами. Тем не менее, сдерживание не привело к прекращению стратегического соперничества между США и Советским Союзом; оно просто отодвинуло его в такие области, которые ограничивали риск применения «неприемлемых ответных мер». Хотя обе сверхдержавы использовали тактику нерегулярных боевых действий для достижения стратегических целей, существующие технологические ограничения, в итоге, свели к минимуму эффективность и воздействие этой тактики.

В настоящее время ситуация изменилась. Темпы технологических изменений, взаимозависимая глобальная сеть и всеобъемлющая информационная среда предоставляют государствам возможность достижения стратегических целей за пределами обычных военных действий. Начиная с Балтики и заканчивая Кавказом, Россия неоднократно демонстрировала, что с помощью нетрадиционных действий можно достичь стратегических целей, не опасаясь при этом неприемлемых ответных мер. Россия отразила происходящие в глобальной среде изменения в стратегии, в которой затраты, распределение ответственности и риск эскалации сведены к минимуму. Поэтому политика сдерживания, сосредоточенная исключительно на обычных и ядерных силах, более не является достаточной для ограничения российской агрессии.

В своих размышлениях о принципах сдерживания в XXI веке, бывший заместитель генерального секретаря НАТО Александр Вершбоу отметил, что сдерживание «требует эффективных, устойчивых возможностей и декларативной позиции, которые не оставляют у противника сомнений в том, что в результате агрессии его потери превысят выгоды, будь то короткое предупредительное обычное нападение, применение ядерного оружия первым для деэскалации обычного конфликта, кибератака на критическую инфраструктуру или гибридная кампания по дестабилизации общественного

устройства союзников». Нынешняя позиция США по сдерживанию не учитывает операционную среду XXI века. Для обеспечения жизнеспособности сдерживания необходимо расширить сферу его применения для борьбы с обычными и нетрадиционными нападениями.

Эволюция принципов сдерживания

Знаменитый американский ядерный стратег Бернард Броуди писал: «До настоящего времени главной целью нашего военного учреждения была победа в войнах. Отныне его главной целью должно быть

их предотвращение».

После Второй мировой войны вооруженные силы США начали массовую демобилизацию. Страна хотела получить дивиденды за мир после того, как во время Второй мировой войны военные расходы составили почти 4 трлн. долл. США, что составило 36% валового внутреннего продукта США, согласно данным Исследовательской службы Конгресса США. США восполнили сокращение вооруженных сил за счет монополии на ядерное оружие и таких альянсов, как НАТО, основной причиной создания которого является «сдерживание советского экспансионизма». Эти изменения в стратегической ситуации побудили США принять политику сдерживания, основанную на небольшой численности обычных вооруженных сил, сильной системе альянсов и растущем арсенале ядерного оружия.

По мнению теоретика сдерживания Томаса Шеллинга, сдерживание – это не война, а «искусство принуждения и запугивания». Теория сдерживания признает два основных подхода. Сдерживание путем недопущения основано на способности сдерживать действия, гарантируя их невыполнимость или маловероятность успеха. Сдерживание путем наказания предполагает суровые санкции, как смертоносные, так и экономические или информационные, в случае нападения. В обоих случаях основополагающими являются четко определенные национальные интересы,

Президент США Дуайт Эйзенхауэр (справа) с государственным секретарем Джоном Фостером Даллесом, который отстаивал стратегию «сдерживания путем наказания», предполагавшую угрозу массированного ядерного возмездия. АССОЦИЙТЕД ПРЕСС

Сдерживание путем недопущения основано на способности сдерживать действия, гарантируя их невыполнимость или маловероятность успеха.
Сдерживание путем наказания предполагает суровые санкции, как смертоносные, так и экономические или информационные, в случае нападения.

Государственный секретарь США Джеймс А. Бейкер III (третий слева) сидит напротив министра иностранных дел СССР Эдуарда А. Шеварднадзе во время переговоров по контролю над вооружениями в Москве в феврале 1990 г. АССОЦИИЭЙТЕД ПРЕСС

или «красные линии», которые обычно указываются в документах по национальной безопасности и доводятся до сведения руководства. Шеллинг утверждал, что эффективная политика сдерживания должна сочетать в себе способность и готовность побеждать на всех уровнях эскалации с потенциальным противником, сохраняя при этом открытые каналы коммуникации для передачи четких и прямых сообщений с целью предотвращения непреднамеренной эскалации.

Оценивая стратегическую обстановку после корейского конфликта, администрация президента США Дуайта Эйзенхауэра решила кодифицировать стратегию сдерживания США, учитывая превосходство Советского Союза в обычных силах и растущий ядерный арсенал США. Эта новая стратегия, впервые озвученная госсекретарем США Джоном Фостером Даллесом в 1954 г., несла в себе угрозу «прямого, безудержного и широко-масштабного ядерного ответа в случае коммунистической агрессии, направленной, возможно, на центральные объекты экономической жизни противника». Эта точка зрения была сформулирована в документе о политике национальной безопасности 162/2. В нем говорилось о необходимости поддержания «сильной военной позиции с упором на способность нанести массивный ответный ущерб путем наступательной ударной мощи». Эта стратегия «массивного возмездия» была основана на «сдерживании путем наказания», позволяя США свести на нет обычное численное преимущество Советского Союза путем наращивания потенциала и четкого выражения воли для нанесения неприемлемого ущерба, в случае если Советский Союз или любой другой потенциальный агрессор предпримет какие-либо действия, угрожающие национальным интересам США.

По мере достижения Советским Союзом ядерного паритета с США и дальнейшего развития арсеналов и возможностей обеих держав, США были вынуждены

пересмотреть эффективность своей политики сдерживания. Массивное возмездие было заменено на «взаимно гарантированное уничтожение» (ВГУ), но критики назвали ВГУ геополитическим пактом самоубийства, поскольку он ограничивал способность национального руководства контролировать эскалацию всех возникающих кризисов. Начальник штаба сухопутных войск США в отставке Максвелл Тейлор подверг резкой критике ориентацию США на ядерное сдерживание для предупреждения и реагирования на ограниченные формы войны. Стратегическая обстановка вновь изменилась, и США пришлось изменить свою военную стратегию для более эффективного сдерживания. После того, как Джон Ф. Кеннеди был избран президентом в 1960 г., он разработал стратегию «гибкого реагирования», которая предусматривала ряд военных и невоенных вариантов реагирования на провокации. Позднее стратегия «гибкого реагирования» была преобразована в «гибкие варианты сдерживания», которые остаются компонентом современной военной доктрины. В совместной публикации 5-0 она определяется как «заранее спланированные, ориентированные на сдерживание действия, предназначенные для предупреждения и влияния на действия противника». Целью гибких вариантов сдерживания является использование всех элементов национальной мощи для деэскалации возникающего кризиса и избежания начала полномасштабных боевых действий. В обеих концепциях «гибкого реагирования» и «гибкого сдерживания» признается, что стратегии сдерживания должны предусматривать нечто большее, чем угрозу ядерного уничтожения. Однако ни одна из них должным образом не учитывает нетрадиционные угрозы.

Стратегия сдерживания в холодной войне была эффективной, потому что США удалось предотвратить крупномасштабный конфликт между ведущими державами и удержать соперничество ниже порога войны. В

Российские солдаты вторглись в Грузию в 2008 г. Шесть лет спустя Россия вторглась в Украину. AFP/GETTY IMAGES

статье для издания «War on the Rocks» Майкл Кофман пишет: «Эффективное ядерное и обычное сдерживание уже давно привело к тому, что Гленн Снайдер назвал парадоксом стабильности-нестабильности. Это означает, что чем стабильнее ядерный баланс, тем больше вероятность того, что державы будут вступать в конфликты ниже порога войны». Так было во время холодной войны и остаётся актуальным сегодня. В отчете Государственного департамента США от 1981 г. говорится о действиях, предпринятых Советским Союзом во время холодной войны, в частности: «контроль над прессой в зарубежных странах; открытую и частичную подделку документов; использование слухов, надуманных, измененных фактов и лжи; использование международных и местных подставных организаций; тайную работу радиостанций; использование научных, политических, экономических деятелей страны и представителей СМИ в качестве коллаборационистов для оказания влияния на политику страны». Однако эти усилия не принесли существенного стратегического эффекта из-за ограничений технологии и геополитической обстановки того времени. В настоящее время стратегическая ситуация вновь изменилась, и подобные действия оказывают все более значительное влияние на национальную безопасность США. Вмешательство России в президентские выборы в США в 2016 г. и утечка данных компании «Solar Winds» в 2020 г. свидетельствуют о том, что наши противники могут достигать стратегических целей в нетрадиционной среде. Поэтому настало время пересмотреть стратегии укрепления сдерживания и обеспечить их актуальность в XXI веке.

Сдерживание в нынешней стратегической ситуации

В стратегии национальной обороны США 2018 г. говорится, что «неизменной миссией Министерства обороны является обеспечение боеспособных вооруженных сил,

необходимых для сдерживания войны и защиты безопасности нашей нации». Это означает, что прежняя стратегия времен холодной войны позволит сдерживать современные угрозы. Однако, как отмечает Марк Галеотти в своей недавней книге «Милитаризация всех средств»:

«Современный мир стал более сложным и, прежде всего, более неразрывно взаимосвязанным, чем когда-либо прежде. Раньше считалось догмой, что взаимосвязь останавливает войны. В какой-то мере так оно и было – однако факторы воздействия, которые приводили к войнам, никуда не делись, а вместо этого взаимосвязь превратилась в новое поле боя. Войны без военных действий, невоенные конфликты, ведущиеся с использованием всех других средств, начиная от подрывной деятельности и заканчивая санкциями, от мемов до убийств, могут стать новой нормой».

Эта взаимосвязь изменила стратегическую ситуацию, поставив под угрозу существующую стратегию сдерживания. Эндрю Ф. Крепиневич-младший в статье, опубликованной в 2019 г. в журнале «Foreign Affairs», пишет: «В совокупности, эти события приводят к неизбежному – и тревожному – заключению: самый большой стратегический вызов нынешней эпохи – это не возобновление соперничества великих держав и не распространение передового оружия, а ослабление способности к сдерживанию».

Кофман описал российский подход к войне, отметив: «Если война не является приемлемым вариантом, а прямая конкуренция бесполезна в свете преимуществ США, то рейдерские операции являются жизнеспособной альтернативой, которые со временем могут принести успех. Поэтому Россия стала играть роль партизана в международной системе. Она не стремится к территориальному господству, а совершает набеги для достижения своих политических целей». Россия потратила годы на совершенствование «рейдерства». Это резко отличается от того, как США подходят к вопросам ведения войны. Россия эффективно координирует общегосударственный подход к войне и работает над интеграцией всех элементов национальной власти для достижения своих стратегических целей. Ее успешные нетрадиционные операции охватывают «все конкурентное пространство», в том числе диверсионные, экономические, информационные и дипломатические средства, а также использование вооруженных сил», – писал Мейсон Кларк в своей работе для Института изучения войны в 2008 г. Вооруженные силы России также продолжают играть важную роль, приспособив свою основную доктрину для подготовки и оснащения к такого рода операциям. Начальник Генерального штаба России Валерий Герасимов в 2016 г. отметил, что изменились и сами «правила войны». Возросла роль невоенных средств в достижении политических и стратегических целей, и по своей эффективности они зачастую превосходят силу

оружия». В статье для Института современной войны в Вест-Пойнте, Шандор Фабиан и Янис Берзиньш рассказывают, как это проявляется в тактике России, которая в ряде случаев придает второстепенное значение смертоносным операциям по сравнению с несмертоносными.

Подход США к сдерживанию остается в основном таким же, как и во время холодной войны. Акцент делается на модели обычного и ядерного сдерживания, основанной на передовых системах вооружений и развитии потенциала для сдерживания и, в случае необходимости, поражения равного противника на поле боя. Текущие усилия армии США по модернизации, как описано в «Стратегии модернизации армии на 2019 г.: инвестиции в будущее», на первое место ставят смертоносность на поле боя. При этом миллиарды долларов направляются на дальние высокоточные выстрелы, боевые машины следующего поколения, будущие вертикальные подъемные платформы, модернизацию армейских сетевых технологий, систем противовоздушной и противоракетной обороны и повышение возможностей отдельных видов оружия. Центры боевой подготовки сухопутных войск США продолжают обучать маневренные бригады противостоять равной угрозе на поле боя, оценивая способность каждого ротированного подразделения к приближению и уничтожению «вражеской силы» с помощью огня и маневра. Учения бойцов сухопутных войск на уровне дивизий, корпусов и театра военных действий в основном сосредоточены на способности каждого штаба уничтожить равную угрозу на спорной территории посредством массированного и точного огня. Эти усилия способствуют обычному сдерживанию, но, как показали последние 15 лет, они не в состоянии предотвратить кибератаки, использование марионеток, кампании дезинформации и другие формы нетрадиционных операций, которые доминируют в современной стратегической среде. Напротив, нынешние инициативы по обучению и закупкам только подкрепляют усилия России в борьбе с нами в тех областях, в которые мы не инвестируем наш оборонный бюджет и где мы не проводим обучение. Как отметил бывший директор ЦРУ Леон Панетта, «следующим Перл-Харбором, с которым мы столкнемся, вполне может стать кибератака, которая выведет из строя электросети Америки, ее системы безопасности и финансовые системы». Это мнение разделяют многие другие бывшие и нынешние руководители страны, что свидетельствует об их обеспокоенности тем, что наша нынешняя модель сдерживания не в состоянии адекватно противостоять этим новым угрозам.

Хотя обычные и современные ядерные силы продолжают служить основой нашей модели сдерживания, этого недостаточно. Современное сдерживание требует как военных, так и невоенных возможностей для противодействия тактике противника. Создание стратегии, которая сдерживает потенциальных противников посредством наказания и недопущения, будет иметь решающее значение для сдерживания в XXI веке. В условиях все более размытых границ между миром и войной мы должны

быть способны четко сформулировать недопустимую цену для нетрадиционных угроз, направленных на дестабилизацию нашего общества или угрозу критически важной инфраструктуре, как и в случае обычного нападения или ядерной угрозы. Вершбоу утверждает, что сдерживание останется надежным только в том случае, если США будут иметь возможность и желание четко заявить о своей готовности наказать или пресечь действия противника. Стратегическая среда вновь изменилась, и вместе с ней должна измениться и наша стратегия сдерживания, чтобы сохранить свою актуальность. Некоторые страны, например, новый член НАТО Финляндия, обновили свои стратегии по укреплению сдерживания в связи изменениями в оперативной обстановке.

Стратегия сдерживания в Финляндии

Финляндия, добившаяся независимости от России в 1918 г., является наглядным примером успешного сдерживания. 1 тыс. 340-километровая граница между Финляндией и Россией остается неизменной, при том что Финляндия все это время сохраняла нейтральный статус. Многие аналитики считают, что Финляндия сохранила свою независимость и территориальную целостность, несмотря на географическое положение и более слабые по сравнению с Россией экономические и военные позиции, благодаря стратегии «тотальной обороны». Эта стратегия помогает сдерживать обычные провокационные действия и нетрадиционные тактические приемы России, такие как вмешательство в выборы, дезинформация и кибератаки.

Тотальная оборона Финляндии – это «сочетание сдерживания, устойчивости, оборонительных и наступательных действий для ограничения гибридной деятельности противника в любых ситуациях», – пишут генерал-майор Сил обороны Финляндии Юха Пюйкёнен и эксперт по безопасности Финляндии доктор Стефан Форсс в исследовании для Военного колледжа Сухопутных сил США. Стратегия представляет собой комплексные усилия, направленные на обучение граждан и лидеров, интеграцию государственных органов с организациями гражданского общества и бизнесом, а также развитие необходимых обычных и нетрадиционных возможностей для защиты национальной безопасности. Эти усилия помогают обеспечить понимание угроз всеми элементами общества и правительства и совместную работу по их смягчению. Финляндия обладает мощным традиционным потенциалом и регулярно проводит крупномасштабные военные учения с участием сил НАТО и стран, не входящих в НАТО. Высокая боеготовность поддерживается с помощью специализированных «подразделений боевой готовности», которые, согласно статье Майкла Пека в «The National Interest», возглавляются профессиональными военными и предназначены для «быстрого реагирования на угрозу, возможно, в течение нескольких часов [и] развёртывания на территории страны [с] достаточной независимой огневой мощью и выносливостью, чтобы сразиться даже

с хорошо вооружённым противником». Такая структура сил гарантирует, что любая вторгшаяся армия может добиться первых успехов, но столкнется с грозной и серьезной обороной, способной нанести неприемлемый ущерб. Эти усилия, инвестиции и учения наглядно иллюстрируют, почему Финляндия имеет самые высокие в Европе военные расходы на душу населения.

Инициативы Финляндии по сдерживанию нетрадиционных угроз направлены на применение подхода, охватывающего все общество путем координации усилий государственных и частных структур, информирования лидеров и общества об угрозах, объединения усилий для более эффективного сдерживания этих угроз и разработки учений для демонстрации возможностей во всех областях. В борьбе с российской дезинформацией Финляндия учредила Комитет по безопасности Министерства обороны, который объединяет государственные учреждения и неправительственные организации, чтобы обойти типичные бюрократические проблемы, быстро обмениваться информацией, координировать ответные действия и информировать население Финляндии об известных попытках дезинформации. В школах Финляндии детей учат распознавать дезинформацию практически сразу же после того, как они научатся читать. Усилия по повышению медийной и технологической грамотности помогают всему финскому обществу отличать факты от вымысла, укрепляя тем самым легитимность правительства. В Финляндии также разработан курс по национальной обороне для обучения участников угрозам, политике безопасности и обороны, а также их роли в области национальной безопасности. Финляндия, осознающая угрозу кибератак, является лидером в области киберзащиты и служит штаб-квартирой Европейского центра передового опыта по противодействию гибридным угрозам (Гибридный ЦПО). В состав Гибридного ЦПО входит 31 страна-партнер из Европейского союза и НАТО. Деятельность центра направлена на борьбу с гибридными угрозами, исходящими от России и негосударственных субъектов. Эти усилия свидетельствуют о том, что Финляндия хорошо понимает, как обеспечить эффективное сдерживание нетрадиционных угроз.

Многие из этих инициатив могут быть использованы Европейским командованием США (ЕВКОМ) для разработки более комплексной, координированной и интегрированной модели сдерживания, которая четко демонстрирует способность и желание сдерживать все формы российской агрессии.

Повышение способности Европейского командования в содействии сдерживанию

В прошлом США приняли ряд стратегий для усиления средств сдерживания в меняющихся стратегических условиях. Современная стратегическая среда вновь требует изменений для содействия сдерживанию. Эффективность обычных и ядерных средств сдерживания является основой системы сдерживания, но именно

эта эффективность и привела к конфликтам в тех областях, где средства сдерживания не существовали. Нетрадиционные действия наших противников теперь угрожают национальной безопасности, и с ними необходимо бороться. Новая стратегия национальной обороны США, опубликованная в октябре 2022 г., отмечает эту проблему и пытается смягчить ее с помощью концепции «интегрированного сдерживания». Заместитель министра обороны США по вопросам политики Колин Кал поясняет: «... что касается интегрированности ... мы имеем в виду интегрированность во всех областях, в том числе в обычных, ядерных, кибернетических, космических, информационных [и] интегрированных во всех местах действия конкуренции и потенциальных конфликтов [и] по всему спектру конфликтов – от высокой интенсивности до серой зоны». Как пишет официальный представитель Министерства национальной обороны Литвы Витаутас Кершанкас в документе для Гибридного ЦПО, «сдерживание в XXI веке будет эффективным, только если у правительств будет конкретная стратегия для каждого субъекта, которого они хотят сдержать». Поскольку мы стремимся к более эффективной интеграции всех аспектов национальной мощи в сдерживание, крайне важно, чтобы наша политика основывалась на стратегических целях, интересах, обоснованиях и уязвимостях противника. В оперативной среде ЕВКОМ интегрированное сдерживание должно предусматривать возможность участия других государственных структур и лидеров бизнеса в планировании, операциях и учениях ЕВКОМ, а также развитие возможностей информационной войны, которые обеспечивают организацию, обучение и подготовку нашего личного состава для защиты от российской дезинформации и киберактивности. Эти рекомендации могут быть реализованы быстро и в рамках существующей организационной структуры ЕВКОМ, но самое главное – они способствуют нетрадиционному сдерживанию путем устранения конкретных уязвимостей в оперативной среде, в которой Россия по-прежнему, практически безнаказанно, совершает нападения.

В настоящее время ЕВКОМ разрабатывает и отрабатывает свои оперативные планы в рамках стратегических «круглых столов», в центре внимания которых находится Россия. Эти «круглые столы» проводятся под председательством командующего войсками. В октябре 2021 г. генерал ВВС США Тод Д. Волтерс, занимавший в то время пост командующего ЕВКОМ, заявил, что «круглые столы» «играют важную роль в согласовании стратегических и оперативных действий высшего военного руководства нашей страны по ключевым вопросам, связанным с глобальной кампанией и конкуренцией». Стратегические «круглые столы», в которых участвуют только высокопоставленные военные и должностные лица Министерства обороны, не включают ключевых представителей промышленности и других правительственных и неправительственных организаций, работающих в Европе. Привлечение этих дополнительных

участников обеспечило бы более полное понимание угрозы, уникальные перспективы и опыт, которые в противном случае не были бы учтены при проведении встречи только для военных. По примеру Комитета безопасности Министерства обороны Финляндии и ее Национального университета обороны, эта рекомендация поможет разработать более тщательную оценку уязвимости, ознакомить участников с нетрадиционной тактикой России и разработать подход в масштабах всего общества для лучшего понимания проблем и развития возможностей более эффективного сдерживания. Сложность данной рекомендации заключается в том, что в настоящее время уровень секретности Стратегического «круглого стола» по России составляет «Совершенно секретно». Привлечение участников, не имеющих допуска к секретности, может привести к обобщению дискуссии до уровня, который не принесет пользы ни одному из участников. Для урегулирования этой проблемы необходимо приложить усилия для рассекречивания как можно большего количества информации, а также предоставить возможности для получения допусков тем, кто не является сотрудником Министерства обороны, чтобы подобные дискуссии оставались полезными для всех участников.

Информационное пространство представляет собой еще одну проблему для нетрадиционного сдерживания. В 2021 г. счетная палата США отметила, что «министерство обороны добилось незначительного прогресса в реализации своей стратегии по информационным операциям и столкнулось с трудностями при проведении информационных операций». Генерал-лейтенант морской пехоты США Деннис Кралл, директор объединенного штаба по командованию, управлению, связи и компьютерам / киберсистемам и главный директор по вопросам информации, в феврале 2022 г. заявил: «Боевые командиры слишком часто думают об информационных операциях как о чем-то второстепенном. Мы очень хорошо разбираемся в кинетических операциях. В культурном плане некоторые способы проведения информационных операций вызывают у нас недоверие. Отношение к информационным операциям выглядит так: «Посыпьте на это немного ИО». Информационные операции необходимо использовать – как это делают командиры в кинетических операциях – для создания условий на поле боя». Исследовательская служба Конгресса недавно описала информационную войну как «стратегию использования и управления информацией для достижения конкурентного преимущества, включая как наступательные, так и оборонительные операции». ЕВКОМ должен создать ячейку информационной войны, в которой будут работать гражданские и военные эксперты, чтобы более эффективно интегрировать информационную войну во все свои операции. Эта ячейка также будет обучать и тренировать наш личный состав и других руководителей, чтобы они лучше понимали угрозу и свою роль в информационном пространстве, включая то, как сочетать наступательную

и оборонительную информационную войну. В настоящее время эти служащие распределены по всему штабу в зависимости от своей специализации, размещены в помещениях с секретной информацией, в подвальных помещениях или в специальных отделах штаба. Россия уже продемонстрировала эффективность интеграции всех элементов информационной войны, и ЕВКОМ должен поступить так же. Такие инициативы, как недавнее развертывание американского «киберотряда» в Литве для защиты от российской агрессии, являются важным шагом в правильном направлении, но все же демонстрируют нынешнюю разрозненность киберопераций. Опыт в области информационной войны не может существовать в избранных офисах, скрытых за ограничением секретности или в рамках отдельных операций; все лидеры должны получить опыт, подвергнуться воздействию и воспользоваться возможностями, чтобы лучше понять особенности информационной войны и то, как их лучше всего использовать во всех операциях. Ячейка информационной войны ЕВКОМ поможет обучить весь личный состав, государственные учреждения и руководителей частного бизнеса методам информационной войны.

Эта рекомендация также позволит повысить уровень медийной и технологической грамотности в рядах ЕВКОМ и во всей оперативной среде, что окажет немедленное воздействие на усилия по дезинформации со стороны России. Наконец, объединенная ячейка должна привлечь в свои ряды уважаемых и проверенных бойцов с опытом оперативной работы. Это обеспечит ее членам место за столом переговоров, где командиры и старшие руководители организации будут отстаивать свою позицию перед всей организацией. Эти усилия позволят превратить информационную войну в более эффективную, всеобъемлющую и комплексную борьбу с нетрадиционными нападениями со стороны России. Отдельные специализированные командования и новые инициативы, такие как многопрофильная оперативная группа Сухопутных войск США, стремятся выполнить многие из тех задач, о которых говорилось выше. Однако они слишком разрозненны и специализированы, чтобы быть полностью интегрированными во всю оперативную структуру Сухопутных войск. Аналогичные проблемы существуют и в отношении текущих уровней секретности многих инициатив Сухопутных войск по ведению информационной войны. Эффективная информационная война более не может быть ограничена рамками специальных операций, собственных специальных боевых командований или специализированных программ, для участия в которых требуются специальные разрешения. Данная рекомендация позволит ЕВКОМ развить этот потенциал в рамках собственной командной структуры и более эффективно сдерживать текущие российские кампании по дезинформации и кибератаки. Дополнительной проблемой является нежелание американских военных предоставлять информацию без получения предварительного согласия

по различным каналам командования. Это нежелание мешает нам вести информационную войну с необходимой скоростью, что является самым важным требованием в этой области. Для эффективного выполнения этой рекомендации руководители ЕВКОМ должны более спокойно относиться к возможности оперативных ошибок и быть готовыми взять на себя ответственность за ошибки. Это даст практическим работникам уверенность в необходимости продолжения борьбы.

ЕВКОМ и подчиненные ему командования проводят около 30 учений в течение календарного года, уделяя основное внимание оперативной совместимости США, союзников и партнеров. Эти учения демонстрируют военную мощь и нашу приверженность альянсам и партнерствам, но мало что делают для сдерживания нетрадиционной агрессии. Это связано с тем, что существующие учения сосредоточены на смертоносных операциях и не обеспечивают эффективной интеграции других государственных учреждений, частных предпринимателей или неправительственных организаций для развития и отработки наших собственных нетрадиционных возможностей за пределами военной области. Для того, чтобы приведенные выше рекомендации способствовали нетрадиционному сдерживанию, они должны быть включены в обновленную и более эффективную программу учений. План тотальной обороны Швеции на 2021-2025 гг. предусматривает участие вооруженных сил, государственных органов, промышленности и гражданского общества в создании потенциала и партнерств, которые обеспечат Швеции меньшую уязвимость, большую устойчивость и способность изучать передовой опыт для победы в борьбе с обычной и нетрадиционной агрессией. ЕВКОМ следует включить рекомендации реструктуризованного стратегического «круглого стола» по России в свои существующие учения и лучше разработать, внедрить и оценить нашу способность побеждать нетрадиционные атаки в рамках оперативных учений, как об этом пишет старший научный сотрудник Американского института предпринимательства Элизабет Брау в своей статье «Противодействие агрессии в серой зоне». Эти учения также могли бы дать возможность отработать и оценить степень интеграции информационной войны на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях военных операций. Это позволило бы всем участникам получить опыт эффективного использования информационной войны. В конечном итоге, подобные учения ясно покажут нашу способность и волю сдерживать и побеждать все формы агрессии и повысят устойчивость общества, необходимую для противодействия нетрадиционной агрессии. В настоящее время российское вторжение в Украину привело к тому, что значительная часть нынешних дискуссий о сдерживании вернулась к вопросу о традиционных возможностях и военной мощи. Это представляет собой прекрасную возможность для США закрепить в нетрадиционной среде и продолжить совершенствование собственных возможностей. Многие эксперты считают, что после того, как Россия завершит

свои действия в Украине, она вернется к активной нетрадиционной кампании и будет усиливать свои нападки на США и их союзников в стремлении восстановить свой обычный потенциал. Для США это уникальная возможность улучшить сдерживание нетрадиционной агрессии.

В своем предложении для Гибридного ЦПО относительно гибридных угроз Кершанскас утверждает, что успешное сдерживание «в виде решения не предпринимать намеченных действий, возникает в сознании враждебного субъекта. Это означает, что как публичная, так и частная коммуникация играет важную роль в формировании восприятия». Недавние высказывания президента США Джо Байдена о нашем «нерушимом обязательстве по статье 5 защищать каждый дюйм территории НАТО всей мощью нашей коллективной силы», а также его решение о скорейшем рассекречивании разведанных США относительно планируемого Россией вторжения в Украину, являются примерами эффективной коммуникации. Однако мы должны сделать больше. Мы также должны продемонстрировать ощутимую решимость, готовность и способность реализовать силовые решения против всех форм российской агрессии, как подробно описал Кейр Джайлс в своем документе 2021 г., подготовленном для Chatham House. Эти рекомендации улучшат нетрадиционные методы сдерживания и могут быть реализованы в рамках существующей организационной структуры ЕВКОМ. Разрабатывая подход к российской угрозе в масштабах всего общества, внедряя информационную войну во все аспекты наших операций и эффективно используя наши возможности, мы тем самым даем понять России и другим противникам, что США обладают необходимым потенциалом и волей для сдерживания агрессии.

Заключение

Наша ядерная триада, сильная система альянсов и технологически развитые вооруженные силы продолжают сдерживать обычные нападения России на США и союзников НАТО. Однако, как недавно отметил Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг, «... наличие сильных вооруженных сил является основополагающим фактором нашей безопасности. Но наши вооруженные силы не могут быть сильными, если общество слабое. Поэтому в качестве первой линии обороны мы должны иметь сильное общество». Разработка подхода, основанного на участии всего общества, при котором лидеры всех секторов США работают вместе, чтобы лучше определить, понять и смягчить нетрадиционную агрессию со стороны России, позволит усилить сдерживание. США неоднократно демонстрировали свою способность менять стратегии в зависимости от стратегической обстановки для содействия сдерживанию. Рекомендуемые изменения продолжают эту традицию и способствуют укреплению сдерживания, благодаря чему США сохраняют свою актуальность в XXI веке и будут способствовать международной стабильности в течение многих лет. □

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

На фотографии Министерства обороны РФ
показано испытание межконтинентальной
баллистической ракеты наземного
базирования на северо-западе России. 2020 г.

АССОЦИИЭЙТЕД ПРЕСС

И БУДУЩЕЕ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Анна Пецели, старший научный сотрудник Центра исследований глобальной безопасности, Национальная лаборатория Лоуренса Ливермора

В годы холодной войны Соединенные Штаты и Советский Союз считали стратегическую стабильность полезным инструментом для управления соперничеством великих держав и предотвращения крупной войны. В основе этой концепции лежал паритет в стратегическом ядерном потенциале. По сравнению с этой логикой, ориентированной на ядерное оружие и двусторонние отношения, современная архитектура безопасности является более сложной. В современной многосторонней и многодоменной среде концепция стратегической стабильности распространяется как по горизонтали, так и по вертикали.

По горизонтали, двусторонняя логика холодной войны больше не применима, поскольку подъем Китая означает, что теперь есть три великие державы, которым необходимо найти способ управлять своим стратегическим соперничеством. По вертикали, основной проблемой является большее разнообразие инструментов – ядерных и неядерных – способных создавать стратегические эффекты. Все большая зависимость великих держав от новых и разрушительных технологий привела к появлению новых стимулов для соперничества за стратегическое преимущество. Стабильность между этими государствами больше не может основываться исключительно на стратегическом ядерном паритете. Эти изменения имеют важные последствия для будущего контроля над вооружениями и для инструментов, необходимых для соответствия этим новым реалиям.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

С продолжением холодной войны США и Советский Союз осознали, что взаимная уязвимость неизбежна, а гонка вооружений сама по себе не может обеспечить желаемые преимущества в сфере безопасности. Это чувство взаимной уязвимости и опасения по поводу внезапного нападения другой стороны, в конечном итоге, побудили великие державы стремиться к стратегической стабильности и ввести ограничения на наиболее дестабилизирующие виды вооружений и

поведения. Термин «стратегическая стабильность» первоначально использовался как руководящее указание для избежания войны с учетом того, что обе стороны будут иметь возможность нанести ответный удар в случае, если противник предпримет первую попытку обезоруживания. Эта ранняя интерпретация стратегической стабильности стала известна как стабильность первого удара. Со временем появились и другие интерпретации. Кризисная устойчивость понимается как несколько более широкий термин, означающий отсутствие стимулов для первого применения любой формы военной силы в условиях кризиса. Если стабильность первого удара подчеркивала необходимость повышения жизнеспособности ядерных сил и их вспомогательных структур, то кризисная устойчивость была направлена на снижение эскалационного давления в конфликте. Третья интерпретация стратегической стабильности – это стабильность гонки вооружений, что означало, что ни одна из сторон не сможет улучшить свое положение по сравнению с другой стороной путем простого наращивания ядерных сил. В результате преследования этих целей одновременно были установлены четкие пределы стратегического соперничества в холодной войне, определены ограничения на наиболее дестабилизирующие возможности, проведено фактическое сокращение вооруженных сил и созданы инструменты управления кризисами для предотвращения непреднамеренной эскалации, основанной на просчетах и недопонимании.

Следуя вышеизложенной логике, переговоры по контролю над вооружениями между США и Советским Союзом в эпоху холодной войны, в первую очередь, были направлены на возможности, которые влияли на стратегическую стабильность. Вследствие этого Вашингтон и Москва заключили несколько договоров, ограничивающих ядерное оружие и возможности противоракетной обороны. Эти соглашения повысили стабильность первого удара путем устранения стимулов для нанесения первого обезоруживающего удара за счет формирования структуры сил и ограничения возможностей, повышающих относительную уязвимость.

Ракетно-космические технологии Китая представлены на Китайской международной авиационной и аэрокосмической выставке 2021 г.

АССОЦИЭЙТЕД ПРЕСС

Укрепление устойчивости в кризисных ситуациях происходило не только за счет снижения необходимости предупреждающего удара, но и за счет снижения вероятности неожиданного стратегического удара и просчетов путем повышения прозрачности и предсказуемости, а также за счет установления линий связи и механизмов разрешения споров. Кроме того, контроль над вооружениями способствовал повышению стабильности гонки вооружений путем установления качественных и количественных ограничений на определенные потенциалы, чтобы избежать наращивания военной мощи и снизить вероятность военного доминирования одной из сторон.

ПРОБЛЕМЫ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

В период после окончания холодной войны применение вышеупомянутых принципов является проблематичным по нескольким причинам. Первая группа вопросов связана с изменениями в глобальной структуре силы. Переход от биполярной архитектуры безопасности к многополярной среде означает, что стратегическая стабильность более не является предметом двусторонних отношений между Вашингтоном и Москвой. Растущая роль Китая в международных отношениях и наращивание им ядерного потенциала стали важными факторами в решениях США и России по структуре сил, а также в их подходах к стратегической стабильности и контролю над вооружениями.

До настоящего времени Китай не отличался прозрачностью в вопросе наращивания своих сил и отказывался от участия в дискуссиях по контролю над вооружениями и стратегической стабильности, несмотря на неоднократные призывы США. В действительности, Китай очень скептически относится к использованию терминов и логики времен холодной войны для определения своих отношений с Вашингтоном. Китай требует от США официального признания взаимной уязвимости и считает, что отказ США от такого заявления свидетельствует о стремлении Вашингтона к

абсолютной безопасности. Единственным случаем, когда Китай применяет логику холодной войны, является его утверждение о том, что отношения стратегической стабильности имеют смысл только среди равных в ядерной сфере. Таким образом, в отношениях с США он не играет никакой роли. Пекин считает, что усилия США по взаимодействию направлены в первую очередь на то, чтобы ограничить военную модернизацию Китая и закрепить его уязвимость по отношению к США.

Китай утверждает, что поскольку США и Россия обладают более 90% глобальных ядерных сил, они обязаны продолжать процесс контроля над вооружениями на двусторонней основе. Китай также скептически относится к мерам прозрачности, утверждая, что они являются уловкой для использования уязвимостей в асимметричных отношениях. По мнению Пекина, именно США провоцируют нестабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, поэтому Вашингтон обязан обеспечить большую прозрачность и принять меры для снижения вероятности недопонимания в условиях кризиса. В свете этих опасений маловероятно, что Китай в ближайшее время присоединится к официальным усилиям по контролю над вооружениями. Среди китайской политической и военной элиты широко распространено мнение о том, что контроль над вооружениями используется США лишь как заговор для сдерживания противников.

Превращение Китая в великую державу и проблема многополярности могут иметь два важных последствия для будущего контроля над вооружениями. Во-первых, для того, чтобы продолжить процесс контроля над вооружениями, США, которые по-прежнему стремятся восстановить свое лидирующее положение на этой арене, должны найти рычаги для привлечения своих противников за стол переговоров. Китай скептически настроен к этому процессу, тогда как у России плохая репутация в плане соблюдения своих обязательств по контролю над вооружениями – Госдепартамент США официально обвинил Москву в нарушении почти всех соглашений по контролю над вооружениями за последние 10 лет – и она по-прежнему не желает участвовать в новом раунде переговоров, если к ним не присоединятся две другие ядерные державы НАТО (Великобритания и Франция). Помимо отсутствия желания участвовать в переговорах, прочно укоренившееся обоюдное недоверие чрезвычайно затрудняет выдвижение любых предложений по контролю над вооружениями. Двухсторонние отношения с Россией резко ухудшились со времен окончания холодной войны. В связи с этим все стороны склонны исходить из наихудших предположений о намерениях другой стороны. До настоящего времени конструктивные размышления о стимулах в виде поощрения или наказания практически не проводились. Для преодоления этих трудностей Вашингтону важно скоординировать свои действия с союзниками и обговорить, что именно они готовы положить на стол переговоров в обмен на ограничения арсеналов России

и Китая, а также какие конкретные выгоды они хотят получить от контроля над вооружениями.

Вторым важным следствием многополярности является усложнение процесса переговоров. В частности, США придется пойти на дополнительные компромиссы и ограничиться лишь несколькими всеобъемлющими соглашениями. У США, России и Китая очень разные структуры вооруженных сил, что затрудняет заключение соглашений, таких как соглашения Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ) или Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). В результате этого, возможно, придется пойти на уступки как по объему, так и по механизмам проверки будущих соглашений. Более того, в процессе многосторонних переговоров Россия и Китай могут объединиться против США в стремлении добиться несправедливых условий соглашения, которое обеспечит им асимметричные преимущества.

ПРОБЛЕМЫ С РАСТУЩИМ НАБОРОМ ИНСТРУМЕНТОВ

Наряду с ростом числа великих держав, наблюдается значительный рост инструментов, способных оказывать стратегическое воздействие. Если во времена холодной войны стратегическая стабильность определялась равенством стратегических ядерных потенциалов, то сейчас стратегические позиции США, России и Китая все больше зависят от концепций и возможностей в различных операционных сферах. Сама по себе идея многодоменной войны не является новой. Новым является растущее число возможностей, которые настолько сильны, что могут спровоцировать ядерную эскалацию.

Таким образом, помимо размера ядерных арсеналов, сегодня стратегическое соперничество определяется гонкой за разработку ряда новых и разрушительных технологий (НРТ), таких как противоракетная оборона, обычные ударные вооружения большой дальности, возможности в кибер- и космическом пространстве. Эти новые возможности стирают границы между ядерными и обычными боевыми доктринами и объединяют ядерные, космические, кибернетические и обычные концепции. Кроме того, сложность этой многодоменной стратегической среды затрудняет определение различий между стабильностью и нестабильностью.

В литературе по новым и разрушительным технологиям говорится о том, что новые возможности могут как укреплять, так и разрушать стратегическую стабильность. С одной стороны, стабильность первого удара может быть обеспечена, поскольку благодаря НРТ первый обезоруживающий удар сложнее нанести в условиях большого разнообразия стратегических инструментов. Более широкий набор инструментов также означает, что вероятность ответных действий после первого удара выше. Кроме того, НРТ могут повысить жизнеспособность сил и эффективность систем командования и управления (С2), что снижает вероятность внезапного нападения. С другой стороны, НРТ могут также подорвать стабильность, увеличив скорость

и точность нападений, в результате чего упреждающие действия могут стать более привлекательными для военных и политических лидеров.

Преимущества НРТ для стабильности в кризисных ситуациях включают в себя повышение доверия к угрозам ниже ядерного порога из-за увеличения числа вариантов военных действий, а также улучшения разведки, наблюдения и рекогносцировки (РНР). Благодаря этому снижается опасность эскалации, так как усложняется расчет рисков противника. Улучшение РНР также снижает вероятность недопонимания, поскольку в процессе принятия решений используется более качественная информация и создаются более прямые каналы связи между мировыми лидерами. В то же время эти новые технологии могут подорвать устойчивость в кризисной ситуации, поскольку увеличение скорости ведения боевых действий (например, гиперзвуковое оружие) значительно сокращает время для обнаружения нападения, обдумывания и реагирования. Сокращение времени на консультации и обдумывание повышает вероятность того, что информация не будет проверена и будут допущены ошибки. Это также способствует снижению контроля со стороны человека и автоматизации некоторых процессов. Таким образом, возникает потребность в надежной и точной информации, тем самым открывая новые возможности для манипулирования информацией со стороны противников.

Бывший президент США Барак Обама (слева) и бывший президент России Дмитрий Медведев подписывают новый договор СНВ в Праге в 2010 г. GETTY IMAGES

Что касается стабильности гонки вооружений, оптимисты используют логику холодной войны, утверждая, что новые уязвимости, созданные НРТ, заставят великие державы сесть за стол переговоров, как только они признают, что взаимная уязвимость неизбежна. Преимущества первого участника в этих новых областях, скорее всего, будут недолговечными, и как только великие державы сравняются друг с другом или разработают контрмеры, стимулы к гонке вооружений снизятся. В то же время нестабильность может усилиться,

Китайские автомобили с гиперзвуковыми баллистическими ядерными ракетами проезжают мимо зрителей во время парада в Пекине. АССОЦИИЭЙТЕД ПРЕСС

поскольку некоторые НРТ обеспечивают значительное военное преимущество тем, кто первым внедрит новую технологию (например, квантовые вычисления), так что предвкушение преимуществ на поле боя будет и дальше стимулировать великие державы к соперничеству. До тех пор, пока США, Россия и Китай будут считать, что преимущества этих новых технологий перевешивают риски соперничества, они не будут применять меры взаимного сдерживания и контроля над вооружениями в новых областях. Из-за этой противоречивой динамики будущее стратегической стабильности и контроля над вооружениями в значительной степени зависит от того, как великие державы будут применять эти технологии. Весьма вероятно, что элементы сотрудничества и конкуренции будут сосуществовать в той или иной форме.

Многодоменная среда будет иметь два дополнительных последствия. В первую очередь, необходимо пересмотреть традиционную концепцию стратегической стабильности. В свете растущего значения этих новых технологий становится ясно, что стратегический баланс между США, Россией и Китаем больше не определяется исключительно ядерным оружием. Хотя равенство стратегических ядерных потенциалов между США и Россией остается желаемой целью, стабильность будет также зависеть от баланса этих новых неядерных стратегических систем. Москва уже давно утверждает, что в отношениях между США и Россией растет нестабильность из-за развития США в области противоракетной обороны и обычных возможностей нанесения точных ударов. Москва неоднократно обвиняла США в стремлении к одностороннему доминированию и способности нанести первый обезоруживающий удар. Таким образом, российский подход к стратегической стабильности расширился и включает в себя ядерное оружие, обычные средства нанесения точных ударов, противоракетную оборону и НРТ в кибер- и космической сферах. Информационная война и более широкие политические факторы также влияют на отношения стратегической стабильности между Россией и США.

Китайская сторона также хорошо понимает, что военный баланс не определяется преимущественно количественными факторами; важны именно качественные отношения. Кроме того, неясно, в какой степени усилия России и Китая по модернизации были мотивированы желанием восстановить стратегическую стабильность. Оба государства утверждают, что наращивание ими военного потенциала было мотивировано успехами США в области противоракетной обороны и обычных высокоточных ударов, но в действительности они прошли долгий путь от простого «восстановления» статус-кво, особенно учитывая их достижения в области направленной энергии и противокосмического оружия. Похоже, что вместо соображений стратегической стабильности, их усилия по модернизации были в первую очередь мотивированы стремлением к разрушительным преимуществам, поэтому маловероятно, что они готовы к мерам контроля над вооружениями в новых областях. Несмотря на то, что некоторые решения США по структуре сил все еще продиктованы желанием сохранить стратегическую стабильность, на практике это понятие сдерживает только американские программы модернизации, но не российские или китайские усилия.

Диалог между этими великими державами осложняется еще и тем, что США, Россия и Китай по-разному трактуют военную полезность новых доменов и разработали различные концепции ведения боевых действий и контроля эскалации. К примеру, в то время как Россия и Китай считают информационную войну важнейшим инструментом формирования политической обстановки не только в условиях конфликта, но и в мирное время, США по-прежнему используют киберсредства преимущественно в тактическом плане, в рамках радиотехнической разведки.

Вторым важным последствием многодоменной среды, который необходимо учитывать в контроле над вооружениями, является растущее число качественных и количественных асимметрий. Помимо фактического паритета между США и Россией в стратегических ядерных силах, существуют огромные асимметрии в структуре сил великих держав. Прежние меры по контролю над вооружениями предлагают три различных варианта решения этой проблемы. Во-первых, асимметрия сокращений, которая означает, что подписавшие стороны соглашались на одинаковое ограничение, но на практике реализация требует больших сокращений с одной стороны. Во-вторых, асимметрия потолков, которая означает, что подписавшие стороны ограничивают аналогичные возможности на разных уровнях. И в-третьих, асимметрия областей, которая означает, что подписавшие стороны соглашались на схожие ограничения, но в разных областях и возможностях. Благодаря своей гибкости эти механизмы, вероятно, будут играть все большую роль в будущих переговорах по контролю над вооружениями, но работа с этими растущими асимметриями также порождает множество сложных проблем, связанных с компромиссами, правилами подсчета и проверкой.

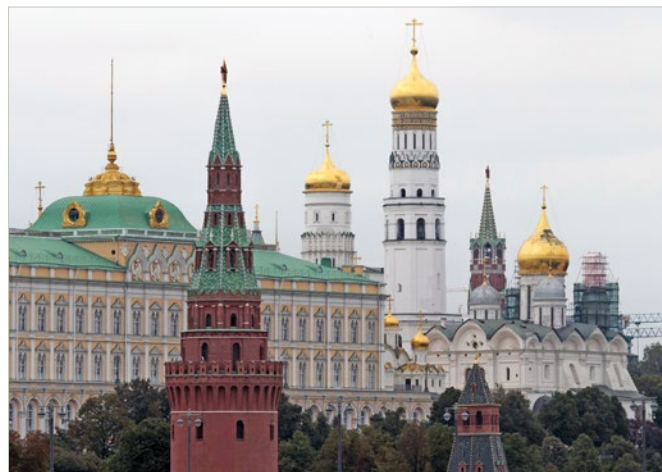
ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

США уже давно пытаются обсудить вопрос стратегической стабильности с Россией и Китаем. Официальная структура Диалога о стратегической стабильности (ДСС) предоставляет великим державам возможность обсудить основы их стратегических отношений, поговорить о контроле над вооружениями, восприятии угроз, «красных линиях» и правилах игры. Кроме диалога на высоком уровне она также предлагает возможность более углубленного обсуждения определенных тем в формате рабочих групп. В течение многих лет США пытались вовлечь Китай в эти дискуссии, но Пекин неоднократно отказывался участвовать в обсуждении темы стратегической стабильности на значимом уровне. Несмотря на то, что между США и Россией периодически ведутся переговоры по диалогу стратегической стабильности (ДСС), они носят спорадический и непродуктивный характер. В условиях горизонтального и вертикального расширения стратегической стабильности очевидно, что необходим новый подход. Стремление России и Китая конкурировать в новых областях привело к созданию ряда военных преимуществ, которые, вероятно, потребуют конкурентного ответа со стороны США и их союзников – особенно в космической и кибернетической областях. Однако это не означает, что стабильность может быть восстановлена только с помощью конкуренции.

США и их союзникам необходимо говорить о нормах и формате проявления сдержанности в тех областях, где Россия и Китай могут выразить готовность участвовать в переговорах по снижению рисков и контролю над вооружениями. Несколько основных принципов по-прежнему актуальны для будущего взаимодействия в области стратегической стабильности. Во-первых, стабильность имеет смысл только в том случае, если она включает в себя некое равновесие или определенную степень взаимной сдержанности. Во-вторых, логика взаимной уязвимости времен холодной войны все еще имеет решающее значение для концепции стратегической стабильности XXI века. И в-третьих, необходим некий структурированный механизм для объединения великих держав с целью формального взаимодействия по вопросам стратегической стабильности. Продвижение этих принципов сопряжено с трудностями, и это также потребует признания связи между контролем над вооружениями и сдерживанием, а также между сотрудничеством и конкуренцией.

Что касается инструментов контроля над вооружениями, то суть заключается в том, что контроль над стратегическими вооружениями больше не может иметь только двусторонний или ядерный характер. Переговорные рамки и механизмы проверки должны быть адаптированы к многосторонней и многодоменной среде. Многие из новых областей не поддаются эффективной проверке на основе существующих правил подсчета или традиционных мер, таких как проверки на местах. Кроме того, большинство новых технологий

имеют двойное назначение и двойное применение, что означает, что полный запрет вряд ли сработает. Вместо этого, в будущем механизмы контроля над вооружениями должны быть направлены на ограничение определенных видов применения и определенного поведения. Переговоры и инструменты проверки также должны учитывать тот факт, что многие из этих новых военных активов и большая часть ноу-хау принадлежит частному сектору. Это означает, что будет намного сложнее обеспечить выполнение достигнутых договоренностей. Существует множество областей, где традиционные, юридически обязывающие меры по контролю над вооружениями будет сложно осуществить. Вместо усилий по количественному сокращению отдельных категорий вооружений, более целесообразно сосредоточиться на поведенческих ограничениях и установлении норм и передовой практики. Что касается менее официальных мер контроля над вооружениями, то переговоры должны быть сосредоточены на обсужде-

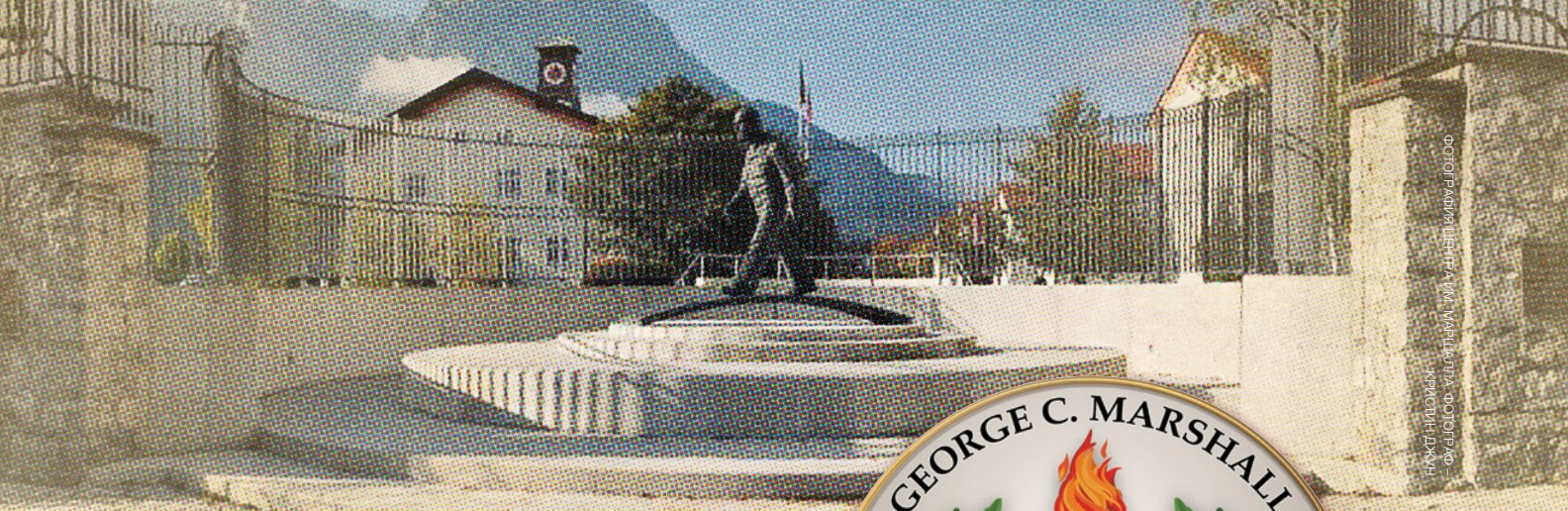

По имеющимся сообщениям, российские государственные киберхакеры являются исполнителями кампаний по шпионажу против США и их союзников.

АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

нии наиболее вероятных путей к применению ядерного оружия, понимании пороговых значений противника и предотвращении непреднамеренной эскалации. Неформальные меры контроля над вооружениями также имеют дополнительное преимущество в виде более быстрого процесса переговоров, что является важным преимуществом в нынешней быстро меняющейся стратегической среде. Однако для обеспечения работы этих механизмов великие державы должны будут выразить политическую готовность к взаимодействию и проявить лидерство, чтобы представить предложения на рассмотрение и продолжить процесс. □

Данная работа была выполнена под эгидой Министерства энергетики США в Национальной лаборатории Лоуренса Ливермора. Взгляды и мнения автора не обязательно отражают точку зрения правительства США или Национальной лаборатории Лоуренса Ливермора.

Ряжко Николай
— фотослов. институт им. Джорджа Маршалла

ПРАЗДНОВАНИЕ ВАЖНОЙ ВЕХИ

Центру им. Маршалла исполняется 30 лет в наступлении новой эры

Д-р Катрин Бастиан и д-р Ральф Ролофф
профессора в Центре им. Маршалла

5 июня 2023 г. Европейский центр по изучению вопросов безопасности им. Дж. К. Маршалла празднует свое 30-летие в то время, когда в Европе идут дезинтеграционные процессы, вызванные неспровоцированным и незаконным вторжением России в Украину 24 февраля 2022 г. Для большинства европейцев – хотя и были предупреждающие сигналы в виде российской агрессии на востоке Украины и аннексии Крыма в 2014 г. – произошло немыслимое: нарушение территориальной целостности страны путем развязывания полномасштабной войны. Центр им. Маршалла оперативно отреагировал, перенастроив внимание всех своих программ на последствия этого нападения и его влияния на трансатлантический альянс, на Европейский союз и на другие регионы мира. Спустя более 30 лет после падения «железного занавеса» и развала Советского Союза Кремль вновь шокировал мир реваншистскими настроениями и откровенной жестокостью. Также это стало ярким напоминанием о том, зачем создавался Центр им. Маршалла.

В начале 1990-х гг. Центр им. Маршалла приступил к своей деятельности в виде прочного партнерства Германии и США. Обе страны согласились создать центр изучения проблем безопасности, который бы содействовал непростой трансформации бывших коммунистических стран и обществ в демократические страны с ответственным управлением, которые со временем интегрируются в западные структуры безопасности, такие как НАТО и ЕС. Создание рабочей системы сотрудничества в сфере безопасности с бывшими членами Варшавского Договора и бывшими советскими республиками было центральным аспектом деятельности Центра им. Маршалла в первое десятилетие после создания. Реформы сектора безопасности и установление демократического контроля над вооруженными силами находились в центре внимания наших исследований и программ. Первоначально курсы длились девять месяцев, и не только из-за большого объема материала, который необходимо было покрыть, но также и из-за необходимости установить персональные отношения между участниками и создать группы коллег, необходимые для сотрудничества в сфере безопасности.

Первое десятилетие после окончания холодной войны подошло к концу внезапно, когда 11 сентября 2001 г. были совершены террористические нападения на США. Этой датой отмечено начало значительных перемен в мировой политике, а также и существенных изменений в приоритетах деятельности Центра им. Маршалла. Основным направлением деятельности центра стало создание глобальной коалиции для борьбы с терроризмом. В результате этого смещения приоритетов

Урсула фон дер Ляйен, бывшая в то время министром обороны Германии, справа, и Джим Маттис, бывший в то время министром обороны США, обмениваются рукопожатием на церемонии празднования 70-й годовщины Плана Маршалла в Центре им. Маршалла. 2017 г. АССОЦИЙТЕД ПРЕСС

Полковник Сами Тебер из Министерства обороны Туниса присутствует на лекции по борьбе с насильственным экстремизмом в рамках Программы исследования вопросов терроризма и безопасности.

ФОТОГРАФИЯ ЦЕНТРА ИМ. МАРШАЛЛА. ФОТОГРАФ – КАРЛ-ХАЙНС ВЕДХОРН

появилась одна из самых первых в мире программ по вопросам противостояния терроризму в глобальном масштабе. Учитывая начавшиеся глобальные усилия в этой области и крупномасштабные военные интервенции в Афганистане и Ираке, возрос спрос на поддержку этих усилий на стратегическом уровне со стороны компетентных академических программ. Были разработаны новые программы для очной формы обучения с упором на такие темы, как стабильность, восстановление и трансформация, пределы военного и гражданского вмешательства, деятельность и задачи, а также программа по вопросам внутренней безопасности и управлению внутренними кризисам, где сравниваются американский и европейский подходы. Эти программы стали эффективным ответом на растущий спрос со стороны стран-партнеров, а также заинтересованных сторон в США и Германии.

Академические программы продолжали развиваться в направлении анализа транснациональных вызовов безопасности и вскоре уже включали полноценную очную программу по проблемам борьбы с организованной преступностью. Поскольку киберпространство превратилось в главную опору мировой экономики, общественной жизни и механизмов безопасности, Центр им. Маршалла принялся за первоначальную стадию разработки программы по вопросам кибербезопасности, которая выходила за рамки чисто технических аспектов и предлагала более широкий стратегический взгляд на проблему. Во многих аспектах интерес к предмету перешел от региональных масштабов к международным и глобальным вопросам.

События из реальной жизни, однако, взяли верх над этими дискуссиями: в 2008 г. российско-грузинская война вернула обратно в повестку дня вопросы региональной безопасности. Более того, кризис в Украине и российская аннексия Крыма в 2014 г. отчетливо продемонстрировали, что над системой европейской безопасности нависла серьезная угроза, и что дух Парижской хартии 1990 г. испарился. Центр им. Маршалла быстро приспособился к этим новым реалиям, введя в учебный план семинар «Региональная безопасность» (СРБ) и серию

семинаров «Европейская безопасность» (Серия СЕБ). Учебный план предусматривает детальное рассмотрение соответствующих проблем безопасности в постоянно меняющейся и сложной обстановке в Европе и в мире, а Колледж по изучению проблем безопасности значительно увеличил количество мероприятий со студентами заочниками. Следует отметить, что высокие академические стандарты учебных программ обеспечивают семинарам этого колледжа аккредитацию в соответствии с Болонским процессом, что позволяет студентам получать зачетные баллы для программ магистратуры.

Для того, чтобы более систематически участвовать в обсуждении проблем безопасности Германии, США и международной безопасности в целом, Центр им. Маршалла начал принимать участие в стратегических инициативах совместно с известными и авторитетными организациями и «мозговыми трестами», такими как Мюнхенская конференция по безопасности, Германский фонд Маршалла, Федеральная академия по политике

Основным направлением деятельности центра стало создание глобальной коалиции для борьбы с терроризмом. В результате этого смещения приоритетов появилась одна из самых первых в мире программ по вопросам противостояния терроризму в глобальном масштабе.

Поскольку киберпространство превратилось в главную опору мировой экономики, общественной жизни и механизмов безопасности, Центр им. Маршалла принял за первоначальную стадию разработки программы по вопросам кибербезопасности, которая выходила за рамки чисто технических аспектов и предлагала более широкий стратегический взгляд на проблему.

безопасности/Bundesakademie für Sicherheitspolitik, Аспен Институт и Германский совет по международным отношениям/Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik.

Весной 2020 г. все мероприятия с личным участием внезапно были прерваны. Так же, как и большинство колледжей, институтов и академий по всему миру, из-за пандемии COVID-19 Центр им. Маршалла вынужден был перейти на виртуальное преподавание и обучение. Учитывая, что налаживание связей и персональное взаимодействие между экспертами являются ключевым элементом деятельности центра, требование социального дистанцирования действительно представляло собой настоящую проблему. Приспосабливаясь к новым ограничениям, преподаватели и слушатели перешли на цифровой вариант обучения, а Центр им. Маршалла продолжал поддерживать отношения с экспертами в области безопасности, которые ранее проходили обучение в нашем центре. В мае 2022 г. обучение в нашем центре окончил 15-тысячный выпускник.

Пандемия затронула не только жизни людей, она также нарушила уклад мировой экономики, глобальные

цепочки поставок и «смешала карты» в игре стратегической конкуренции. Внезапно ощутимыми стали минусы глобальной взаимосвязанности. Стратегическая конкуренция вскоре стала ключевой тематикой исследований программ в Центре им. Маршалла. Эта тематика покрывала весь спектр международной конкуренции за природные ресурсы и экономический вес, военную силу, политическое влияние и философские убеждения.

Реагируя на эти глобальные изменения, нам пришлось кое-что поменять в собственной структуре самого центра. Мы должны были более четко определить нашу цель, видение и стратегию. В этой связи была проведена тщательная организационная оптимизация,

Члены Главного консультативного совета и Организационного комитета консорциума «Партнерство во имя мира» обсуждают разработку учебных планов и создание группы специалистов по вопросам кибербезопасности. На встрече присутствовали эксперты из Австрии, Болгарии, Канады, Финляндии, Грузии, Германии, Польши, Румынии, Швеции, Швейцарии и США.

ФОТОГРАФИЯ ЦЕНТРА ИМ. МАРШАЛЛА. ФОТОГРАФ – КРИСТИН ДЖУН

В ответ на возрастание случаев конфликтов в «серых зонах» и информационной войны Центр им. Маршалла пошел дальше и стал уделять особое внимание России и стратегической конкуренции, кибербезопасности и гибридным войнам и угрозам.

Оксана Сыроед, бывшая в то время заместителем спикера Верховной Рады (парламента) Украины, рассказывает о вторжении России в ее страну в 2014 г. на семинаре по вопросам региональной безопасности.

ФОТОГРАФИЯ ЦЕНТРА ИМ. МАРШАЛЛА. ФОТОГРАФ – ДЖЕЙМС БРУКС

в ходе которой мы вернули должность посла-резидента и создали интегрированную группу, занимающуюся проблемами стратегических коммуникаций. Центр также начал пересмотр учебных планов, чтобы более внимательно оценить выбор тематик и академическое качество передаваемых знаний в свете новых реалий и политических событий в Европе после 2020 г.

Второе вторжение России в Украину в феврале 2022 г. вызвало шок, но постепенно привело к объединению «политического Запада» с более прочными связями внутри трансатлантического альянса, ЕС и «Большой семерки». Вместо того, чтобы разделить Запад, действия Кремля подтолкнули Финляндию и Швецию к подаче заявок на вступление в НАТО. В конечном итоге агрессия России привела к результатам, прямо противоположным тем, которые она хотела получить, еще более укрепив сотрудничество и координацию действий между ЕС и НАТО.

В ответ на возрастание случаев конфликтов в «серых зонах» и информационной войны Центр им. Маршалла пошел дальше и стал уделять особое внимание России и стратегической конкуренции, кибербезопасности и гибридным войнам и угрозам. Одновременно с этим центр расширил тематику исследований и включил в нее постоянно присутствующие и приобретающие все большую важность проблемы, связанные с изменением климата и его влиянием как на безопасность человека, так и на национальную безопасность, а также вопросы взаимозависимости и превращения ее в оружие, борьбы политических нарративов и порядка в либеральном мире. Это проявилось в приоритетности деятельности на Западных Балканах, поддержке вступления в ЕС

шести государств Юго-Восточной Европы и организации совместных программ с Украиной, Молдовой и Грузией.

Сложные проблемы, связанные с американской и европейской безопасностью и такими ценностями, как мир, демократия, свобода и права человека, призывают нас к продолжению прочного германо-американского партнерства. Объявленное Германией намерение инициировать «вступление в новую эру» и дополнительные усилия в укреплении безопасности и обороны являются четким сигналом сближения позиций с Вашингтоном и скрытым признанием того, что формула «перемены через торговлю» достигла своего предела. Война в Украине продемонстрировала Соединенным Штатам важность дальнейшего участия и инвестиций в европейскую региональную безопасность.

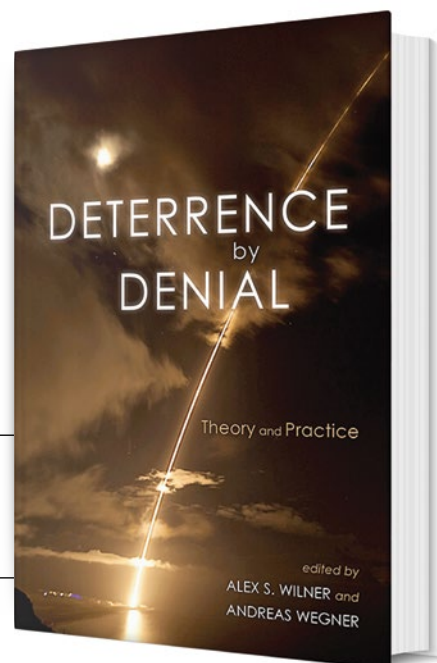
Европейский центр по изучению вопросов безопасности им. Дж. К. Маршалла отлично приспособлен для укрепления трансатлантических американо-европейских связей и дружбы в настоящее время и в будущем. За последние 30 лет центр доказал необходимость существования такого института с исключительной ценностью на современном ландшафте безопасности. Имея своей целью обучать, привлекать к сотрудничеству и поддерживать наших партнеров в области безопасности с целью оказания коллективного влияния на региональные, транснациональные и глобальные вызовы, Центр им. Маршала находится на верном пути к тому, чтобы стать уникальным германо-американским партнерством и авторитетным глобальным сообществом экспертов, отстаивающим общие ценности и предлагающим совместные геостратегические решения. С днем рождения, Центр им. Маршалла! □

ТРАДИЦИОННОЕ СДЕРЖИВАНИЕ – СОВРЕМЕННАЯ УЯЗВИМОСТЬ

РЕДАКТОРЫ: Алекс С. Уилнер и Андреас Вагнер

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Cambria Press

РЕЦЕНЗЕНТ: Патрик Сван, обозреватель журнала «per Concordiam»

Сдерживание противника бывает трех видов: наказание, возмездие и недопущение. Государство может сдерживать относительно равного по силе противника угрозами наказания и возмездия. Сдерживание путем недопущения убеждает противника в высокой вероятности поражения. Здесь все так же просто, как и с охраной автомобиля. Меры безопасности, такие как камеры, устройства для предотвращения краж или же просто то, что вы не оставляете ценные вещи в машине, уменьшают предполагаемую выгоду и повышают вероятность переключения злоумышленников на более легкие цели. По словам китайского стратега Сунь-Цзы, вершиной мастерства является лишение противника доступа к своим средствам или возможности их приобретения без поднятия руки в гневе.

Все это изложено в книге «Сдерживание путем недопущения: Теория и практика». Издатель пишет, что эта книга представляет собой первое исследование, посвященное исключительно вопросам недопущения в современном мире. Она была задумана и подготовлена с целью преодоления теоретического разрыва между классической теорией сдерживания и недостаточным обеспечением безопасности в нынешнее время. Под редакцией Алекса С. Уилнера, доцента кафедры международных отношений Карлтонского университета в Оттаве, и Андреаса Вегнера, профессора международной политики и политики безопасности Швейцарии в Швейцарской высшей технической школе Цюриха, в книге использованы эмпирически обоснованные и актуальные для политики материалы международных ученых.

Редакторы излагают историю сдерживания посредством недопущения, начиная со времен холодной

войны и до наших дней, а затем объясняют, почему, по их мнению, международное сообщество достигло «рассвета нового сдерживания» путем недопущения. В одной из глав рассматривается социальная психология недопущения и то, как можно обеспечивать сдерживание в антитеррористических операциях путем недопущения. Далее в книге рассказывается о том, как можно использовать сдерживание посредством недопущения в качестве стратегии, включая тематические исследования, рассматривающие сдерживание в киберпространстве путем недопущения.

Суть сдерживания через недопущение заключается в том, чтобы убедить одну из сторон не совершать какие-либо действия, а не заставлять ее делать то, что в противном случае она могла бы и не делать. Санкции из-за агрессии против Украины могут служить наказанием для России, лишая ее некоторых экономических выгод, но сами по себе они не заставляют Россию вывести войска или отступить. Сдерживание недопущением срабатывает, когда враждебные игроки убеждаются в том, что они лишатся выгод от своей агрессии.

Потенциальный недостаток политики в том, что мы считаем, что только сдерживание может предотвратить начало войны, и при этом не предусматриваем возможность того, что противник может найти обходной путь. «Безуспешность сдерживания, – пишет автор статьи Джеймс Виртц, профессор аспирантуры ВМС США, – преобразует «конфликт в испытание на готовность вступить в борьбу на истощение, чтобы изменить статус-кво. Сторона, бросающая вызов угрозе сдерживания, фактически делает ставку на то, что сторона, полагающаяся на сдерживание, провалит

это испытание». Таким образом, стратегии сдерживания посредством недопущения должны оставаться динамичными. Это не так просто и не очень выгодно. Мартин Либицки, профессор Военно-морской академии США, признает, что важно не допустить, чтобы противник начал борьбу – даже ту, которую он может проиграть. Один из способов добиться этого – показать, что даже успех в оперативной кибервойне не приведет к значительным военным последствиям.

Один из авторов, профессор Калифорнийского университета в Ирвайне Патрик Морган, рассказывает о том, как концепция недопущения вписывается в более широкие аспекты сдерживания, и как она развивалась, отражая «меняющуюся природу межгосударственной безопасности и конфликтов». Уилнер переосмысливает и преобразует понятие недопущения в три уникальные концепции: внутриконтрактное недопущение, кумулятивное недопущение и коммуникативное недопущение. Он иллюстрирует, как они могут применяться в различных контекстах безопасности. Профессоры Университета Торонто Джанис Гросс Стайн и Рон Леви дают теоретическую и эмпирическую оценку недопущения в современном антитерроризме для борьбы с субгосударственными угрозами и вызовами.

Вторая часть этого труда эмпирически оценивает современное понятие недопущения, представляя опыт, извлеченный из межгосударственных и региональных конфликтов. Виртц показывает, как и почему нынешние противники США пришли к убеждению, что они могут преодолеть сдерживание со стороны США, и что американские политики могут с этим сделать. Консультант по вопросам политики Джонатан Трексел предлагает углубленное исследование развития отношений Японии с Северной Кореей в области сдерживания. Он объясняет природу недопущения со стороны Японии и его влияние на поведение Северной Кореи. Этот опыт может быть полезен и для других стран и соперничающих государств. А консультант по вопросам политики Дмитрий Адамский рассматривает израильскую практику сдерживания в традиционной или классической интерпретации, а также то, как израильская практика эволюционировала в стратегию недопущения, соответствующую требованиям безопасности. Либицки рассматривает применение и практику принуждения в киберпространстве. По мнению Либицкого, оценка успеха может частично зависеть от того, пытается ли жертва нападения полностью отразить кибератаку или просто повлиять, ограничить или ослабить воздействие кибератаки на такие области, как инфраструктура и развернутые силы. Он называет это «косвенным недопущением посредством обеспечения жизнестойкости».

Морган утверждает, что сдерживание недопущением включает в себя активные и пассивные угрозы, призванные сделать потенциальную атаку

маловероятной и убедить нападающую сторону отказаться от этой затеи. Применение силы также может быть направлено на то, чтобы сделать реальную атаку безуспешной. В результате этого, нападающий будет вынужден отказаться от нападения. Или же обороняющаяся сторона может усложнить и повысить затраты на достижение успеха в нападении настолько, что в дальнейшем нападении не будут предприниматься.

По словам Моргана, сдерживание недопущением полезно для противостояния реальным, а не только возможным угрозам, которые многочисленны, но ограничены по масштабу. Оно охватывает подготовку, направленную на сдерживание военных или иных атак в будущем. Сторона, против которой готовится нападение, должна угрожать жестким сопротивлением любому нападающему и быть готовой выполнить эту угрозу в случае необходимости. «Угроза недопущения также направлена на формирование решений противника, причем не только психологически, но и, при необходимости, путем физического ограничения возможных результатов нападения. Эти два типа угроз отличаются друг от друга, но при этом пересекаются. Их цель одинакова, равно как и то, как действует сдерживание – сорвать планы противника, угрожая неприемлемым ущербом».

Редакторы напоминают читателям, что оборона не должна быть совершенной, она должна быть достаточно хорошей, чтобы убедить противника в том, что нападение потерпит неудачу или обойдется слишком дорого. «Если у противника высокая мотивация, даже высокая вероятность неудачи может не удержать его от продолжения нападения ... Вот почему стратеги часто добавляют элемент стоимости, связывая недопущение с наказанием». Активная оборона обеспечивает видимую защиту населения и увеличивает неопределенность для противников, не рискуя при этом эскалацией, которую может вызвать кинетический контрудар.

В специализированных главах этой книги показано, как и почему процессы обороны, наказания и недопущения неразрывно связаны между собой. Области, требующие дальнейшего изучения, включают риски, которым подвергаются ответственные за принятие решений лица при смешении этих концепций, как с концептуальной, так и с практической точек зрения; и не станут ли они оправдывать терроризм и кибератаки, рассматривая их лишь как одну из меняющихся точек спектра. Как утверждают редакторы, в теории, недопущение в сочетании с наказанием позволяет национальной власти использовать дипломатию, государственное строительство, разведку, экономику и другие методы для формирования поведения противника и манипулирования им. Но какие конфликты могут возникнуть между разрозненными гражданскими и военными лидерами? Эта книга – хорошая возможность для начала этой важной дискуссии. □

Стационарные курсы

Democratia per fidem et concordiam
Демократия через доверие и дружбу

Отдел регистрации

George C. Marshall European Center for
Security Studies
Gernackerstrasse 2
82467 Garmisch-Partenkirchen
Germany
Телефон: +49-8821-750-2327/2229/2568
Факс: +49-8821-750-2650

<https://www.marshallcenter.org>
registrar@marshallcenter.org

Порядок регистрации

Европейский центр исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла не принимает заявлений напрямую. Заявления на все курсы должны поступать через соответствующее министерство и посольства США или ФРГ в стране проживания кандидата. Тем не менее, отдел регистрации слушателей готов помочь кандидатам инициировать процесс. Запрос можно направить по электронному адресу: registrar@marshallcenter.org

Обновленное расписание курсов выставлено на вебсайте Центра им. Маршалла

ПРОГРАММА ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ППИБ)

Основной курс очного обучения Центра им. Маршалла охватывает такие сферы, как политика безопасности, вопросы обороны, международные отношения, включая международное право и борьбу с терроризмом. Основной темой, рассматриваемой на протяжении всей программы, является необходимость международного, межведомственного и междисциплинарного сотрудничества.

ПРОГРАММА «БОРЬБА С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ» (БТОП)

В центре внимания этой программы очного обучения находятся угрозы национальной безопасности, исходящие от контрабандных операций и других преступлений. Курс рассчитан на правительственных и государственных чиновников и практических работников, которые занимаются разработкой политики, правоохранительной и разведывательной деятельностью, а также операциями перехвата.

ПРОГРАММА «ТЕРРОРИЗМ И ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ» (ПТВБ)

Эта программа рассчитана на государственных служащих и офицеров вооруженных сил, которые в настоящее время работают на среднем и высшем уровнях управления организаций по борьбе с терроризмом, и она содержит сведения о характере и масштабах современной террористической угрозы. Программа повысит способность слушателей бороться с последствиями терроризма на региональном уровне за счет предоставления основных знаний, которые позволят служащим органов национальной безопасности сотрудничать на международном уровне в деле борьбы с террористической угрозой.

СЕМИНАР ДЛЯ ВЫСШЕГО РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА (СВРС)

Это интенсивная программа, посвященная новым ключевым глобальным тенденциям, которые могут привести к появлению новых точек зрения, концепций и совместных обсуждений, а также возможных решений. Программа предназначена для высшего офицерского состава, дипломатов высокого ранга, послов, министров, заместителей министров и парламентариев. СВРС состоит из официальных презентаций, проводимых высшими должностными лицами и признанными специалистами, с последующим всесторонним обсуждением в семинарских группах.

ПРОГРАММА ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ (ПВКБ)

Курс посвящен тому, как решать проблемы киберпространства в соответствии с основополагающими ценностями демократического общества. Это нетехническая программа, которая помогает участникам понять характер и масштабы современных угроз.

СЕМИНАР ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (СРБ)

Цель семинара – систематический анализ характера отдельных кризисов, влияния региональных субъектов, а также воздействия международных мер помощи.

Российские танки участвуют в Международных армейских играх, проведенных под Москвой в августе 2022 г. GETTY IMAGES

В следующем выпуске журнала «per Concordiam»:

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В XXI ВЕКЕ

ПРОГРАММЫ ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ

Кристофер Бурелли

Директор программ для выпускников
тел +49-(0)8821-750-2706
christopher.burelli@marshallcenter.org

Языки: английский, словацкий, итальянский, немецкий

Специалисты по связям с выпускниками

Андреа Благоевич

Западные Балканы,
Франкоговорящая Африка

Языки: английский,
сербо-хорватский

тел + 49-(0)8821-750-2291
andrea.blagojevic@marshallcenter.org

Донна Джанка

Северная и Южная Америка, англоговорящая
Африка, Восточные Балканы, Монголия;
специалист по борьбе с транснациональной
организованной преступностью (БТОП)

Языки: английский, немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2689
nadonya.janca@marshallcenter.org

Марк Джонсон

Восточная Европа, Кавказ,
Центральная Азия;
Специалист по кибервопросам

Языки: английский, русский,
французский

тел + 49-(0)8821-750-2014
marc.johnson@marshallcenter.org

Фрэнк Льюис

«Вышеградская четверка»,
Прибалтика, Ближний Восток, Южная
и Восточная Азия; специалист по
противодействию терроризму

Языки: английский, немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2112
frank.lewis@marshallcenter.org

Йохен Рихтер

Западная Европа

Языки: немецкий, английский

тел + 49-(0)8821-750-2814
jochen.richter@marshallcenter.org

mcalumni@marshallcenter.org

СОЗДАВАЯ
**ЛУЧШЕЕ
БУДУЩЕЕ**
ДЛЯ ВСЕХ

marshallcenter.org

